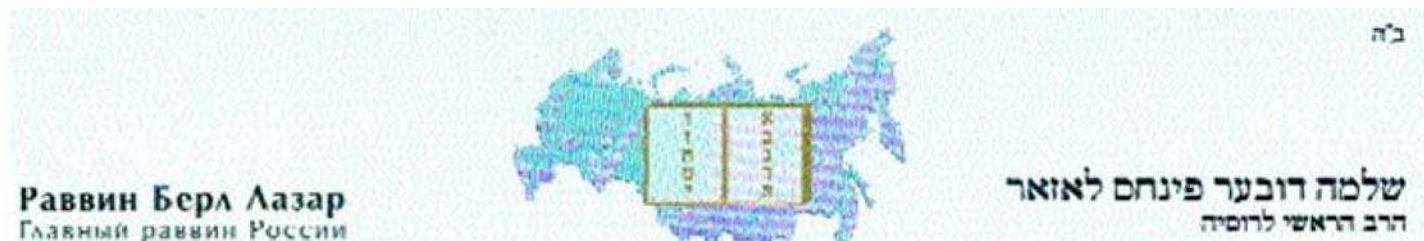

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ДЕКАБРЬ
2002**

**ТЕВЕС
5763**

№ 12 (128)

Всего одна свечка...

Пользуясь случаем, хочу поздравить читателей журнала «Лехаим» на всех континентах с наступающим праздником Ханука. Стало доброй традицией зажигать менору в публичных местах: на центральных площадях не только столиц и городов всего мира, но уже и в России, и в странах – бывших республиках Советского Союза. Все помнят, как два года назад президент России Владимир Владимирович Путин участвовал в зажжении меноры в Общинном центре в Марьиной роще. В эти дни ровно год назад мы зажигали ханукальную менору на Манежной площади с участием мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова.

Когда мы зажигали свечу, ко мне подошел случайно оказавшийся там прохожий и спросил: «Что здесь происходит?» Я ему рассказал историю с чудом Хануки и объяснил, почему мы зажигаем свечи не только внутри дома и не только для своей семьи. По Закону это нужно делать либо возле двери, либо около окна – чтобы свет был виден на улице. Цель этой заповеди – распространять чудо Хануки, чтобы все знали о нем, и показать: добро всегда побеждает, и свет прогоняет тьму. Еще наши мудрецы говорили: нельзя бороться с тьмой при помощи палок – нужно просто зажигать свет.

Прохожего, по-видимому, не убедил мой ответ. «Но ведь сейчас центр Москвы даже ночью залит светом, – недоуменно возразил он. – Повсюду ярко горят фонари, сверкает и переливается множеством цветов реклама. Так что ни эта ваша свечка на фоне ярко освещенного Кремля, ни даже те восемь свечей, что вы зажжете во время праздника, света не прибавят и ничего не изменят. Почему бы вам не зажечь большой свет, чтобы он был виден издалека? Вот тогда и будет понятна та идея, которую вы хотите передать!»

Но суть-то Хануки как раз и состоит в том, что мы зажигаем маленькую свечу. В этом – смысл заповеди, которую мы исполняем в память о том чуде, что произошло в Иерусалимском Храме более 2000 лет назад. Тогда наши предки нашли не оскверненное завоевателями масло и зажгли менору – и та горела восемь дней подряд!

Сегодняшний обряд на первый взгляд совсем не похож на то, что происходило в Храме. Тогда менору зажигал Первосвященник, в самом святом месте Святого города Иерусалима, а в наши дни – каждый еврей у себя дома в любом уголке мира. Тогда зажигали семь свечей – известно, что был семисвечник, – а сегодня уже восемь. Как же то, что мы исполняем ныне, связано с происходившим в древности?

Одно мы знаем точно: наши ханукальные свечи – продолжение идеи, осуществленной в Храме. Тогда Б-г сказал Первосвященнику Аарону: зажги менору, и свет ее пребудет во веки веков...

В те далекие времена, в царствие Соломона, все евреи жили на Святой Земле Израиля, и Первосвященник, самый святой человек, в самом святом месте мира, в

Иерусалимском Храме, зажигал одну – всего одну! – менору, тем самым давая свет всей земле. Ибо эта менора свидетельствовала миру: Б-г пребывает в Израиле. То было действительно светлое время для евреев.

А сегодня мы живем в темную не только для евреев – для всего человечества пору. Силы зла показали свое ужасное лицо, терроризм расползся уже по всему миру, люди даже в собственном доме не чувствуют себя защищенными, живут словно в потемках. Во всем ощущается нестабильность. И многие поняли, что так быть не должно – обязательно есть что-то, способное придать бытию смысл и полноценность. Что в такие времена недостаточно зажечь светильник в Храме – сейчас это нужно делать в каждом еврейском доме!

Пора зажигать свечи! И не только для себя и своих близких – мы должны делать это так, чтобы свет был виден всем и везде!

Эта традиция наполнена глубоким и мудрым смыслом. Но если во времена Храма хватило семи свечей, то в наши дни, когда становится все больше препятствий, мешающих нам идти по правильному пути, нужно еще добавить света. Именно так мы сумеем разогнать окутавшую мир тьму.

Да, мы зажигаем маленькие свечи, но ведь свет их отнюдь не просто материальный. Понятно же, что сейчас даже ночью намного светлее, чем раньше, как справедливо заметил мой случайный собеседник. Но разве в этом дело? Сегодня нам не хватает как раз внутреннего света – того, что один способен осветить наши сердца. Ведь когда кругом мрак, даже слабый свет придает силы и способен вывести из тьмы.

Именно это мы и хотим донести до всех, празднуя Хануку. Для победы над силами зла нам не нужно совершать какие-либо перевороты. Достаточно малого, чтобы каждый чуть-чуть добавил света и добра хотя бы для своего окружения. И уже одно это способно изменить наше нынешнее положение, да и наше будущее.

Часто спрашивают: что в этом жестоком мире может сделать малое доброе дело и слово? И какая разница, буду ли я выполнять ту или иную мицву или нет? Кто я такой, разве могу я исправить мир?!

Но именно об этой возможности как раз и свидетельствует нам Ханука – одна свечка может в полной тьме указать верный путь к свету!

Один царь захотел проверить, кто из его советников самый мудрый. Пообещав награду, он задал им задачу: чем-нибудь заполнить большую комнату. И вот первый советник стал таскать кирпичи и в течение недели ими заполнил ее. Второй за один день заполнил ее соломой. Третий же, самый мудрый из всех, просто зажег свечу – и в единый миг комнату заполнил свет...

Перед каждым из нас стоит эта задача: добавить в мире света хоть одной, пусть даже и небольшой, свечой... И если человек будет это делать не только в дни Хануки, но продолжит добавлять света каждый день – мир преобразится к лучшему. Если каждый день делать еще одно доброе дело – тогда весь мир заполнится светом.

Очень важно, чтобы в Хануку

каждый из нас зажигал свечу в доме и чтобы все видели: здесь добавляется света. Того, про который Первосвященнику Аарону сказал Создатель: он будет светить и внутри Храма, и для всего мира.

В темные времена дается сила свыше – от Б-га. В наших же силах – добавлять света не только в Хануку, но и во все времена.

Дай Б-г, чтобы в ближайшем будущем мы смогли снова вернуть светлый период еврейской истории! Жизнь всех людей на земле и сам мир станет лучше, когда будет построен Третий Храм. И тогда возгорится свет на священной вершине Сиона.

Веселой Хануки всем вам!

לְעוֹלָם וָעוֹלָם דִּינֵי אֱלֹהֵי עֲצָרָה

Ḥēḥēḥēḥē

Оправдание смеха

È íàçàèè Áàðààì ñííá ñáíáá.., èíòíðíá ðíàèèà àí ó

Ñàðà,

èì áí áí Èöðàè («ñí áð»). È ñéàçàèà Ñàðà: «Ñí áð ñáíàèè

ì í á Áíáíèèíí ùé;

áñýèèè, èòí áñèùèèè, ìíñí áàòñý íááí ì ííð».

Áðàéèèñ 21:3-6

Ḥíááà áñò à íàèè áùèè ìíèí ù áíáíèíý, è ýçíé íàè - í áí èý.

Ḥàèèèì, 126:2

Каждый из 54 разделов Торы является «урочным чтением» на определенную неделю года, когда соответствующий текст надлежит читать в синагоге и изучать. Каждая глава имеет собственное название по какому-либо слову или словосочетанию из первого стиха этого раздела; при этом нет единого правила, которое определяло бы это название. Так, например, раздел, начинающийся словами «И отделился Корах» или «И увидел Балак», соответственно называются «Корах» и «Балак». Однако раздел, начинающийся словами «И вышел Яков из Беэр-Шевы», назван «Вайейце» («и вышел он»). А раздел, в начале которого говорится: «И подошел к нему Иеуда», назван «Ваигаш» («и подошел он»), а не «Яков» или «Иеуда».

Хасидские наставники поясняют, что в названии каждой главы содержится урок, связанный с основной темой данного раздела и имеющий вечное значение. Таким образом, названием для каждого раздела становится наиболее подходящее для этого понятие, в котором актуализировано отношение данного фрагмента текста к жизни каждого еврея.

Остановимся подробнее на разделе «Тойлдойс». Это слово, означающее «родословие», «порождение», взято из первого стиха раздела: «Вот родословие Ицхака, сына Авраама». Но ведь пять недель назад мы читали раздел, открывающийся словами «Вот родословие Ноаха» – и раздел тот назван «Ноах». Вполне естественно, что два раздела не могут иметь одно и то же название. Но если бы название раздела определялось первым подходящим словом в стихе, этот раздел открывающем, тогда части, известной нам как «Ноах», пристало бы называться «Тойлдойс», а той части, которая интересует нас сегодня, – «Ицхак». Но, видимо, в главе про родословие Ицхака есть нечто, чему больше подходит название «Тойлдойс», нежели главе «Ноах».

Начало и конец

Дело в том, что «Тойлдойс» – не простое слово. Это – слово, объемлющее весь космос, всю историю, и в нем дана цель нашей жизни. После рассказа о том, как Б-г за шесть дней сотворил мир и назначил седьмой день для отдыха, Тора начинает рассказ о человеке следующими словами: «Вот тойлдойс неба и земли при происхождении их...» (Брейшис, 2:4).

А восемнадцать книг – и три тысячи лет – спустя в Торе книга «Рут» заканчивается следующими словами: «И вот тойлдойс Переца: Перец родил Хецрона, Хецрон родил Рама, Рам родил Аминадава, Аминадав родил Нахшона, Нахшон родил Салмаха, Салмах родил Боаза, Боаз родил Оведа, Овед родил Иессея, Иессей родил Давида».

В Мидраше говорится: Слово «тойлдойс» везде в Торе присутствует в неполном написании (то есть с пропущенной буквой «вов») за исключением двух мест: «Вот тойлдойс Переца...» и «Вот тойлдойс неба и земли при происхождении их...» Почему же во всех других случаях буква «вов» пропущена?.. Потому что шесть (вов) сущностей было отнято у Адама: сияние, жизнь, облик, плоды земли, плоды древесные и светила... Ибо мир был сотворен совершенным, однако грех Адама разрушил совершенство, и оно будет восстановлено только с приходом Мошиаха, потомка Переца (Мидраш Раба, Брейшис, 12:5).

История человечества – путь от тойлдойс к тойлдойс, от совершенного мира, сотворенного Б-гом, к восстановленному совершенству мира, что явится с приходом Мошиаха. Можно также привести слова Раши: «Тойлдойс праведных – их добрые деяния» (Брейшис, 6:9).

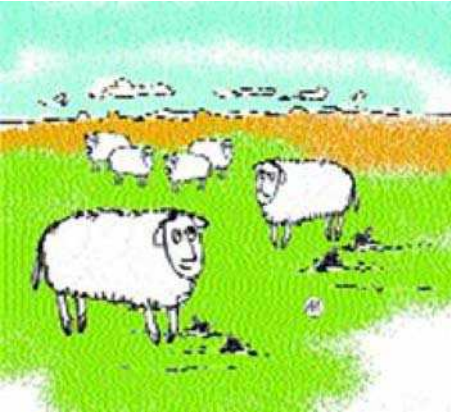
Ноах и Ицхак

Людские достижения можно подразделить на две группы: «порождения Ноаха» и «порождения Ицхака».

Имя «Ноах» означает «покой». Имя «Ицхак» значит «смех». Многие мечтают о спокойствии, и вся жизнь таких людей направлена на то, чтобы из хаоса существования выстроить исполненный покоя мир. Действительно, «Тора была дана, чтобы установить мир в мироздании» – чтобы связать силы, рвущие мир в стороны, и превратить мироздание в гармоничное зеркало, в котором отражалась бы гармония Творца (Рамбам, Ханукальные законы, 4:14).

Но тут можно заметить, что существование, исполненное абсолютного покоя, уже граничит с небытием. И если бы целью творения был покой, то его можно было бы точно так же достичь, вовсе не творя мир – такое решение куда больше отвечало бы этой цели. Поэтому не удивительно, что лишь очень немногие из нас действительно получают удовлетворение от долгих периодов покоя. Мы хотим от жизни большего, чем просто отсутствие беспокойства. Мы хотим радости, хотим, чтобы наша жизнь была наполнена веселым смехом.

И именно в этом – истинная цель творения: сделать мир источником радости для Б-га и человека.

Поэтому, если раздел Торы должен называться «Тойлдойс», это, скорее, тойлдойс Ицхака, чем тойлдойс Ноаха. И если это повествование о человеке и его порождении – то есть о плодах его усилий, – то это повествование о радости и о порождении смеха.

Ààéàöä

ОВЦЫ

В этой главе все время упоминаются овцы. Овцы Лавана и овцы Яакова; белые овцы, черные овцы, крапчатые овцы, пестрые овцы, полосатые овцы. Первое, что видит Яаков, придя в Харан, – стада овец, лежащих в поле подле колодца, устье которого закрыто камнем. И тут же он видит, как к колодцу приходит пасущая овец Рахель, будущая его жена (само имя ее на иврите означает «овечка»). Вскорости же Яаков сам становится пастухом и водителем стад: он ходит за овцами, получает ими плату за службу у Лавана, растит крапчатых и пестрых овец, видит овец во сне, обретает богатство – многочисленные овечьи отары. И наконец возвращается со своими овцами в Святую Землю, где приносит богатый дар брату своему Эйсаву – дар этот состоит по большей части из... овечьих отар.

Кажется, будто повествование в основном посвящено овцам, а женитьбы Яакова на Лее и Рахели, обстоятельства рождения одиннадцати из двенадцати его сыновей, от которых произошли двенадцать колен Израиля, – лишь отдельные его эпизоды. Можем ли мы сделать какие-то выводы из того, что рассказ о возникновении Израиля как народа столь богат «овечьими мотивами»?

Основополагающая метафора

«Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет [меня] между лилиями» (Теилим, 2:16). Мидраш Раба поясняет, что этот стих произносится от лица Израиля и речь в нем идет о связи Израиля с Б-гом. «Он – пастырь мой, [ибо написано:] “Пастырь Израиля! внемли” (Теилим, 80:1); а я – овца Его, [ибо сказано:] “вы – овцы Мои, овцы паствы Моей”» (Иехезкел, 31:34).

Упомянутый Мидраш останавливается и на других метафорах, описывающих нашу связь с Б-гом: связь ребенка и отца, сестры и брата, невесты и жениха, виноградника и виноградаря. Каждая из этих метафор описывает определенный аспект этой связи: что она дана народу Израиля изначально, что в основе ее – любовь и привязанность, что Б-г нас хранит, что народ Израиля – источник радости для Б-га и т.д. Какой же аспект этой связи описывается метафорой «овцы – пастырь»? То, что Он ниспосылает нам все необходимое, заботится о нас и хранит нас, как и то, что наша задача – угождать Ему, и наши жизни посвящены этому служению – все выражено в метафоре «отец – дитя». Какой же именно аспект нашей связи с Б-гом может быть раскрыт только метафорой, говорящей о нас как о Его овцах?

Овцы ассоциируются с послушанием и повиновением. Ребенок повинуетя отцу, однако делает это из-за того, что признает за отцом силу, мудрость и т.д.; овцы же повинуются просто потому, что это заложено в их природе, им для этого не нужно никаких мотиваций. Именно безусловное повиновение Израиля Б-гу и олицетворяет «овечья» метафора. Ибо мы угождаем Ему, не спрашивая ни о чем не потому, что признаем Его мощь и величие. И не потому, что испытываем к Нему любовь – иначе наша покорность Его воле была бы ограничена: наши чувства и наше понимание не способны постигнуть и вместить Б-га. Мы Его не спрашиваем просто потому, что «мы – овцы Его».

Выше разума

Народ Израиля уподоблен овцам потому, что в самой основе нашего еврейства лежит готовность полного самозабвения во имя Б-га и безусловное повиновение Ему. При этом мы не только овцы Б-га – мы также и чада Его, Его невеста, Его сестра и виноградник. Обратим внимание: и в Торе сказано, что когда Яаков покидал Харан, двадцать лет прослужив в пастухах у Лавана, его богатство состояло не из одних лишь овец: «было у него много овец, рабыни и рабы, верблюды и ослы» (Брейшис, 31:43). В тексте мы читаем: Лаван расплатился с Яаковом овцами и стада того быстро умножились. Но откуда пришло все остальное, чем обладал Яаков, покидая Лавана? Этот стих Раши поясняет так: «Он продавал овец своих за хорошую цену и приобретал на вырученное все остальное». И духовное «богатство» Яакова тоже заключалось не в одних лишь покорности и готовности к самозабвению во имя Б-га: он был одарен способностью глубоко чувствовать Б-га и постигать Его глубину, был исполнен силы духа и стойкости. Так, посылая вестников к Эйсаву, Яаков велит им сообщить брату о своих богатствах следующее: «Достались мне волы, и ослы, овцы, и рабы, и рабыни» (Брейшис, 32:6). И если цитированный «список» богатств Яакова начинался с «овец», то здесь на первом месте – «волы» и «ослы». Дело в том, что Яаков, посылая вестников, не знает об истинных намерениях Эйсаву, выступившего ему навстречу с четырьмя сотнями соратников. Поэтому Яаков желает подчеркнуть: хотя в своих отношениях с Б-гом он податлив и покорен Его воле, тем не менее у него достаточно силы духа и жесткости, чтобы противостоять всякому, кто на него ополчится.

Но основой и корнем всего были его «овцы».

Быть евреем – значит постигать Б-жественную мудрость, открытую нам Его Торой, пылко любить Б-га и благоговейно трепетать перед Ним, нести Его мудрость и Его волю в мир, часто враждебный. Все это требует от нас осознанного и правильного приложения сил, разума, эмоций, настойчивости. Но в основе всего этого лежит одно и только одно: наши обязательства перед Б-гом превышают умственное или эмоциональное постижение их. Однако именно из этого источника берут начало все остальные наши действия.

Áàèøëã

ДВОЙНОЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

È ñèàçàè àì ó [àí àè] «Í á Bàèíá àíèæí î áúòú àí ðáúú èì ÿ ò àíá

à Èíðàÿè: èáí òú ñíò ÿçàèíÿ ñ àí àèíì

è ñéðáúú è è íáíéæ».

Áðáèøëñ 32:29

Ñèíáà ÿè è íðèçíáíú ú àí àèíì, ñ èíòíðúì Bàèíá àíðíèÿ íí:úð í àèáí óí á áíòðá:è ñ áðáòíì ñáèì Ýéíáíì. Ííçæá í ú ÷èòááì, èæé Á-á ÿàèèÿ Bàèíáò è ííáòíðí ñèàçàè: íòíúíá èì ÿ àí ó- Èíðàÿè (Áðáèøëñ 35:10).

Мы помним, что волей Б-га Аврам сменил имя на Авраам – причем эта «перемена имени» имела абсолютную силу. Так, в Талмуде (Брохойс, 13а) подчеркнуто: «Всякий, назвавший Авраама Аврамом, нарушает запрет, данный в Торе, ибо написано: “И не будешь больше именоваться Аврамом, но Авраам имя твое”» (Брейшис, 17:5). Якову тоже сказано: «Не Яков должно быть впредь имя твое», – однако Тора продолжает звать его обоими именами. Причем часто оба эти имени встречаются в пределах одного эпизода и даже в пределах одного стиха. Например, в Брейшис: «И сказал Всевышний Исраэлу в ночных видениях, говоря “Яков! Яков!”, и тот сказал: “Вот я!”» (46:2). И евреев, носящих имя предка своего народа, часто зовут и «Яков» и «Исраэл».

Авраам – отец не только Ицхака, от которого произошел народ Израиля, но и еще семи сыновей, к которым восходят разные семитские народы. Так, Ицхак является отцом Эйсав, к которому восходят эдомитяне, и отцом Якова. При этом к Якову восходит только один народ – евреи: его двенадцать сыновей положили начало двенадцати коленам Израиля.

Авраам изменил имя, когда совершил, как было велено Бгом, обрезание: если Аврам означало «достолавный отец», то Авраам – «достолавный отец множества потомков». В имени Авраам повторены те же буквы, что и в Аврам, как сохранено и старое значение. Но в нем появилась и еще одна буква – «хей», а значение обогатилось дополнительным смыслом. И потому назвать Авраама «Аврамом» равнозначно принижению его роли: низведению патриарха до той личности, которой он был прежде, чем познал Б-га.

С другой стороны, имена Яков и Исраэл совсем несхожи, значение их – различно. При том, что Исраэл олицетворяет более высокое состояние бытия, чем Яков (поэтому то, что в Якове принадлежит Исраэлу, уже «не Яков впредь»), есть некие силы, присущие уровню, олицетворяемому именем «Яков», и отсутствующие у «Исраэла». Поэтому Яков остается именем, которым зовут и третьего из патриархов, и еврейский народ в целом. Исраэл может олицетворять более высокую ступень еврейства, чем Яков. Но сила еврейского народа в том, что в нем присутствуют и евреи Якова и евреи Исраэла, а в каждом еврее мы различаем и те, и другие элементы.

Воин духа

Отчасти можно понять разницу между личностью, отождествляемой с Яаковом, и личностью, отождествляемой с Израэлом, вдумавшись в слова языческого пророка Балака. Его подталкивали к тому, чтобы проклясть еврейский народ, он же, наоборот, произнес одно из самых ярких славословий жизни евреев и их предназначению.

Во втором своем проклятии, обернувшись благословением, Балак говорит:

«Не увидел [Б-г] провинности в Яакове и не увидел зла в Израэле» (Бемидбар, 23:21).

Эти слова подразумевают в числе прочего: удел Яакова – трудиться, всякое его продвижение вперед связано с усилием, однако это напряженное усилие не бросает на Яакова и тени вины в глазах Всевышнего. Израэлу же, напротив, дано вести спокойное, безмятежное существование – он избавлен и от усилий, и от вины.

Тора дает нам двойное истолкование имени «Яаков». Он явился на свет, держась за пятку своего брата-близнеца Эйсав, и отсюда – имя Яаков со значением: «тот, который рядом с пятой» (Брейшис, 25:26). По прошествии лет Яаков, переодевшись Эйсавом, хитростью получил благословение Ицхака, предназначавшееся его старшему брату. Узнав это, Эйсав восклицает: «На то ли нарекли ему имя Яаков, чтобы он обхитрил меня уже дважды? Первородство мое взял он, а вот теперь – благословение мое» (Брейшис, 25:29-34; 27:36).

Яаков – еврей, пребывающий в гуще жизненной битвы. Битвы, в которой он часто оказывается «у самых пят». Ибо ему приходится иметь дело с самыми низменными аспектами собственной личности и того окружения, в котором он существует. В этой битве ему часто приходится прибегать к хитрости и скрытности: он находится на территории врага и не должен выказывать свои истинные намерения, иначе противник легко заманит его в ловушку. В условиях, когда окружающий мир постоянно демонстрирует ему свою враждебность, когда дают о себе знать собственные несовершенства и склонность к злу, еврею Яакову все же удается преодолеть изначально данные ему условия бытия. Удастся преодолеть то, что Иов формулирует так: «человек рожден на страдание», когда человеческая жизнь – лишь ряд препятствий, мешающих обретению цельности (Иов, 5:7).

Б-г не видит провинности в Яакове потому, что вопреки всему, с чем Яакову приходится сталкиваться, он способен противостоять всем врагам и искушениям. И даже на мгновение уступая внутренним слабостям или внешним искушениям, он не теряет свою изначальную причастность Бжественному и свою чистоту. Эти качества всегда, в конечном итоге, торжествуют в его душе, как бы ни был он «придавлен» жизнью. Но если он и свободен от греха, он не свободен от постоянного напряжения, постоянного усилия, связанного с необходимостью утверждать такого рода свободу. Его жизнь всегда подобна войне, независимо от того, сколько сражений он уже выиграл.

Что до имени Израэл («одолевший Бжественное»), то оно было дано Яакову, когда он «состязался с ангелом и с людьми, и одолел» (Брейшис, 32:29). Израэл – еврей, преодолевший свою человеческую природу и на внутреннем уровне полностью реализовавший изначальное присущее его душе совершенство, благодаря чему он уже неуязвим для искушений и соблазнов. Он преодолел Б-жественное установление, согласно

которому «человек рождается на страдание», и достиг безмятежности во всех превратностях жизни.

Тем самым «Яков» – имя, назначенное нам, когда мы выступаем в роли «рабов Бжьих». Как, например, в стихе: «А ныне слушай, Яков, раб Мой» (Ишаяу, 44:1; ср. Ишаяу, 44:2; 45:4; 48:26; Ирмияу, 30:10; 46:27,28 и т.д.). Тогда как «Израэл» – имя, которого мы удостоены, когда Он говорит о нас как о «детях» Своих (ср.: «Израэл – мой первенец» – Шмойс, 4:22). Жизнь раба определяется служением хозяину. Сын тоже служит отцу, но эта служба сопряжена с радостью, а не страданием. То, что для раба – служба, против которой его «я» восстает, однако вынуждено с ней мириться, то для сына – гармоничное проявление его личности, которая есть своего рода «проекция» сущности его отца.

Первая часть жизни Якова ушла на борьбу с его братом Эйсавом – борьбу, начавшуюся еще в материнской утробе (Брейшис, 25:22,23 – см. Раши на этот фрагмент). Борьбу, продолженную спором за первородство, за отцовское благословение. И на достигшую наибольшего драматизма борьбу с ангелом Эйсав и встречу-противостояние с братом после возвращения Якова от Лавана. Но до возвращения к брату Яков двадцать лет ухаживал за овцами Лавана «Обманщика» (Брейшис, 29:25) – то были годы, о которых Яков говорит: «днем жег меня зной, а холод ночью, и отлетал сон мой от глаз моих» (Брейшис, 31:40), когда он поневоле стал Лавану «братом в хитрости его» (Раши на стих Брейшис, 29:12). Перемена имени «Яков» на «Израэл» означает: он перешел черту, отделяющую раба Б-жьего от сына Божьего, от существования под знаком борьбы и раздоров – к существованию, исполненному гармонии, к истинному осуществлению связи с Б-гом.

Сладость и горечь

Но и получив имя Израэл, Яков не перестал быть Яковым. В Торе рядом с новым его именем точно так же используется и старое. Его жизнь теперь вмещает в себя и периоды безмятежности – к примеру, те 9 лет, что прошли с момента его возвращения в Святую Землю из Харана до того, как братья продали Йосефа в рабство, и те 17 лет, что он прожил в Египте. Вмещает она и периоды напряженного противостояния – те 22 года, что оплакивал он возлюбленного Йосефа (Ср. Мидраш Раба, Брейшис, 84:1 – Раши в комментарии на Брейшис, 37:2 цитирует: «Яков желал прожить дни свои в безмятежности, когда на него обрушилось несчастье с Йосефом»).

Как отец народа Израиля Яков олицетворяет оба удела, данные еврею. Еврей – и безмятежный сын Б-га, пребывающий в мире с собой, Б-гом и социумом: жизнь такого человека – своего рода маяк, озаряющий светом все его окружение. Еврей – и вечно пребывающий в борении раб Бжий, борющийся со своим «я», мучительно выясняющий свои отношения с Бгом, пытающийся нащупать свое место в мире. И «состояние Якова» – не только необходимая ступень на пути к достижению «состояния Израэла», но и некая самостоятельная ценность – роль, предусмотренная самим планом Создателя. Роль, вне которой немислима жизнь человеческая на земле.

По словам рабби Шнеура-Залмана из Ляд, «Есть два вида удовольствия Всевышнего наверху. Одно – от полного уничтожения зла и обращения того из горечи в сладость и из тьмы в свет, что совершается праведниками, цадиким. Второе [удовольствие] – когда покоряется зло, пока оно еще сохранило свой натиск и силу... [сие совершается] средними, бейноним (этот термин рабби Шнеур-Залман использует для людей типа «Якова», постоянно вовлеченных в жизненную борьбу). Сие подобно

вкусной еде. “Вкусные блюда” – во множественном числе – два вида удовольствия: одно – то, что нежно и сладко, а другое – что остро или кисло, но все это хорошо приправлено и приготовлено, так что получается пища, оживляющая душу» (Тания, гл. 27). 1

Áááéσáá

Ì ÓÄÐÌ ÑÒÙ, ÂÌÄÀ È ÈÑÒÈÌÀ

È áúêí, êíáá Èíñò ïíσáé è áðàòúÿ ïñèì ...

è <ííè> áçÿèè áá, è áðíñèè áá áÿì ó

ÿì à æáÿòà ïóñòáÿ,

á íáé íá áúêí áíáú.

Áðáéσèñ 37:23,24

Ì í:áì ó á Óíðá ñéçáí í: «ÿì à æáÿòà ïóñòáÿ, á íáé íá áúêí áíáú»? Ðáçáá ïñèì óáéò, ÷òí «ÿì à ÿòà ïóñòáÿ», áúá íá áááðèò í òíí, ÷òí «á íáé íá áúêí áíáú»? Íáíáéí óòí: íáíéá «á íáé íá áúêí áíáú» ïðéçááí ñéçáòú íáì: áíáú á íáé íá áúêí, çàòí áúèè çí áè è ñéíðí èííú.

Òáèì óá, Óááíñ 22a

Ì èáðáσ ñéááðÿèì íáðáçí ïÿÿÿáò, íáñéíèúêí ááéíí, ÷òí á èíéíáòá èúá áðàòúÿ áðíñèè Èíñòá, íá áúêí áíáú: «ßì à áúèá ïóñòáÿ - òí áñòú èíéíáòá Ñáéíáá èíñÿé, á íáì íá áúêí áíáú - áíáò çááíí íááí ïííèì áòú èáè ñéíáá Óíðú, èáí òá ñááí èááòúÿ ñèñòí: íééáì è áíá: “Èáæáóúéá! Èáè òá áíá è áíááì ”» (Èòáÿó, 55:1). Á Óíðá ñéçáí í: «Áíñè íáéááòúÿ ÷áéíáé, èíòíðúé ïíσèòèè èíá-ééáí èç áðàòúíá ïñèèò.. è ïðíááè áá...» (Ááíðèì, 24:7). Á èíòáðáñÿáì æá íáñ òðáá áí òá ðá:ú - ï ïðíááæá áðàòá (Ì èáðáσ Ðááá íá ÿòíò ñèèò).

Ì í ï óáðáòú ïíá: áðéèááðò: áðàòúÿ Èíñòá, ï óæè ó:áíúá è áéááí: áñòèáúá áúèè óáæááíú, ÷òí ïíñòóííé èó áíáá íá áñòú íáðáçáíéá çáéííá, à íáíáíðíò - ïíðáááí ïñèì íé Óíðé. Ííè ïíéááñèè, ÷òí èì áííí Èíñò ñááðσèè ïðáñòóííá ááÿíéá çá èíòíðíá Óíðá ïðááí èñíááò íáéçáíéá - ïðè:áí, èì áííí òí, èíòíðíò ííè íáì áðááéèíí áá ïíááðá óòú (ñ. Ñòíðíí íá Áðáéσèñ 37:18 è áð. èíí ï). Çíá:èò, ááéí íá á íáçáíáéè Óíðú, íá á òíí, ÷òí èì íá óááòáéí ó:áííñè: ííè íá ñííáíú áúèè ïíñòè:ú ïñèì ó èñòèíó Óíðú - òí áñòú íá ñííáíú áúèè èñòíééíáòú áá ñéíáá è ááðíí ïðééíáèòúèè è ðááèííúí æéçáííúí ñèòóáðèÿí.

Ñí èðáíéá

Итак, здесь Тора представлена как «вода». Пророки и мудрецы также сравнивали ее с хлебом, маслом, вином, молоком и медом (см. Мишлей, 9:5; Теилим, 4:11 и др.). Каждая из этих метафор описывает определенные черты и особенности Торы, по-разному указывая на характер пищи, который она дает душе. «Вода» указывает на те элементы Торы, без которых практически человек не способен внимать Б-жественной истине.

«Почему Тора сравнивается с водой? – спрашивает Талмуд. – Потому что как вода под собственной тяжестью течет сверху вниз, так слова Торы входят лишь в сознание смиренного, того, кто склонился перед учением» (Таанис, 7а).

В Талмуде сказано: «даже во сне невозможно увидеть, чтобы слон прошел через игольное ушко» (Брохойс, 55б). А ведь и слон, и игольное ушко вполне ограничены по своим размерам, разве что размеры слона больше, чем размер игольного ушка, но и то, и другое – конечно! Однако слону не пройти через маленькое отверстие – это настолько невозможно, что даже наши сны, являющие много невероятного, не предложат нам такой картинки. Но тогда как же конечный человеческий разум может вместить бесконечную мудрость Творца?!

Каждое утро, прежде чем приступить к изучению Торы, прежде чем попытаться постичь хотя бы одно ее слово, мы возносим благодарность Всесильному: «Благословен Ты, Бг, даровавший нам Тору». Всякое наше проникновение в смысл Торы есть дар, исходящий от Б-га. Ибо полагайся мы только на свои ограниченные умственные возможности, не постигли бы и доли того, что дано нам почерпнуть из изучения Торы (см. Талмуд, Недорим, 38а: «Моше обречен был бы изучать Тору и забывать ее, не даруй ее ему Б-г как дар»). Этот дар ниспослан нам под покровом умопостижимого: приложив серьезные усилия, наш разум способен сие постичь. Но суть Торы – Б-жественная, непреложная истина, таящаяся под этими покровами, – остается за пределами постижения даже величайшего из мудрецов. И мы можем воспринять эту истину только благодаря тому, что Б-гу угодно ниспосылать нам ее знание всякий раз, когда мы беремся за постижение Его мудрости, помня о ее Б-жественном характере и ей подчиняясь.

Человеческое сознание не может прийти к правильному пониманию Торы, покуда смиренно не признает, что ему изначально не дано постичь мудрость Б-га. Претендуя на то, что при постижении Торы интеллектуальные способности играют если не первостепенную, то крайне значимую роль, разум оказывается при этом неспособен достичь истины. Он может достаточно серьезно продвинуться в изучении умопостижимого покрова Торы. Но если ученик лишен начального смирения – «воды» Торы, то Б-жественная суть Торы останется для него закрытой, он не приблизится к истинному пониманию. И чем больше его интеллектуальные способности, чем больше его прошлые достижения в изучении Торы, тем большее смирение требуется ему для того, чтобы обуздать природную гордыню и чванство разума и проникнуть в глубины многомерной Б-жественной истины.

Помня это, легко указать, в чем была ошибка братьев Йосефа. Их источник мудрости «был пуст, в нем не было воды» – им недоставало интеллектуального смирения, которое столь необходимо людям их уровня. Потому в колодце и не было воды, но были – «змеи и скорпионы»: лишенная Бжественной сути, Тора оказалась беззащитной перед субъективностью и произвольностью толкований, порожденных человеческим разумом.

Na'qai n' Oai o'et e

Историю Йосефа и его братьев читают и изучают либо в сам день Хануки, либо в преддверии этого праздника. Годовой цикл чтения Торы определяет само представление евреев о времени, характер его переживания, когда недельное чтение задает ключ ко всем событиям соответствующей недели и служит своего рода шаблоном для всех поступков. Так, раздел Торы, читаемый на Хануку, проясняет значение и важность этого праздника. Живший в XVI веке мудрец рабби Ишайя Горовиц говорил: «Эти три главы (Ваейшев, Микейц и Ваигаш) рассматривают историю Йосефа и его братьев... и всегда читаются

накануне, во время и после Хануки. Ибо “всему свое время, и время всякой вещи под небом”, а потому, конечно же, все годовые праздники, которые есть “праздники Б-га, священные собрания” (Ваикро, 23:4) так же, как праздники и посты, установленные мудрецами, – все они особым образом соотнесены с теми недельными чтениями, на дни которых они приходятся, ведь все это предусмотрено от Б-га. Так, истории Йосефа суждено было повториться в истории царского рода Хашмонаим во времена владычества греков <при Селевкидах>» (Шало, введение к Ваишлах).

И следует обратить особое внимание на то, что уже цитированное нами талмудическое истолкование этой истории («слова “в ней не было воды” призваны сказать нам: воды в ней не было, зато были змеи и скорпионы») дано, казалось бы, вопреки основному контексту. Дано в середине того раздела Талмуда, что повествует об истории установления праздника Ханука и связанных с ним законах (Шабос, 21а-23б). На внешнем уровне интересующее нас высказывание появляется именно в этом месте потому, что оно следует за другим высказыванием, принадлежащим тому же мудрецу («Рав Каана от имени рава Натана...») и относящимся к празднику Ханука. Но в Торе важно все, потому должна существовать связь между сутью данного речения и контекста, в котором оно упомянуто.

И действительно, урок, что братьям Йосефа не хватало воды Торы, – один из главных компонентов ханукальной истории.

В молитве Ал а-нисим, описывающей события Хануки, мы читаем: «В дни Матисьяу, сына Йоханана-Первосвященника из семьи Хасмонеев, и его сыновей; когда встало злодейское царство греков на народ Твой, Израиль, намереваясь заставить евреев забыть Твою Тору и преступить Законы, данные Тобой...»

Следует подчеркнуть: речь не просто о том, что греки хотели искоренить среди народа Израиля преданность Торе как таковой, – она названа в молитве «Твоей Торой». Греки были «культурным» народом, с величайшим уважением относившимся к знанию; они вполне были расположены принять Тору как философскую систему, как коллективную мудрость народа, усердно размышлявшего над мирозданием. Нетерпимость греков вызывала «вода» Торы, смирение разума перед величием Б-жественной истины. И борьба греков с Торой была борьбой именно с «Твоей Торой», с Торой как погружением в бесконечность Бга, превосходящую рамки разума.

Когда греки ворвались в Священный Храм, они «осквернили все масло в Святилище», рассказано в Талмуде (Шабос, 21б). То было масло, используемое для меноры, чей огонь символизирует Б-жественный свет, проливаемый из Храма в мир (Иерусалимский Талмуд, Брохойс, 4: 5). Греки не уничтожили масло для меноры, не пролили его на землю – они лишь осквернили его. Так что масло стало непригодным для канонического использования, требующего, чтобы масло отвечало сверхрациональным законам ритуальной чистоты, установленным Торой. При этом греки не выступали против отправления в Храме службы и не оспаривали, что таковая может нести свет миру. Нет, – греки «всего лишь» хотели выхолостить из служения сверхрациональный, Б-жественный элемент, «только и всего».

Однако Хашмонаим знали, что «обезвоженная» Тора тут же станет питательной почвой для скорпионов и змей: мудрость, лишенная своей Б-жественной сущности, ведет человека не к истине, а к рациональному оправданию его низменных желаний и суеверий. И они подняли мечи во имя того, чтобы изгнать из Иерусалима греческого идола – голый

возможностью реализовавшейся, у нас «осталось» лишь семь дней, обладающих внутренней потенциальной значимостью.

Мудрецы же школы Гилела наиболее важным считают актуально реализованное состояние. Для них восьмой день Хануки, когда все восемь ступеней праздника обрели реализацию, и есть тот самый день, когда праздник достиг своей полноты и максимальной реализации.

Дваëüü îñòü Á-ã

Мы – создания, причастные актуальности: неспособны обходиться без ныне существующего. Мы не можем насытиться потенциальной пищей, неспособны получить эмоциональное удовлетворение от потенциально возможных отношений. Собственно, мы и судим людей по их явленным поступкам и поведению, а не по их потенциальной способности повести себя тем или иным образом. Для нас реальность – то, что есть, а не что могло бы быть.

Во многом это от того, что мы – физические создания. Одна из самых часто «всплывающих» в языке идиом связана с тем, что «нематериальное» означает «несущественное»: если мы не можем этого увидеть или коснуться, то оно для нас не реально. Точно так же в силу нашей конечной и ограниченной природы ряд потенциально данных нам возможностей никогда не будет актуально осуществлен из-за того, что у нас не хватит на это энергии, ресурсов или воли. Или же потому только, что мы не проживем достаточно долго, чтобы добиться этого осуществления. Поэтому наличия только потенциальной вероятности или ее возможности – недостаточно: откуда нам знать, что из этого действительно что-то выйдет? Ведь порой мы склонны в актуальном видеть саму меру потенциально возможного.

Ибо если что-то получило достаточно серьезную реализацию, то это «доказывает» – была серьезная потенциальная возможность.

Представим, однако, сущность, не имеющую ни физической формы, ни ограничений; сущность, не ограниченную временем, пространством или какими-то иными рамками. Для такой сущности потенциальное, собственно, и не нуждается в обязательной реализации. Ибо о невозможности его реализации не может быть и речи: реализованное или нет, оно совершенно реально. Более того: потенциальное оказывается наиболее чистой и наиболее выраженной формой актуального. Потенциальное – сущность всякой вещи и всякого бытия, преодолевающего ограничения и несовершенства, связанные с переходом сущности на физический план актуального бытия.

Но это значит, что для Б-га потенциальное выше актуального. Вот почему мы утверждаем: для Б-га сотворение мира не является «достижением». Оно даже не является «изменением» в Его реальности. Потенциал творения имелся в Нем всегда, и его реализация в актуальности ничего к тому не прибавила. Это только будучи сотворенными, мы получили нечто от актуального сотворения мира.

Поэтому когда мудрецы школ Шама и Гилела спорят о том, что важнее с точки зрения законов Торы – актуально данное или потенциально возможное, они касаются более фундаментального вопроса: кто обладатель Торы – мы или Б-г? И когда Тора побуждает нас возрадоваться, вспомнив Исход из Египта, или устанавливает законы, определяющие ритуальную чистоту либо нечистоту чего бы то ни было, или когда она велит нам зажигать ханукальные свечи, важно ответить на один вопрос. А именно:

рассматривается ли проблема с точки зрения Б-жественного автора Торы, для которого потенциально возможное и есть идеальное состояние бытия. Или же мы стоим на точке зрения человека, которому свойственно отождествлять актуальное и реальное?

Orda

Так кто же обладатель Торы – мы или Б-г? И Шамай, и Гилел сходятся на одном: и Б-г, и народ Его – обладатели Торы.

Тора есть мудрость и воля Б-га. Но читая каждое утро благословение на Тору, мы говорим: Б-г даровал нам Тору, тем самым передав смертному власть и право ее толковать и применять. То есть – Он сообщил нам Свою волю не в виде развернутого манифеста, оговаривающего каждую мелочь, с приложенным к нему подробнейшим списком инструкций на каждый случай, с которым мы сталкиваемся в жизни. Вместо этого Он продиктовал нам относительно короткую (79976 слов) «Письменную Тору» – Пятикнижие, и «Устную Тору» – наставления, в соответствии с которыми должно истолковывать, расшифровывать, распространять на те или иные случаи и применять на практике Письменную Тору во всех бесчисленных ситуациях, порожденных человеческим опытом.

Законодательство и наставления касательно образа жизни, философия и мистика – собственно, то, что мы понимаем под «Торой», – изложено в Письменной Торе. Но при этом Б-г, сотворив человека таким, каков он есть, наделив разумом и устроив его жизнь так, как мы ее знаем, – дал людям инструментарий. Благодаря ему мы можем постигать всю глубину и многозначность повелений и установлений, заключенных в каждом слове Писания.

Тем самым Тора воплощает связь между Б-гом и человеком, который Ему соратник. Зерно Б-жественной мудрости в нашем разуме дает всходы, обретая глубину, протяженность и определенность, чтобы актуализироваться в физичности человеческого бытия. Через связь с Б-гом и стремление к исполнению Его воли человек со всей своей ограниченностью и субъективностью становится инструментом Б-жественной истины, соучаствуя в воплощении в мире Бжественного присутствия, которое и есть суть Торы.

Что же преобладает в Торе – Б-жественное откровение или человеческое постижение? Что есть Тора – видение Самим Б-гом реальности или же человеческое усилие, направленное на то, чтобы сделать мир обителью Б-га? Сама Тора порой указывает на первое, порой – на второе. Нам дано установление в Талмуде (Брохойс, 22а) «Слова Торы неуязвимы для скверны». Тому, кто нечист, запрещен вход в Храм; однако ему не запрещено изучать Тору. Почему же есть запрет пересекать даже границу святого места и пребывать внутри нее, но нет запрета произносить святыя слова и думать над ними? Потому, что Тора не только «свята», то есть она – объект, служащий Бгу и чувствительный к Его присутствию. Тора – Б-жественна. Тора – слова Б-га, а Бжественное не может быть запятнано нечистотой и скверной.

С другой стороны, есть в Талмуде (Кидушин, 32а) закон: «Наставник в Торе, желающий простить оскорбление, нанесенное его чести, может его простить». Однако же царь, которому нанесено оскорбление, не вправе простить – у него нет иного выхода, кроме как наказать оскорбителя. Дело в том, что честь царя – не его личное достояние: она – производное от его роли суверена, от его власти над подданными. Оскорбляющий царя наносит оскорбление всем его подданным, целому народу – и простить не во власти царя. Но разве оскорбляющий наставника в Торе не оскорбляет Тору? Почему же

последний вправе простить такое оскорбление? Объяснение кроется в том же месте Талмуда: «Тора – Его». Изучающий Тору обретает ее как нечто принадлежащее ему: мудрость Б-га становится его мудростью.

Кто же обладатель Торы – мы или Б-г? Тут верны оба определения. И та, и другая стороны равно присутствуют в том, что есть Тора. Мы видим: в каких-то законах и пассажах Торы акцент делается на ее Б-жественности, тогда как в других предполагается, что обладатель Торы – человек.

Поэтому, трактуя некоторые законы, школы Шама и Гилела вступают в полемику, стремясь уточнить: какая сторона Торы доминирует в данном случае? Мудрецы школы Шама полагают, что при применении Закона будет преобладать Б-жественность Торы: «взгляд» Торы – то же самое, что «взгляд» Б-га, а следовательно, потенциал некой сущности и есть ее истинное раскрытие. Мудрецы же школы Гилела считают соответствующие законы частью «человеческой» составляющей Торы. А потому утверждают: подход Торы к реальности совпадает с подходом людей, и акцент переносится на актуально явленное.

И дацї еє єрїїє

В большинстве случаев в вопросах, по сути которых возникал спор между школами Шама и Гилела, Алоха – правила применения Торы к практической жизни – склоняется к мнению Гилела и его учеников. Ибо когда Тора затрагивает эту область, в ней преобладает человеческая сторона. А, соответственно, в таких случаях реальность – то, что обладает актуальным бытием и осязаемостью. И это – важнее для описания соответствующей сущности, чем ее потенциал.

Но нигде преимущество подхода Гилела не заявлено столь ясно, как в споре о Хануке. Учтем, что само имя праздника истолковывается как «закон, следующий Дому Гилела». Ибо Ханука в гораздо большей степени, чем какой-то иной праздник, подчеркивает человеческую динамику Торы.

Как уже отмечалось, Тора состоит из двух частей: слов, продиктованных Б-гом – Письменной Торы, – и Устной Торы, также сообщенной Б-гом, но отданной всецело человеку. В Устной Торе Б-г дает основные ориентиры и принципы, чтобы люди следовали этим ориентирам и применяли эти принципы всякий раз, когда им необходимо постичь и выразить Б-жественную волю.

У Устной Торы две основных функции: толковать Письменную Тору и выводить из нее необходимые законы, установления и обычаи, чтобы сохранить – от поколения к поколению – Тору и строй жизни евреев.

Для большинства праздников весь порядок их проведения четко задан в Письменной Торе. Это не свидетельство, что здесь совсем не присутствует «человеческое начало». Ведь Устная Тора необходима и для того, чтобы прояснить законы, связанные с тем или иным праздником, и для того, чтобы показать, как именно эти законы нам следует соблюдать на практике.

Например, Письменная Тора велит в праздник Суккос жить в сукке и приносить четыре рода плодов. Однако именно Устная Тора раскрывает нам все косвенные смыслы, заложенные в этом требовании, и помогает понять, как строить сукку и какие именно

плоды приносить в этот праздник. Одна-ко сам праздник установлен путем прямого Б-жественного откровения.

Но два праздника установлены уже раввинами: Пурим и Ханука. И они соотносятся со второй из функций Устной Торы: давать законы и установления, берущие начало не в словах Письменной Торы, а в историческом опыте народа Израиля.

Эти праздники тоже восходят к Торе, ибо установлены в соответствии с принципами, открытыми нам на Синае. Прежде чем приступить к чтению мегилы в Пурим или зажечь ханукальные свечи, мы произносим: «Благословен Ты, Б-г... освятивший нас Своими заповедями и заповедавший нам читать мегилу... (зажечь ханукальный огонь)». Б-г велит нам соблюдать эти мицвойс, ибо именно Он даровал нашим главам в каждом поколении само право устанавливать законы, обычаи и праздники. Но в этих праздниках преобладающее начало – человеческий элемент Торы, тогда как элемент Б-жественный в них лишь проступает, присутствуя не столь явно.

Из двух «раввинических» праздников Ханука даже более «человеческий», чем Пурим. Пурим установлен в эпоху пророков, когда Б-г сообщал нам Свою волю непосредственно через тех, кто выделялся в том или ином поколении особыми дарованиями и способностями – через пророков. История Пурима была записана и стала частью Священного Писания, продолжающего Письменную Тору. Таким образом, хотя Пурим в формальном смысле – праздник, определяемый Устной Торой, он тесно связан с Письменной Торой.

Ханука же установлена семью веками позже, когда пророчества уже остались в прошлом, а канон Танаха (Библии), состоящий из 24 книг, был сформирован раз и навсегда. Тем самым Ханука всецело принадлежит Устной Торе, в которой доминирует человеческий элемент. Поэтому Ханука – явление, по отношению к которому главную роль должен играть подход к Торе, предложенный Гилелом. А это – подход, рассматривающий Тору в свете нашего чувственного опыта бытия в мире.

Ī aṣāā ē i dīñōiōā

Dāāāēī Āāēī Yāāī - Ēñāyē (Oōāēī ṣāēūū)

Умствование ведет к тому, что мы начинаем забывать значение таких простых слов, как «любовь», «ненависть», «вера», «страх», «еврейство». Эти основополагающие категории уже не только перестали упоминаться в спорах – в этих категориях уже разучились думать. Вместо того мы все больше и больше вязнем в «умных» разговорах, только отдаляющих нас от реальности, первичного опыта и эмоций.

В отличие от софистики умствование вовсе не попытка сбить мысль с правильного пути. Скорее умствование можно уподобить тому, как если бы вы срезали у себя в саду все цветы, вырубали деревья и пустили бы их на изготовление бумаги, чтобы из нее сделать муляжи деревьев и цветов. «Умник» превращает все живое в замысловатые, «умные» суррогаты, теряя по ходу дела всякую связь с реальностью.

Ныне умствование больше всего полу

чило распространение в среде так называемых «образованных» людей. Раньше человек мог взглянуть на картину и сказать: «Какое прекрасное полотно!» Теперь так не говорят. Никто не скажет «это – прекрасно» или «это – ужасно». Нет, теперь надо точно выяснить, к какой эпохе принадлежит картина, к какому жанру относится, как связана с работами других художников, и положены ли мазки слева направо или справа налево. После этого никто уже не знает, прекрасна эта вещь или ужасна.

То же самое произошло с религией, и причина тому – возросшее число людей, говорящих на «языке интеллектуалов» и пишущих «интеллектуальную прозу» или «интеллектуальные стихи». Иудаизм истолковывается метафизически или кабалистически, поэтически или литературно. И все эти объяснения оставляют в стороне возможность выговорить, продумать и испытать главное – возможно, даже в чем-то «примитивное» – саму настоящую суть, реальность веры.

В Торе есть лишь одно место, где использован термин, в чем-то близкий к понятию «умствовать». Это – пассаж из Брейшис, 3:1: «Змей же был хитрее всех зверей полевых...». Если бы мне надо было выразить это языком современных «интеллектуалов», я бы сказал: «Змей был склонен к умствованию...» Ведь здесь не говорится, что он умен или мудр, а сказано – умел сбить с толку, запутать. И в этом смысле он был первым «умником» среди всех тварей земных.

Этот змей был не простым представителем семейства рептилий. Он был чрезвычайно изящен, исполнен шарма, речист.

А Ева? Талмуд утверждает: она была прекрасна собой – но явно не разбиралась в тонкостях. И вот змей и Ева вступают в беседу. Змей предлагает ей вкусить от плода познания, она же отвечает на это самыми простыми словами: «Нельзя!» Но «умники» больше не знают слова «нельзя». Они обходят его стороной. И вот вместо обсуждения самой сути проблемы Змей начинает обсуждать мотивы Того,

Кто наложил запрет: «Разве Б-г и вправду сказал, что вам нельзя есть...» Что же побудило Его это сказать?

Бедняжка Ева! До встречи со Змеем она жила в мире, где нечто было дозволено, а нечто – запрещено. Теперь же она уже не знает, что и как. Змей обманом привлекает ее в мир намного сложнее того, который она знала до этого: в нем все проникнуто умствованием. И Змей побуждает ее «вкусить от плода».

Змей не движется по прямой – на это он не способен от природы. Он извивается и струится – его движения напоминают нечто среднее между движением волны и танцем. В его движениях – некая зачаровывающая красота. Но не надо забывать, что перед нами змея, которая жалит и убивает. Плод, поднесенный этим змеем, – полное разрушение человеческих связей, распад способности постигать и чувствовать самое простое и изначальное.

Когда-то все – и простые люди, и люди образованные – знали давен шахарис: пробудившись утром, следует прочесть утреннюю молитву. Они могли и не знать, почему именно следует поступать так. Никто не давал им утонченных объяснений про вибрации, метафизическое воздействие звуков и прочее: они просто знали, что им надо встать и начать свой день. Теперь об утренней молитве мало кто думает – а все из-за умничанья.

«Малая глупость дороже, чем мудрость и честь» (Экклесиаст, 10:1). Величие чести, сияние мудрости – и то, и другое порой сковывает жизнь души, – покуда она не замирает совсем из-за того, что сказывается нехватка самого простого живого начала. А «малая глупость» простых, наивных, невинных эмоций – любви, сочувствия, умиления – все это, конечно, делает мудрость и честь уязвимыми, но именно в этих простых переживаниях – семя жизни.

Что помешало Адаму протянуть руку и сорвать плод с Древа Жизни? Ведь сделать это было ничуть не сложнее, чем сорвать Плод с Древа Познания. Мне кажется, все дело в том, что Адам, вкусивший с Древа Познания, просто не мог после этого различить Древо Жизни среди других деревьев Райского Сада. Он думал: «Этот чахлый куст передо мной не может быть Древом Жизни – оно должно быть величавым, а не просто каким-то неказистым растеньицем». Человечество до сих пор рассуждает именно так – и вот почему оно так далеко от плодов Древа Жизни.

Нам необходимо вернуться к простым вещам, к простым истинам, понятным всем и каждому, – именно здесь корни, питающие наше существование. Простые истины: «добро», «зло», «красота», «уродство», «любовь», «ненависть», «вера», «родина». Я знаю – сегодня модно совсем не это. Но – если мы хотим жить – давайте избегать змея умствования и держаться за Древо Жизни.

Í ÎÃÏÑÒË ÔÃÄÅÐÀÖËË ÅÂÐÃËÑËËÕ ÎÁÙÈÍ

Ближневосточное урегулирование невозможно без учета интересов евреев Израиля

Главный раввин России Берл Лазар встретился в Москве с королем Марокко Мухаммедом VI. На встрече также присутствовал президент Федерации еврейских общин СНГ, глава международной алмазной корпорации LLD Леви Леваев.

По поводу ближневосточного урегулирования король заявил:

– Решение этой огромной проблемы невозможно без учета в полной мере интересов еврейского народа, проживающего в Израиле.

Мухаммед VI рассказал раввину об истории и нынешнем положении еврейской общины в Марокко, отметив, что в мусульманском мире его страна – одна из немногих, где евреи всегда чувствовали себя в полной безопасности. В свою очередь, о жизни еврейской общины в странах СНГ рассказал р. Берл Лазар. Мухаммед VI при этом особый интерес проявил к возрождению еврейского образования. В заключение беседы король пригласил главного раввина России к себе на родину.

Ëí ò áðð àèñ

ВИЗИТ В СЕВЕРНУЮ СТОЛИЦУ

Губернатор Петербурга Владимир Яковлев встретился в Смольном с главным раввином России Берлом Лазаром.

На встрече обсуждались вопросы участия еврейской общины в подготовке к празднованию 300-летия Петербурга. В ходе встречи Берл Лазар отметил, что его поразил размах проводимых в городе работ. Главный раввин России особо подчеркнул, что в северной столице заметно отсутствие напряженности в межнациональных отношениях. Губернатор В. Яковлев поддержал предложение еврейской общины провести в Петербурге международную конференцию «300 лет вместе» с участием представителей разных конфессий.

В ходе своего визита в Петербург главный раввин России Берл Лазар посетил пивоваренную компанию «Балтика». Его сопровождали вице-президент Федерации еврейских общин России Александр Борода, главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер и председатель Петербургской еврейской общины Марк Грубарг.

В рамках встречи президент пивоваренной компании «Балтика» Таймураз Боллоев обсудил с гостями перспективы производства кошерного пива и возможности прохождения уже выпускаемыми сортами пива ПК «Балтика» кошерной сертификации.

После экскурсии по заводу гости дали высокую оценку применяемому в этой компании передовому высокотехнологичному оборудованию.

Берл Лазар также поблагодарил президента компании за поддержку, оказываемую «Балтикой» еврейской общине Петербурга.

Вслед за тем главный раввин России Берл Лазар встретился с губернатором Ленин-градской области Валерием Сердюковым. В ходе беседы р. Берл Лазар отметил достойный уровень образования и подготовки квалифицированных кадров в регионе. Он дал высокую оценку работе выпускников областных вузов, приглашенных в еврейские школы. Главный раввин России рассказал о намерении расширить деятельность еврейской общины в Ленинградской области, особенно в небольших городах, в частности Выборге, а также организовать базу отдыха для детей и членов общины.

עֵי הָאֱלֹהִים

СКАЗКА, СТАВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Чрезвычайно насыщенной оказалась программа визита главного раввина России Берла Лазара в Оренбург.

В этом городе проживает не менее пяти тысяч евреев. Первая встреча с ними состоялась в синагоге. Ее участники рассказали раввину Лазару о том, что синагога всегда притягивала прихожан, ибо во многих семьях жива приверженность еврейской национальной традиции. Узнал он и о том, что еврейская жизнь в городе очень оживилась после приезда туда раввина Г. Майерса с семьей. Здесь же раввин Берл Лазар получил полную и наглядную информацию о проблемах, связанных с состоянием здания синагоги.

Главный раввин России посетил также школу «Ор Авнер». Это элитарное учебное заведение действует уже третий год и уверенно завоевывает авторитет в городе. Раввин Лазар побеседовал с педагогами школы, его особенно заинтересовала система обучения и воспитания детей. Педагоги, в свою очередь, поблагодарили раввина Лазара за содействие в организации в Оренбурге еврейской школы и за постоянную заботу о ней. Они также сказали, что с нетерпением ждут открытия в городе университета «Ор Авнер».

После посещения школы раввин Берл Лазар побывал в детском саду «Ор Авнер» и выразил свое восхищение знаниями детей о традициях еврейского народа. Раввин назвал еврейскую школу и детский сад «чудесной сказкой, оазисом добра и веры в прекрасное». Особенно ему понравилась идея школьного научного эксперимента «Толерантность и диалог культур» – основа обучения в системе «Ор Авнер» Оренбурга.

Главный раввин России Берл Лазар, раввин Оренбурга Г. Майерс, председатель объединенной еврейской общины города и председатель Ассоциации хеседов России В. Лейзерман посетили оренбургский Хесед и осмотрели площадку под строительство еврейского общинного культурного центра.

Идея создания такого центра, а также вопросы, связанные с работой еврейской школы и детского сада «Ор Авнер» обсуждались главным раввином России Лазаром во время встреч с губернатором Оренбургской области А.А. Чернышевым и мэром Оренбурга Ю.Н. Мещеряковым. Р. Берл Лазар поблагодарил губернатора и мэра за поддержку и выразил надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Визит завершился очень торжественно. Главный раввин России Берл Лазар открыл традиционный десятый юбилейный еврейский международный фестиваль искусств «Шалом-2002». Напутствуя его участников, почетный гость сказал:

– Я рад, что побывал в вашем городе, увидел сказку, и пусть эта сказка, рассказанная и показанная евреями города, живет у вас всегда. Мир вашему дому.

Шалом!

Ńia ei ó.

ПОПРАВКА ДЖЕКСОНА-ВЭНИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ОТМЕНЕНА

Президент США Джордж Буш в ходе встречи с главным раввином России Берлом Лазаром в Петербурге в мае этого года пообещал ему содействовать отмене поправки Джексона-Вэника. И понятно: она давно уже стала анахронизмом и мешает нормальному развитию торговых связей между двумя странами. Однако вскоре после возвращения президента на родину сенат США в очередной раз отказался ее отменить. Вновь касаясь этой проблемы, р. Берл Лазар заявил агентству «Интерфакс»:

– Мне жаль, что обсуждение отмены этой поправки перешло из конкретной области положения евреев в России в некую политическую сферу, отойдя невероятно далеко от сути вопроса... Сегодня и федеральные, и местные власти в большинстве регионов страны делают все от них зависящее, чтобы остановить фашиствующих молодчиков... Быть может, мое мнение покажется парадоксальным, но даже обострение экстремизма в России минувшим летом я связываю с тем, что подобные организации чувствуют, что их время уходит, и делают все, чтобы напомнить о себе. Это поведение бешеного зверя, загнанного в тупик.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

В своем письме в наш журнал раввин Луганска Шолом Гопин пишет:

«Суккос – праздник единства еврейского народа, живущего во многих странах на всех континентах. Однако географическая отдаленность не может кардинально повлиять на духовную близость людей, обусловленную одним простым, но важным фактом: все мы братья, и все мы – одна семья. Эти слова кому-то могут показаться слишком пафосными, однако это так. Все евреи – братья. И те, кто целыми днями изучает Тору... И те, кто “просто” делает добрые дела – ведь это порой так нелегко... И те, кто ни Тору не учит, ни добрых дел не делает... И те, кто удивительным образом сочетает глубокое знание Торы с позитивным влиянием на этот, казалось бы, вовсе бездуховный мир. Но в том-то и заключается наша задача: исполняя заповеди Торы, своим поведением сделать этот мир духовно богатым, способным воспринять высшую святость».

Суккос приходится на время сбора урожая, это праздник радости земледельца. И в этом смысле Суккос, пожалуй, наиболее универсальный из всего годового цикла еврейских праздников. В самом деле, еврейский земледелец во время сбора плодов ликует точно так же, как и любой другой «труженик села» во всех концах земли. Но есть в этом празднике и глубокий сакральный смысл, ибо Суккос олицетворяет нерасторжимую связь еврейского народа со своей землей – с Эрец Исроэл. И еще он напоминает о долгих странствиях во времена Исхода: о периоде, когда разрозненные кланы «иври» стали единым народом и получили Закон – Тору. Все праздники евреи отмечают дома, и только в Суккос они перебираются в шалаши.

«В Луганск, – продолжает раввин Гопин, – как и во многие другие города СНГ, прибыли посланники Любавичского Ребе, чтобы помочь провести праздники месяца тишрей. Их имена – Хаим-Элиэзер Эбер и Иеуда-Лейб Фридман. Быстро пролетели Десять дней раскаяния. А дни с 11 по 14 тишрея ушли на сооружение нескольких шалашей, и в том числе передвижного, разместившегося в кузове грузового автомобиля. Проект «Передвижная сукка» действовал все дни хол амоед Суккос. Посланники поставили своей целью навестить евреев, проживающих в самых отдаленных населенных пунктах Луганской области: там нет даже миньяна и, к большому сожалению, давно уже не видели праздничного шалаша. В городах Старобельск, Брянка, Рубежное, Кировск, Счастье состоялись встречи, важность которых переоценить трудно. И важны они были как для луганских евреев, так и для посланников. Скромная трапеза, исполнение заповеди «арбаа миним» и, конечно же, разговор по душам. Их не хотели отпускать и благодарили

искренне, потому что видели: приехавшие не просто «прибыли отбыть номер» — ведь сердце не обманешь. Поэтому просили приезжать почаще».

В России Суккос отмечали еврейские общины многих городов – от тех, что на западных равнинах, и до дальневосточных – что у Тихого океана.

Иногда казалось, что сукка, построенная во дворе Большой хоральной синагоги Петербурга, волшебным образом увеличилась, чтобы вместить многочисленных гостей. Было тесновато, однако это ничуть не мешало детям и взрослым с энтузиазмом зарабатывать специальные «суккосные» деньги – «лулавчики», принимая участие в веселых конкурсах и соревнованиях. «Лулавчики» можно было обменять как на кошерное угощение в сукке, так и на другие призы. Кульминацией праздника стало поздравление главного раввина Петербурга Менахема-Мендла Певзнера и директора еврейского центра «Бейс Хабад» раввина Цви Пинского. Затем под дробь барабанов через двор синагоги прошло факельное шествие, возглавляемое ребятами из молодежного клуба «Бейс Хабад» и ешивы: они несли «арбаа миним». Раввин Цви Пински напомнил собравшимся: подобно тому как четыре вида растений, составляющие «арбаа миним», должны быть в одной связке, так и все евреи должны стремиться преодолеть разобщенность и жаждать объединиться. Праздник закончился зажигательными танцами, да такими, что гости не расходились до самой ночи.

А на улицах города среди потоков машин можно было увидеть автомобили с закрепленными на них шалашами. Это учащиеся ешив спешили в отдаленные районы города, чтобы помочь евреям выполнить традиционные заповеди.

Около двухсот евреев Брянска побывали на трапезе в сукке, сооруженной у входа в синагогу. Организовали праздник члены брянской иудейской общины вместе с активистами общинно-благотворительного центра «Хесед Тиква», молодежной организации «Гилель» и учащимися воскресных школ. Каждый день праздника Суккос в украшенном цветами и гирляндами шалаше принимали гостей. В сукке праздновали шабос семейный клуб и иудейская община. А в воскресенье шалаш наполнился детскими голосами: около 70 учащихся воскресных школ пришли на праздник. В понедельник в шалаше собрались «гилелевцы». Во вторник сукка встречала волонтеров, а в среду – фронтовиков и ветеранов труда.

Строительство сукки в костромской синагоге началось за несколько дней до наступления праздника. Сначала появилась конструкция, сваренная из труб, потом – стены из блоков пенопласта. Теперь можно было подумать и о крыше, для устройства которой пришлось съездить в лес за еловыми лапами. Каждый желающий мог под руководством художника Татьяны Сениной принять участие в работе над дизайном интерьера шалаша. Гроздья рябины, развешанные по потолку, сразу же придали празднику торжественную атмосферу осени, как, впрочем, драпировки из ткани и разноцветные ленты. Каждый день стены шалаша покрывались новыми рисунками и поздравлениями, так что вскоре он превратился в маленький музей с ежедневной летописью праздника.

Главный раввин Костромы и Костромской области Нисон Руппо в дни праздника Суккос посетил крупные города Верхнего Поволжья. Эта инициатива нашла поддержку у директора нижегородского филиала благотворительного фонда «Джойнт» Ильи Пестрикова, и в результате на прицепе легкового автомобиля была сооружена передвижная сукка.

Ее передвижение по региону началось с посещения Москвы, где как раз в то время проходил грандиозный праздник в огромной сукке Московского еврейского общинного центра.

Из Москвы выехали в Череповец. В этом крупном городе верхневолжского региона пока еще нет еврейской общины, но переговоры о ее создании уже начались.

Потом передвижная сукка направилась в Рыбинск, где ее уже ждали с нетерпением.

«Евреи заходили в сукку по очереди, чтобы исполнить традиционную заповедь, – пишет нам Андрей Ошеров. – Многие делали это впервые в жизни! А после все отправились в зал Дома культуры: там их уже ждал праздничный стол. Перед присутствующими выступили раввин Нисон Руппо и председатель рыбинской религиозной общины Леонид Берковский... Костромичей очень долго не хотели отпускать».

В ярославскую синагогу вместе с передвижной суккой из Костромы прибыла целая делегация, в состав которой, кроме раввина Руппо, входили председатель костромской еврейской общины Андрей Ошеров и директор «Хасдей Цион» Галина Скаржинская. Гостей встречали руководители, волонтеры и подопечные «Хеседа Рахель» во главе с директором Галиной Карпман. Около здания синагоги была выстроена большая сукка, но особенной популярностью пользовался передвижной шалаш костромичей. После исполнения традиционной праздничной заповеди выступил творческий коллектив ярославского Хеседа с программой «Еврейское местечко».

Далее путь костромичей лежал в Вологду, где они расположились прямо на улице возле офиса местного представительства Еврейского агентства в России: к тому времени там уже собрались люди.

«Когда-то в Вологде было здание синагоги, – пишет наш корреспондент, – но оно не сохранилось. Впервые за последние восемьдесят лет наши евреи увидели раввина, смогли задать ему интересующие их вопросы, исполнить заповеди праздника Суккос».

На следующий день раввин Нисон Руппо вместе с лидером костромской еврейской молодежи Ароном Штыковым и директором Хеседа «Хасдей Цион» Галиной Скаржинской выехали в Иваново. Недавно в ивановской иудейской общине произошло важное событие: власти передали в ее распоряжение помещение в центральной части города, где будет открыт общинный центр. Сегодня там начались ремонтные работы. Поэтому для встречи было выбрано помещение благотворительной столовой Хеседа. После этого гости на машине с суккой отправились на встречи с людьми, которые по состоянию здоровья не могут выходить из дома.

До конца дня состоялась еще поездка в Нижний Новгород, где костромичи приняли участие в праздничной церемонии и концерте.

Завершились праздничные визиты раввина поездкой в Кинешму, где в здании общинного центра собрались около полусотни евреев. Гости передали от благотворительного центра «Хасдей Цион» продовольственные наборы для многих нуждающихся кинешемцев. Собственно, на этом программа праздничных поездок была исчерпана.

Впрочем, после исхода Симхас Тойры состоялась еще поездка в Калугу, где директор «Хасдей Цион» Галина Скаржинская провела с евреями занятие по традиции и ТАНАХу.

Шалаш, сооруженный во дворе еврейского общинного центра «Фрейд» Биробиджана, стал подлинным символом мира и единения. В сукке ежедневно читали традиционные благословения. Раввин Мордехай Шайнер рассказывал о значении праздника Суккос для евреев всего мира. Более шестисот детей из разных школ города побывали на празднике. Посетили сукку слушатели Биробиджанского еврейского народного университета и провели в ней занятия по еврейской традиции. За праздничной трапезой собрались практически все члены общины. Весело отметили Суккос и ученики воскресной еврейской школы: для них и их родителей выступил детский еврейский вокальный ансамбль «Иланот». Около шестисот евреев, проживающих в городах Еврейской автономной области, также отметили праздник в соответствии с нашими традициями. Что и говорить, с приездом на работу в общину раввина Мордехая Шайнера еврейская жизнь в области значительно оживилась.

Не остались без приятных сюрпризов и евреи Украины.

Благодаря инициативе членов еврейской общины Днепропетровска, в частности г-на Эдуарда Жака, в сукке, расположенной во дворе синагоги «Золотая Роза» в продолжение всего праздника Суккос работало кафе с кошерной кухней. Гостям был

предложен выбор из более чем двух десятков блюд, приготовленных лучшими поварами общины. И поэтому с таким удовольствием приходили сюда и взрослые, и дети: частыми и желанными посетителями были, к примеру, учащиеся еврейской школы «Ор Авнер». Идея кошерного кафе в сукке оказалась не просто оригинальной, но и весьма привлекательной: почти две тысячи днепропетровцев побывали здесь за время праздников.

В канун праздника во дворе Ассоциации еврейских общин Казахстана выросла просторная сукка. Каждый день в нее приходили алматинские евреи всех поколений, чтобы совершить традиционный обряд. Им помогали Ида Шейнер и президент АЕОК Галина Ройтберг. А председатель Ассоциации раввин Иосеф-Меир Шейнер рассказывал всем посетителям сукки историю праздника. И конечно же, торжество не обошлось без «лехаим», вкусного угощения и концерта, подготовленного популярным музыкальным трио в составе Далена Шинтемирова, Марины Майнерман и Миши Будянского. В праздничных торжествах приняли участие более двухсот человек.

В один из праздничных дней в детском саду Еврейского учебно-воспитательного комплекса прошел утренник. Малыши танцевали, читали стихи, пели песни, рассказывали родителям о празднике и о его традициях. Кульминацией утренника стало «представление с куклами» – они загадывали детям загадки и дарили подарки. Также в дни праздника Суккос ученики школы ЕУВК выезжали на природу в живописное горное ущелье Алма-Арасан. Во время поездки ребята, что называется, сочетали приятное с полезным: дышали свежим воздухом и собирали материалы для сочинения по биологии.

Минувшей осенью евреев Риги ожидал сюрприз: в городе открылось кошерное кафе «Лехаим». Посетителям предлагается разнообразное меню: от традиционной фаршированной рыбы до израильской питы с фалафелем. В кафе «Лехаим» можно не только вкусно поесть, но и приобрести различные еврейские атрибуты и литературу. Многие члены общины отметили здесь праздник Суккос. Рижский Хабад организовал день веселья и развлечений в центральном парке Риги: в праздничном действе приняли участие более пятисот человек. Для собравшихся была подготовлена специальная программа – выступление еврейской музыкальной группы, развлекательные будки-сукки, детское танцевальное выступление. А в большой сукке угощения хватило для всех. Вечер закончился лотереей с ценными выигрышами: фотоаппаратом, часами, музыкальным центром и многими другими.

Закончились еврейские праздники осенней поры 5763 года. Не хочется с ними расставаться... Но ведь и в будни наши общины ожидает немало интересных и полезных дел.

«КАЖДЫЙ ЕВРЕЙ ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ТОРУ...»

Праздник Внесения нового Свитка Торы в синагогу состоялся в Донецке впервые за 80 лет, и прошел очень торжественно.

– Тора, данная Б-гом, – основа жизни еврейского народа. – Такими словами открыл праздник главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий. – Каждый еврей должен гордиться своим народом и любить Тору. Чтобы этот новый Свиток Торы стал кошерным, мы должны вписать в него последние буквы.

К записи последних 15 букв были приглашены наиболее уважаемые члены общины и гости, приехавшие на праздник. Обмакнув кисточку в специальные чернила, они вручали ее сойферу... А дальше – музыка, «лехаим», вспышки фотоаппаратов. Председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келерман поднял дописанный Свиток Торы, показывая его всем. Потом на Свиток надели красиво расшитый бархатный чехол и серебряную корону. И поплыла Тора по проспекту Труда в синагогу.

Шествие открыл военный духовой оркестр, игравший веселые хасидские мелодии. За ним шли ученики ешивы «Ктана», держа над головами горящие факелы. Далее – руководители общины, ученики еврейской школы и воспитанники еврейского детского сада с родителями и еще много-много евреев. Тору по очереди несли мужчины, раскрыв над ней, как над невестой, хупу. Люди пели и танцевали, провожаемые удивленными, но доброжелательными взглядами дончан. Почетный караул донецкой милиции охранял еврейский парад.

У дверей синагоги демонстрацию встречали Свитки Торы, выставленные по такому торжественному случаю из арон-кодеша – места их постоянного хранения. Свитки держали ветераны Великой Отечественной войны – люди, защитившие не только свой народ, но и весь мир, отстаившие право евреев оставаться народом среди других народов. Свитки сопроводили новую подругу в молельный зал к очень красивому арон-кодеш, сделанному из натурального орехового дерева. Новый арон-кодеш был изготовлен и установлен в зале стараниями членов общины Семена Леонидовича Гринбанда, Юрия Дмитриевича Ткача, Виталия Рувимовича Шейнина, Юрия Дмитриевича Сенаторова. Над созданием этого святого хранилища для Свитков трудились лучшие краснодеревщики Донецка, и всего за полгода они изготовили настоящий шедевр.

Евреи подходили поцеловать Свитки... «В этот момент вы можете попросить Б-га обо всем, что вам необходимо. Когда у еврейского народа такая радость, такое единение – Б-г обязательно исполнит просьбы», – сказал Иеуда Келерман. Зал не смог вместить всех желающих, но устроители праздника позаботились о том, чтобы музыка была слышна также и на улице. Как в Симхас Тойру, мужчины обходили биму со Свитками Торы в руках, танцуя и веселясь. Под веселую музыку танцевали и те, кто собрался у входа в синагогу.

Участвовал в празднестве и руководитель еврейских общин в Париже и Нетании (Израиль) раввин Яков Мазуз, один из главных «виновников» этих торжественных событий. Ибо это он познакомил раввина Пинхаса Вышецкого с г-ном Израэлем Манам, который подарил Свиток донецкой синагоге.

Частичка праздника у многих осталась навсегда: прикрепленные к листкам картона кусочки бархата – его излишки, ненужные после пошива чехла для Свитка Торы, можно было приобрести за символическую плату. Еврейская традиция говорит: в доме, где есть такой памятный знак, дети защищены от всякого зла.

יְאֵדַי אֶל כָּל־עֲוֹנוֹתַי

ТОРА ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА

В октябре в Большом концертном зале краевой филармонии, вмещающем 1700 человек, состоялась инаугурация губернатора Красноярского края Александра Хлопонина.

Среди приглашенных были депутаты Законодательного Собрания края и Городского совета Красноярска, видные представители культуры, науки, бизнеса, прессы. В качестве почетных гостей присутствовали представитель президента Российской Федерации в Сибирском регионе Леонид Драчевский, председатели комитетов и депутаты Государственной Думы России, губернаторы областей и краев России, а также послы Финляндии и ЮАР в России.

На торжественную церемонию были также приглашены главы всех основных религиозных конфессий края, в том числе и глава красноярской религиозной еврейской общины раввин Бенъямин Вагнер. На инаугурации присутствовали председатель совета КЕРО Юрий Лившиц и председатель совета Красноярской краевой еврейской национально-культурной автономии Наум Рашковский.

Все выступавшие на церемонии выразили уверенность в том, что новый молодой и динамичный губернатор сможет осуществить обещанный в его предвыборной программе экономический рывок и вновь вывести край в число «доноров», преодолеть тяжкий экономический кризис, в котором пребывает этот регион.

На состоявшемся банкете раввин Вагнер вручил губернатору подарок – красиво изданную Тору с посланием от еврейской общины. При этом раввин заявил: он ожидает

повышения не только материального, но еще – что не менее важно – духовного уровня красноярцев на пути к обновлению жизни края.

Губернатор Хлопонин, кстати, еврей по Алохе, был тронут подарком, полностью согласился с пожеланиями раввина и пообещал посетить синагогу – познакомиться с жизнью общины.

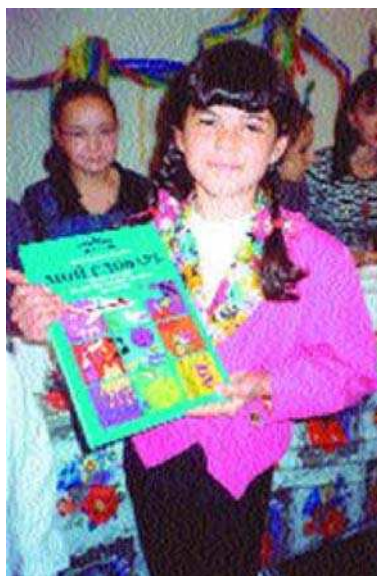
Посол Финляндии в России Рене Ньюберг в этот же вечер побывал в синагоге, где провел около часа. Посол живо интересовался жизнью евреев Красноярска, осмотрел библиотеку, познакомился с подборками еврейской прессы и фотографиями, отражающими жизнь общины.

יְעֹאבֵד יְעִיבֵאָהֶֿ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Петрозаводская еврейская воскресная школа «Йом Ришон» отметила свое десятилетие. Это первая еврейская школа в Северо-Западном регионе страны, появившаяся после восстановления дипломатических отношений между Россией и Израилем в 1992 году. При создании школы казалось, что веками создаваемые культура и традиция растоптаны навсегда, вытравлены из сознания, невозможны. Но прошло совсем немного времени, и опять – как уже много раз в нашей истории бывало – сквозь толщу забвения пробиваются к свету ростки знаний.

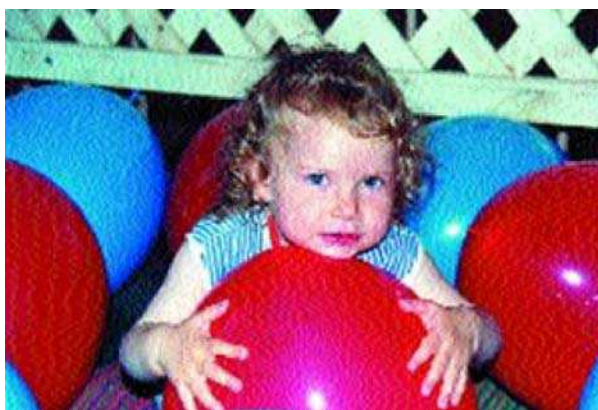
Школа эта, особенно в годы своего становления, стала единственным местом, где можно было получить достоверную информацию об Израиле, его многовековой истории, о традициях еврейского народа, начать изучение иврита. С самого начала в ней учились и дети, и взрослые, что отличает ее от многих, появившихся позже, еврейских воскресных школ России. За десять лет через школьные классы прошли многие из тех, кто решил репатрироваться или уехать в Израиль по различным программам.

Поздравить школу с праздником приехал первый секретарь посольства Государства Израиль в России Шмуэл Полищук.

אי עוֹדֵעַ װאַסײַט

ПЛАНЕТА ДЕТСТВА

Около года работает в Волгограде еврейский детский сад «Ган Геула». Для него в специально арендованном помещении одной из групп действующего муниципального детского сада был сделан косметический ремонт. Сейчас детсад располагает и игровой комнатой, и отдельной спальней, и комнатой для занятий, и кошерной кухней. Доставку детей из родительских домов осуществляет специальный транспорт.

Обучение ведется по российской образовательной программе «Школа-2100» с включением этнокультурных компонентов. Большое внимание уделяется воспитанию детей в еврейских традициях, развитию у них интеллектуальных и художественно-эстетических способностей. На занятиях ивритом и еврейскими традициями дошкольники овладевают основами национальной культуры, участвуют в еврейских праздниках. В игровой форме дети изучают также основы речевого общения на английском языке.

Частые гости в детском саду – ребята из школы «Ор Авнер»: в основном это ведущие программ «Планета детства» и «Школа вожатых», – хорошая практика для будущих педагогов!

Много внимания уделяется физическому развитию детей. Под руководством инструктора по физической подготовке они выполняют общеукрепляющие упражнения, участвуют в практических занятиях по коррекции осанки и профилактике плоскостопия, обучаются дыхательной гимнастике. А у медицинского работника каждый родитель может найти ответы на волнующие его вопросы о здоровье ребенка.

Председатель совета Волгоградского еврейского общинного центра Яэль Иоффе уделяет большое внимание привлечению детей из еврейских семей в «Ган Геулу». Для этого в общине проходит беспроигрышная лотерея для семей с детьми до 6 лет. Благодаря этой работе в сентябре за парты школы «Ор Авнер» сели новые ученики, а в детский сад «Ган Геула» пришли новые воспитанники.

Мы рады каждому еврейскому ребенку!

Ī àò àëÿ Bêĭ âââ

РОЖДЕНИЕ ШКОЛЫ

Погожим сентябрьским утром центр Караганды проснулся под звуки популярных еврейских мелодий. Воздух наполнился ароматом цветов: с гордостью держали их ребята – ученики первой в истории региона начальной еврейской школы.

– В нашей школе четыре класса, в которых будут учиться 22 ученика не только из Караганды, но и из близлежащих городов – Сарани, Темиртау, Абая, Шахтинска, – рассказывает директор школы, известный карагандинский педагог Надежда Николаевна Ушакова. – Для детей созданы все условия, в том числе горячее питание и транспорт.

Пока мы работаем во временном помещении, но уже приобретено хорошее здание, где скоро начнется ремонт. В будущем планируем сделать школу региональной, чтобы в ней могли обучаться ребята из центрального и северного Казахстана. Это будет целый комплекс: школа, интернат, а открыть детский сад планируем в ближайшее время.

Занятия в школе ведут талантливые учителя, которые не только находят индивидуальный подход к каждому ребенку, но и могут проводить интегрированные занятия, сопоставляя еврейскую и казахскую культуры с культурами других народов.

Перед открытием школы Ида Шейнер провела с учителями семинар – познакомила коллектив с методикой преподавания еврейских традиций и иврита. В разработке национальной музыкальной программы очень помог руководитель ансамбля Ассоциации еврейских общин Казахстана Дален Шинтемиров.

Хочется надеяться, что со временем новое учебное заведение из школы начальной вырастет в полную среднюю школу. Но уже сегодня есть все основания выразить благодарность Ассоциации еврейских общин Казахстана и Еврейской общине Караганды, подарившим ребятам отличный шанс не только получить хорошие знания по общеобразовательным предметам, но и освоить национальную культуру и язык.

Н'а э'о.

ШКОЛЕ «ОР АВНЕР» ТРИ ГОДА

Минувшей осенью еврейский учебно-воспитательный комплекс Алматы «Ор Авнер – Хабад-Любавич, Гершуни» отметил день рождения: три года назад он начал свою работу с сорока учениками. Сегодня еврейские мальчишки и девчонки из всех регионов Казахстана стремятся в него, чтобы приобщиться к своей национальной традиции и получить хорошие знания по общеобразовательным предметам.

– В нашем комплексе обучается более 160 детей, – рассказала завуч Тамара Давидовна Голандская. – Среди учеников не только жители Казахстана, но также дети израильтян и евреев из других стран мира, работающих в нашей стране.

На праздник пришли много гостей, среди них – первый секретарь посольства Государства Израиль в Казахстане Дан Меири.

Генеральный директор Ассоциации еврейских общин Казахстана Григорий Родбан зачитал приветственное послание заместителя руководителя администрации президента Казахстана Е. Утембаева, где, в частности, говорится:

«С самого начала движения по пути независимости руководство Казахстана объявило главным приоритетом своей внутренней политики сохранение и укрепление межнационального согласия в республике. Мы исходим из понимания того, что взвешенный подход к национальной политике является важным условием стабильности гражданского общества и дополнительным фактором ускоренного продвижения страны по пути прогресса.

Поэтому мы ставим своей целью не только поддержание национально-культурных центров, но и развитие активного диалога между всеми этносами и конфессиями Казахстана».

В заключение торжественной церемонии президент АЕОК раввин Шевах Златопольский протрубил в шофар, чьи звуки и стали символом начала нового учебного года.

Нїа єї њ.

ДУМАЙ ХОРОШО – И БУДЕТ ХОРОШО

Летом нынешнего года волгоградская еврейская община наконец-то переехала в новое помещение, имеющее для нас особое значение. В этом здании, построенном в начале прошлого столетия, некогда размещались еврейская школа и синагога. В тридцатые годы здание перешло в государственную собственность. Каких только организаций не видели эти стены! Слава Б-гу, ни один из бывших хозяев не взялся за перестройку этого священного для евреев дома. Надо видеть просветленные лица пожилых людей, когда, придя в общинный центр на субботнюю молитву или еврейские праздники, они вновь и вновь обходят строение, любуясь сохранившимися могоендовидами!

Члены молодежного клуба и волонтеры сделали все возможное, чтобы оформить каждую комнату в соответствии с ее предназначением. В первую очередь привели в порядок молельный зал, восстановили работу библиотеки. Женский клуб «Халом» украсил оригинальными поделками стены синагоги. Весной здесь будут посажены деревья, зацветут яркие цветы. Для детей построят беседки, а возможно, и детские площадки. Но главное, хотелось бы как можно скорее начать ремонт здания.

Наши мудрецы говорили: «Думай хорошо – будет хорошо!» Кажется, только недавно мы мечтали о своем помещении.

И вот у волгоградских евреев теперь есть свой дом, куда каждый может прийти со своими проблемами и радостями, где его всегда выслушают и обязательно помогут. Причем помогут не только словом, но если в этом есть необходимость – и материально. Мы верим, что новый дом сплотит нас в большую дружную семью. И тогда у нас появится еще больше друзей, которые помогут нам сделать наш дом уютнее и краше.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ בְּרַחֲמָיו

ТЕПЛЫЙ ДОМ ДЛЯ ШКОЛЬНИКА

Так называется программа, собравшая под одной крышей еврейских мальчиков из Донецка и других городов области.

Свой третий учебный год ешива «Ктана» Донецка начала в новом здании, расположенном недалеко от синагоги. Теперь у ребят есть свои собственные учебные классы, столовая, двух- и четырехместные комнаты. «Теплый дом» встречает чистотой и уютом. Как любая мама, я в первую очередь осмотрела комнаты, где живут ребята. Мне понравилось все: кровати, белые шкафы для белья, удобные письменные столы, зеленые шторы на огромных окнах, светлые обои. Все как дома, и даже лучше.

На первом в этом году родительском собрании присутствовали родители 24 мальчиков из Донецка, Луганска, Мариуполя, Доброполя и других городов Донецкой области. Классный руководитель ешивы Юлия Ефимовна Моргунова сказала, что для успешной учебы необходим прочный союз родителей и учителей. И конечно, этот союз тут же был заключен. Перед родителями выступили главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, председатель иудейской религиозной общины Иеуда Келерман, директор ешивы «Ктана» Яков-Авраам Гуситинский, воспитатель Лев Этлин, а также Аарон Вагнер, который был избран в родительский комитет.

Родители высказали пожелание ввести в распорядок дня обязательную утреннюю зарядку: нужно, чтобы наши дети были здоровы не только духовно, но и физически.

Небольшой концерт, который ребята дали для родителей и учителей, стал заключительным и, к слову, очень трогательным аккордом праздника.

Успехов вам в жизни и учебе, дорогие наши мальчики!

יְאֵדֵי אֶל כָּל־אֹיְבֵי-

ПРАЗДНИК ОБЩЕНИЯ

Что вкладываем мы в слова «пожилой человек»? Какие чувства рождают они в нас?

Наверное, есть люди, которые никогда не задумываются над этими вопросами. Для них «пожилые люди» – это их родные бабушки и дедушки, а о других они и не вспоминают...

Для нас, учеников днепропетровской еврейской школы «Ор Авнер», есть на свете еще и те, кому наш визит доставляет большую радость. Есть те, кто всегда ждет нас в гости и считает дни и часы до встречи с нами. Это удивительное чувство: садиться в автобус со своими одноклассниками, ехать через весь город, разговаривая о чем-то незначительном, смотреть в окошко, а на самом деле в душе у тебя только одно: скорее бы доехать, подольше побыть в гостях там, в Доме «Бейт-Барух». Ведь это так здорово – ходить в гости!

Когда год назад нам в школе рассказывали, что Всемирная еврейская организация помощи и утешения вместе с еврейской общиной строят Дом для пожилых людей, никто особенно не обращал на это внимания. Строят – и пусть себе строят, у нас все время что-нибудь строят. Но когда в Доме появились первые обитатели, когда мы в первый раз приехали туда и увидели живущих там людей, все изменилось. Мы – а я помню это очень хорошо – сразу переменялись в своем отношении к тому, что произошло. Мы поняли: в нашей общине произошло событие огромной важности. Оказывается, милосердие и сострадание – это не просто слова из книжек, это вещи вполне материальные, их можно увидеть, ощутить, прочувствовать. А лица стариков... Я не знаю, как рассказать об этом! Поэтому скажу просто: это самые добрые лица, которые я видела в жизни. И с тех пор для меня поездки в Дом «Бейт-Барух» – огромный праздник.

Так было и в этот раз. Мы приехали поздравить жильцов Дома с их праздником – Днем пожилого человека. И были просто поражены, увидев на выставке творчества замечательно красивые вышивки, тонкое вязанье и даже картины! Было очень приятно, когда всем участникам выставки представитель ВЕОПУ Михаил Гольденберг вручил памятные сувениры. Потом все перешли в зимний сад, где гости и хозяева стали рассказывать друг другу о событиях последнего времени. Я, например, рассказала о том, как в нашей школе проходят выборы в школьный комитет и за кого собираюсь голосовать. Я и не думала, что мой рассказ вызовет такой интерес! А оказалось, и «наши» бабушки и дедушки очень интересуются всем, что происходит в еврейской школе. Потому что, как они сказали, видят в нас себя молодыми и представляют себе, как бы сложилась их жизнь, если бы у них в свое время была такая школа.

Но я вам скажу по секрету: кое в чем и мы им завидуем. Например, их хору. Какие замечательные песни на идише они поют! А какие голоса! Просто не верится, что этим людям так много лет. И стихи они так хорошо читают, что нам до них далеко. Во всем этом мы смогли еще раз убедиться во время праздничного концерта. А подарки в этот день жильцы Дома получили не только от ВЕОПУ, но и от Днепропетровской еврейской общины. Привезли подарки и вручили их управляющий делами общины Александр Фридкис и, конечно же, наша ребецн Хана Каминецкая – ее появление всегда придает встречам домашнюю теплоту. Вот так, по-домашнему, и прошел Всемирный день пожилого человека в Днепропетровском Доме для пожилых «Бейт-Барух». Но мы снова и снова будем приезжать туда, чтобы дарить себе и всем нашим старшим друзьям самую большую радость – радость человеческого общения.

Рёү Еäи ёäđ

ó: äí èöà 9 ééäññ öéíéú

«Г đ Ääi äđ - Öäááä-Ëpäááä»

ПОМИНАЛЬНАЯ МОЛИТВА

Осенью активисты общинно-благотворительного центра «Хесед Тиква» Брянска выехали в районный город Почеп с печальной миссией: почтить память безвинно погибших жертв нацизма.

На краю Почепа неподалеку от Консервного завода на месте массового расстрела в марте 1942 года почепских евреев установлен необычный памятник.

...У надгробного камня с еврейской символикой и текстом на русском и на иврите, под которым похоронено 1846 человек, прозвучали имена семидесяти из них – те, что удалось установить. Среди погибших – родственники сотрудников и волонтеров Хеседа. Возраст расстрелянных и сброшенных в противотанковый ров – от года до семидесяти лет. Есть сведения о многодетной семье Галицких – в ней загублены восемь человек...

В память о погибших были зажжены свечи, прозвучала поминальная молитва – кадиш. И хотя на еврейских кладбищах положено класть на могилы не цветы, а камни, осенние букеты все же были возложены – по обычаю диаспоры – к подножию «Камня плача».

Старожилы рассказывают, что этот памятник появился в Почепе после войны стараниями бывшего начальника райпотребсоюза Аврутина. К сожалению, во многих местах массовых расстрелов пока нет памятных знаков.

Книга памяти, которая ведется в Хеседе благодаря поиску историков Игоря Зельзбурга, Евгения Удлера и ряда других энтузиастов, в последние годы пополнилась новыми свидетельствами, фактами и фамилиями жертв Холокоста на Брянщине. Стали появляться и новые памятники.

Обелиск памяти был открыт в этом году в райцентре Дубровка, находившемся в годы войны, как и вся Брянщина, на оккупированной территории. По инициативе учителя истории дубровской школы № 1 Т.Г. Жуковой и при поддержке районной администрации в мае состоялось торжественное открытие необычного обелиска в память о евреях-дубровчанах, заживо сожженных фашистскими извергами.

...Это страшное событие случилось зимним днем 23 февраля 1942 года, когда нацисты согнали евреев – восемнадцать стариков, женщин и детей – в заброшенную кузницу на территории местного спиртзавода и сожгли их живыми. Все жители поселка стали свидетелями этого ужаса.

Присутствовавшие на открытии обелиска представители Еврейского общинно-благотворительного центра «Хесед Тиква» обратили внимание на то, что в новейшей истории области это – первый случай, когда по инициативе местных властей открывается памятник с правдивой надписью: «Памяти евреев посвящается...»

Появилась теперь твердая надежда, что уже впредь никогда не будут забыты и многие другие места массового уничтожения евреев в Брянской области. А может статья, и в других краях бывшего Советского Союза.

זאָדערן אַ דעאָעראַ

(זײַן עס אָדער אַ «זאָדערן»)

КЛАДБИЩЕ С АУКЦИОНА

В дни празднования Рош а-Шона в Рыбинске произошел погром на еврейском кладбище. Это уже третий акт вандализма, случившийся за последние годы. Причем первые два – в 1997 и 1999 годах – были зафиксированы на новом кладбище, находящемся в относительной удаленности от города. События этой осени произошли на старом

еврейском кладбище, находящемся практически в центре города. Повалена дюжина памятников, из них два полностью разбиты. Злоумышленники действовали практически среди бела дня.

Руководство еврейской общины обратилось в правоохранительные органы. Пока что по данному факту заведено уголовное дело.

О происшедшем событии рассказали жителям оба канала городского телевидения и три местные газеты. В общине предполагают: этот акт вандализма мог стать «ответом» на появление значительного объема информации в местных СМИ о недавнем открытии в городе еврейского благотворительно-культурного центра «Хесед Ахим».

Есть и еще две версии: кто-то хотел либо просто украсть поваленные памятники, либо планировал начать строительство на этом участке. Ведь город уже дважды выставлял на аукцион часть земли старого еврейского кладбища, закрытого в 50-е годы прошлого столетия.

Àí ääáé Î óäñá

Î íáññòè ÓÁÎ Ð í íäñ ò íäèèà Èðèí à Ðáçáí áá

Î ÅÇË ÒÎÁ!

Î ò áñé äóèè í íçäðäáéýáí Èáññèü Ááí ðéýò ò ó Ð ðñááí ó ñ þáééááí !

Èáéèááí èðáí èíáñ çáñðñáñý, ññí áéííáñ áéàñííéó-èý, ñ-áññòüý è áñéäèð èáð æéçíé.

Ñ èþáñáñþ, áéèçéèá è ðñáí úá

Î íçäðäáéýáí

Óéáí íáá Î èðäèèá

ñ 60-éáðèáí .

Èáéèááí ñ-áññòüý

ò ááá í á áñéäèá ñ áá,

× ò í á í á í ò èè ò ááý í á í áññòüý,

× ò í á áñé çáñðñáñí ò ù áññá

Èþáýùèá æáí á, áñ-ú ññí

Óäáæááí úé

Òàí òà Ì ìèñààè- Ì òàðò òàéí!

Ñàðàà-íí ìíçäðààèÿàì

Ààññ 70-èàò èàì !

Áì ì ííæõ ìðàì èçàòèÿõ

Ðìñèè è Èçðàèèÿ ààáí í çí àðò

Ààñ èàè àèò èáí íá àáÿò àèÿ

áàðàèñèíé íáùèííé æèçí è

è ààò ìðà ì áðàíé éí èæ

«Áàðàè Òààñí ðíá».

Ì áðàæ è ò ù á á ààò ñò áí óæ àñí ò àðèñò ñéíé ò ððü ù í á ñéíí èèè Áàñ

Æàèààì Áàì çáí ðíáÿ,

áíèæèõ ì èíáí ò áí ðí ùõ èàò

àáÿò àèÿ ìñò è í à áéàá í àðáé íáùèííé è ðíáí íá Òààñí ðíá

Àèò è àèñò ù è ñò ððàí èèè ÒÁÌ,

Òàñàà, Ñíóí óò à, òíí áà

«Ì í áðàòèÿ Æàáí ò èí ñèèé»

Áí ðíáè á áðçíÿ!

Áñèè áí ðí ò è ò á ìíçäðààèò ù ñáíèõ áðçàé, ðíáí ùõ è áèèçèèõ á ðáðòèèá «Ì àçè Òíá»,

ñí íáùèò à í á ÿò ìí á ðáààèèèè:

103055, Ì ìñèà,

2-é Áù ò àñèàáòáá í áð, 5á

Òàèàó ìí 231 27 77,

ò àèñ 231 30 20

ХОЛОДНЫЙ ТРАУР

Ááí ááèèò Ñàðí îá

Из этих моих воспоминаний, собранных под рубрикой «Я был евреем», довольно ясно видно, что евреем на протяжении всей моей жизни я себя ощущал далеко не всегда.

Когда я пытаюсь вспомнить те «минуты роковые», когда свою принадлежность к еврейской нации чувствовал особенно остро, на память сразу приходят траурные дни марта 1953 года.

Но сперва – короткое отступление в иные, более ранние времена.

Однажды я уже приводил на этих страницах строки из поэмы Маргариты Алигер «Твоя победа» (1945):

Разжигая печь и руки грея,

Наново устраиваясь жить,

Мать моя сказала:

– Мы евреи.

Как ты смела это позабыть?

Мои родители – вот так, впрямую, – никогда мне об этом не напоминали. Но один такой случай был. И было это тоже во время войны, в эвакуации.

В 1943 году (мне было шестнадцать лет) черт дернул меня сочинить эпиграмму на Сталина.

Вообще-то сочинил я ее не один, а вместе с моим дружкой Глебом Селяниным. Сейчас, конечно, уже не вспомню, кто был заводилой, и кому из нас принадлежала в этой эпиграмме какая строка или какое слово.

«Аа оі оі і уо аі і еі е і і і і а о і і...»

Мы с Глебом и еще с двумя ребятами из нашей школы создали тогда клуб – или общество – «перфектуристов». (По аналогии с футуристами.)

Затея была совсем не безобидная: и по меньшим поводам такие же несмышлениши, как мы, получали немалые лагерные сроки. А у нас даже само название нашего сообщества таило в себе крамолу: перфектуристы, стало быть, зовут в прошлое...

По недомыслию мы всего этого не понимали и резвились напропалую. И вот так, резвясь, однажды позволили себе даже и по нашим тогдашним понятиям довольно опасную выходку.

Как раз в это самое время страна сменила гимн. И мы, склонные глумиться надо всем, что видели вокруг, не придумали ничего лучшего, как тут же сочинить наш собственный гимн – «Гимн перфектуристов».

Это бы еще ладно. Но сочиняя этот гимн нашего сообщества, мы, естественно, поддались легкому соблазну спародировать гимн государственный. Не мудрствуя, заменили Ленина и Сталина своими собственными фамилиями, и в результате на свет родился такой текст:

І а аі е ааі оі і а е е і а і і а а і і а

ааі е а е і і і і е,

На е ү і е і а а е е е е і а і і о о ү о е а с а е.

І а о і о о ү о і о о ү і а і і а е і і і і а і а і о

і о о а і а і,

І і і і і о е д ү а а а о і і а і о е і а а с а

Вряд ли мы в полной мере понимали, с каким огнем играем.

Но этим дело не кончилось.

Ребята мы были политизированные, «резкий поворот всем вдруг», проделанный Сталиным в то время, – роспуск Коминтерна, перемена гимна, введенные в армии погоны, а главное, смена государственных кумиров – Суворов и Кутузов, вместо Спартака, Гарибальди, Пугачева, Разина и других пламенных революционеров, – все это было постоянной темой наших разговоров, шуток, острот. И вот, в результате многократного обсасывания этой волнующей темы, и явилась на свет эпиграмма, нацеленная уже прямо и непосредственно, так сказать, лично на товарища Сталина:

Î ù áèèè í àì õää è ôðáí õóçîá

È á ò áõ áíÿõ áúââèè ì àò èè.

Î î è Ñóâîðîá è Êóòóçîá

Ááüü í á ò áîè, à í àøè ì ðáâèè.

Помимо главной причины, из-за которой эта эпиграмма за 60 лет не выветрилась из моей памяти, была еще одна – не главная, но, как оказалось, для меня довольно существенная. (Не будь это так, я бы вряд ли ее запомнил.)

По ходу дела у нас с Глебом возникли некоторые творческие разногласия. Глебу нравился тот, сразу у нас родившийся вариант, который я только что процитировал. А я предлагал другой, как мне казалось, лучший:

Áá, ì ðáâ áèè ì ù ôðáí õóçîá

È á áíÿõ áúââèè ì àò èè.

Î î Ñóâîðîá è Êóòóçîá

Î á ò áîè, à í àøè ì ðáâèè.

Этот вариант был легче, изящнее. Но Глебу одних французов было мало, он требовал, чтобы обязательно упоминались и немцы. А в мой – укороченный – вариант немцы никак не влезали. Принят в конце концов был первый, Глебов вариант.

Озаглавить это наше детище мы сперва хотели просто и скромно: «Маршалу Сталину». Но для полной ясности, чтобы уж ни у кого не возникало никаких сомнений насчет того, куда направлено жало нашей художественной сатиры и в чем состоит ее сокровенный смысл, слегка изменили текст посвящения. Теперь оно стало выглядеть так: «Иосифу Виссарионовичу Джугашвили».

Очень собой довольные, мы, естественно, захотели немедленно с кем-нибудь поделиться этим нашим последним творческим достижением.

Пушкинский Гринев, как вы, конечно, помните, прочитав свои стихи Швабрину и не найдя в нем сочувствия, поклялся, что уж отроду не покажет ему своих сочинений. Но Швабрин посмеялся над этой его угрозой. «Посмотрим, – сказал он, – сдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузьмичу графинчик водки перед обедом...»

Увы, негодяй Швабрин был прав.

Итак, мы сгорали от желания поделиться с кем-нибудь своей творческой удачей. И тут, надо сказать, Б-г нас спас: на роль первого нашего читателя (слушателя) по счастливой случайности мы выбрали моего отца.

Не могу сейчас с уверенностью сказать, было ли это чистой случайностью: может быть, все-таки сработала некоторая осторожность. Но так или иначе, с этим первым читателем нам сильно повезло, поскольку он употребил все свои усилия на то, чтобы остаться не только первым, но и последним. Он напустил на нас такого холоду, что всякая охота прочесть (как нам этого ни хотелось) наш шедевр кому-нибудь еще, у нас сразу же пропала.

Прослушав нашу эпиграмму, отец, как я теперь понимаю, смертельно испугался. Но у него хватило ума дать нам понять, что затея наша нехороша не только потому, что опасна.

– Ну что вы прицепились к Сталину? – сказал он. – Что вам Сталин – в борщ нас..л?

Обычно таких выражений – тем более, в разговоре с «детьми» – отец себе не позволял: понятия у него на этот счет были весьма строгие. И уже это – никогда мною прежде от него не слышанное словцо – сразу показало мне всю меру его взволнованности.

Но после этого он сделал следующий, совсем уже безошибочный ход.

– Не кажется ли тебе, – игнорируя меня, обратился он к Глебу, – что это не очень прилично – попрекать человека его национальностью.

И обернувшись ко мне:

– Ну, а ты-то чего полез? Суворов и Кутузов тебе тоже никакие не предки!

Я обиженно сказал, что родился в Москве, мой родной язык русский и вообще я считаю себя таким же русским, как Глеб.

– Вот и Сталин тоже считает себя русским, – отрубил отец. И закончил: Ладно, пусть Глеб – как он там себе хочет, это в конце концов его дело. Но не тебе, еврею, тыкать Сталину в нос его нерусское происхождение.

Никогда – ни раньше, ни потом – отец так со мной не разговаривал. Я надулся и обиженно молчал. А Глеб – тот вообще сидел красный как рак.

Как я теперь понимаю, главная цель отца, наверное, как раз в том и состояла, чтобы не только запугать нас, но и как можно сильнее обидеть. Дать нам понять, что мы вляпались не только в смертельно опасное, но и в довольно-таки постыдное дело.

Не помню, как и чем тогда закончился этот наш разговор. Но лекарство подействовало. Нашу эпиграмму на Сталина мы никому больше не показывали и не читали.

Вряд ли надо объяснять, почему я вспомнил эту историю, приступая к рассказу о мартовских днях 1953 года.

Добравшись в своих воспоминаниях до этого момента, я подумал, что не мешало бы мне, не доверяясь, как я обычно это делаю, только своей памяти, заглянуть в те старые газеты: может быть, какие-то новые мысли придут в голову, а может быть, ярче и подробнее всплывут в памяти и все тогдашние мои ощущения.

И вот – заглянул.

Сообщение называлось правительственным. Полный текст его заглавия выглядел так:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ

СООБЩЕНИЕ

о болезни Председателя Совета

Министров Союза СССР

и Секретаря Центрального

Комитета КПСС

товарища

Иосифа Виссарионовича Сталина.

А внизу, под текстом «Сообщения» стояли две подписи:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

СОВЕТСКОГО СОЮЗА

И:

СОВЕТ МИНИСТРОВ

СОЮЗА ССР

Но не одна под другой, как здесь у меня, а – на одной линии (так сказать, на равных): одна слева, другая – справа. И прочитав их, я, помню, подумал, что кажется впервые в жизни не знаю, кто у нас сейчас главнее: ЦК КПСС или Совет Министров. (Эта «проклятая неизвестность» длилась недолго: до тех пор, пока Хрущев, которому предписано было «сосредоточиться на работе в ЦК КПСС», не скинул с поста Предсовмина Маленкова, посадив на это место пустую фишку – Булганина.)

Сообщение о болезни Сталина, обрушившееся на нас как гром среди ясного неба, вызвало у меня ужас. Сразу мелькнула мысль: это конец!

Это относилось, конечно, не только к Сталину. Но прежде всего – именно к нему. Прочитав сообщение, я был уверен, что Сталин, конечно, умрет. Если уже не умер. В сообщении, правда, говорилось, что «тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности». По идее это должно было внушить нам некоторую надежду: может быть, еще выздоровеет. И в первый момент я ухватился за этот поданный мне – всем нам! – знак надежды, как утопающий хватается за соломинку. Но тут же отбросил эту спасительную мысль.

Нет, какое там!

Наверняка ОНИ морочат нам голову. Сталин, конечно, уже мертв. А нас готовят, чтобы известие о смерти «отца родного» не так сильно ударило по мозгам внезапно осиротевшего народонаселения. Хотят смягчить удар.

Тут надо сказать, что эта мысль пришла мне тогда в голову не потому, что сообщение показалось мне фальшивым, не вполне достоверным. Об этом я в первый момент даже и не подумал. (Эти мысли пришли потом.) Просто я ИМ не верил. Давно уже привык не верить ни единому ИХ слову. Все, что говорят ОНИ, привык понимать «с точностью до наоборот».

Помню, например, как раскрыл свежую газету с речью Сталина на XIX съезде и прочел: «Твердым, уверенным шагом вождь идет к трибуне». (Эта фраза была повторена всеми газетами, в которых была напечатана речь вождя.) И сразу мелькнула мысль: «Э-э, дело плохо! Старик-то, видать, уже едва держится на ногах, еле-еле небось доковылял до трибуны». (В дневнике К. Симонова об этом сказано так: «Сталин встает из-за стола президиума, обходит этот стол и бодрой, чуть переваливающейся походкой не сходит, а почти сбегает к кафедре». Прочитав – четверть века спустя – эту запись, я с некоторым удивлением подумал: значит, они не врал! Значит, он и в самом деле шел тогда к трибуне «твердым уверенным шагом»!)

Итак, прочитав в «Правительственном сообщении», что за жизнь товарища Сталина сейчас борются лучшие врачи страны, я сразу твердо решил, что Сталина, конечно, уже нет в живых, а это все – болтовня, обычное ИХ вранье. Какие там лучшие врачи борются за его жизнь, если все лучшие врачи страны сейчас – в тюрьме!

Тут, правда, надо сказать, что на этот раз эту их ложь я целиком и полностью оправдывал. И даже был им за нее благодарен.

Перечитывая сейчас это давнее «Правительственное сообщение», я очень ясно вспомнил, о чем думал и что чувствовал тогда, читая его впервые. Особенно – вот этот абзац:

«Для лечения товарища Сталина привлечены лучшие медицинские силы: профессор-терапевт П.Е. Лукомский; действительные члены Академии медицинских наук СССР: профессор-невропатолог Н.В. Коновалов, профессор-терапевт А.Л. Мясников, профессор-терапевт Е.М. Тареев; профессор-невропатолог Р.А. Ткачев; профессор-невропатолог И.С. Глазунов; доцент-терапевт В.И.Иванов-Незнамов. Лечение товарища Сталина ведется под руководством Министра здравоохранения

СССР т. А.Ф. Третьякова и Начальника Лечебно-Санитарного Управления Кремля т. И.И. Куперина.

Лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства».

Перечитывая этот абзац сейчас, я ясно вижу, каким перепугом было продиктовано каждое слово.

Какая была необходимость так подробно перечислять фамилии, ученые степени и должности врачей? Упомянуть, что руководит лечением лично Министр здравоохранения и начальник Медсанупра Кремля, да еще подчеркивать, что лечение ведется под наблюдением Центрального Комитета партии и Советского Правительства? (В чем заключалось это «постоянное наблюдение» мы теперь уже хорошо знаем.)

Совершенно очевидно, что когда они сочиняли все это, ими двигал страх. Они смертельно боялись, что в накаленной обстановке тех дней сообщение о внезапной болезни вождя, который еще совсем недавно твердым уверенным шагом шел к трибуне, может вызвать какие-то эксцессы, массовые беспорядки, еврейские погромы. (А им только этого тогда и не хватало.) А главное – они хотели, если у кого-нибудь вдруг возникнет мысль, что тут что-то не так, отвести подозрения от себя.

И этот подробный перечень врачей был тут очень важен. Надо было продемонстрировать, что помимо сидящих в тюрьме врачей-убийц у нас есть и другие, честные врачи. Посадив тех, товарищ Сталин не остался без медицинской помощи.

Все в порядке! – не просто говорило, а орало, криком кричало это сообщение. – Вождь умер (умирает!) собственной смертью. Никто не приблизил искусственно его смерть: просто годы, старость, природа берет свое.

Тем же страхом, тем же инстинктивным стремлением отвести от себя все подозрения было продиктовано и другое, казалось бы, совсем уж бессмысленное вранье, содержащееся в самых первых строках этого «Правительственного сообщения»:

«В ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг».

Давно уже ни для кого не секрет, что Сталин умер не в московской своей квартире, а на так называемой «ближней даче», в Кунцеве. Зачем им понадобилось еще и это вранье? Смысла в нем было немного. Но ИМ, наверно, казалось, что какой-то смысл в этом был. А в основе – все тот же страх: как бы кто не подумал, что дело нечисто.

Но это все – сегодняшние мои мысли. А тогда я думал совсем о другом. Все тогдашние мои ощущения (я еще попытаюсь вспомнить и восстановить их во всех подробностях) были заслонены одной мыслью: вот сейчас на евреев-врачей (а значит, и на меня!) навесят еще и ЭТУ смерть. И уж тогда... Страшно было даже представить себе, что будет тогда.

И тут мой мозг сразу, автоматически отметил, что все фамилии врачей в этом их списке – коренные, русские: не волнуйтесь, мол, жизнь товарища Сталина в надежных руках. Этот список сплошь из русских фамилий плюс фраза о том, что за ходом лечения вождя неусыпно наблюдают Центральный Комитет КПСС и Советское правительство, слегка успокоили меня, довольно ясно дав понять, что – нет, ЭТУ смерть навешивать на врачей-убийц они не собираются.

Вот почему я так легко и радостно проглотил эту их ложь. Вот почему был им за нее даже благодарен.

Все мои тогдашние чувства, весь мой страх перед надвигающейся на нас неизвестностью выразились в тогда же родившихся стихах моего друга Эмки Манделя. (Коржавиным он стал позже.)

Áã õĩõĩÿò ãðĩ êĩ è ìĩĩ'áóĩĩ

Î ðàò ì ðù, í à ãñá èĩñÿ ãëàçà,

Êàé áúúò ì ì ìæàò ì ì èç òüü ú

èðì ì áóĩĩé

Áãðì óòüñÿ, ãññò çàáðàòü è ì àéàçàòü

Õĩéĩáĩ úé ò ðàóð, ñò èëü ðá: áé -

ãĩññéé.

Î ì ãññò áááéé è ì á è ì áé áðçáé...

B ñà ì í áçíàð, çëù ì èëüãĩáðü ì

ðĩé ì

Òàé ì ì ìã èàò ì ì áúé äëÿ ì àøèð

ãĩ áé.

È èèøü ì áðñá è ì á ì ó í á ì ñò ì ðñ ì í éé,

× ò ì ã ì ãñò ãñ ì è ì ãñ ãðà ì ÿ

ò ðñ ì ì æèé.

Î áðñá á í á ì ðáãñëðöèð õĩõĩéò,

Õĩòü ì ì ìæàò, ì ì ò ì ì ì í á çàñéúæéé.

Î ì ÿ ñò ðà ì à! Î áúæ ò ì ááñò ì èé ì á ì

Óøëà, ì ðííàëà àñü ò àñü áíðíàà?

Â òÿæáëíì, ì òòííì áçæÿää

Ì æëáíéíàà

Ì áæè òí ííí : á àñü ò àñü ñáííàà?

Особенно точно выражало то, что я тогда чувствовал, последнее четверостишие. Отвратная бабья морда Маленкова (соратники звали его «Маланья») внушала мне какой-то гадливый ужас. А ведь именно он был «дофином», который сядет в освободившееся сталинское кресло: в этом ни у кого не было ни малейших сомнений.

7 марта в «Правде» появилась фотография: «Руководители партии и правительства у гроба И.В. Сталина». Ближе всех к гробу – Маленков. За ним – Берия, потом – Ворошилов, Булганин, Каганович, Молотов. А Хрущев и Микоян где-то там на задворках, во втором ряду. В перечне «соратников», стоящих у гроба, порядок, правда, был другой: Хрущев шел перед Булганиным, Кагановичем и Микояном. Но на первом месте – все равно Маленков. А за ним – Берия.

А 10 марта в «Правде» появилась фотография, на которой красовались трое: Сталин, Мао Цзэдун и Маленков. Подпись под фотографией гласила:

«Снимок сделан 14 февраля 1950 года во время подписания Советско-Китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи».

Сталин – не в мундире генералиссимуса, а в традиционном своем френче 30-х годов, «сталинке», – слева. Мао Цзэдун – в центре. А справа – Маленков, вполоборота, заложив руку за борт кителя.

Тут уж было ясно, что эта фотография станет чем-то вроде знаменитой фотки «Ленин и Сталин в Горках», а Маленков, уже занявший к тому времени оба сталинских поста, вскорости будет объявлен еще и любимым учеником Сталина, самым верным продолжателем его дела и – чем черт не шутит – может быть, даже и новым корифеем науки наук, классиком марксизма-ленинизма.

«Yi èà I ài ääü» (I. Èîðæääèí).

Òàèèì îí áùë â 1953 ääó

Мне показалось, что на этой фотографии Маленков выглядит даже как-то внушительнее Сталина. Примерно так же, как в последние годы изображали у нас Сталина с Лениным: Сталин что-то такое там важно вещал, а суетливый Ленин («петушком, петушком») бегал вокруг него и почтительно, слегка даже заискивая, выслушивал его мудрые советы.

Маленков – сам не знаю, почему – внушал мне какое-то физическое отвращение. Но истоки моего страха гнездились глубже. Природу этого страха я не смогу объяснить лучше, чем это сделал Эмка в том же своем стихотворении. Прочел я его, наверно, уже в 54-м, когда мы с Эмкой встретились случайно на Тверском бульваре, намертво вцепились друг в друга и подружились – на всю жизнь.

*Ī āēāī ēīā īī īāīāē āāāīāē āāāīē īīāīī īēēā, Āāāēū ā ŷōēō īāīēō āōōēēō,
ōīēīāīī īīāēāīēāīpūēō īāīīā.*

Стихи (не Б-г вещь какие, далеко не из лучших Эмкиных стихов того времени) поразили меня совпадением выраженных в нем смутных мыслей и противоречивых чувств с тем, что думал и чувствовал в те траурные дни и я. Совпадало все, кроме, пожалуй, одной строки: «Его хоронят громко и поспешно...» Поспешность тех похорон я не ощутил. Но, прочитав эту строчку, задним числом почувствовал абсолютную ее точность. Ну, а «холодный траур» – это было прямо в яблочко.

Володя Лакшин, с которым я одно время приятельствовал, был близок с Твардовским. И Александр Трифонович рассказал ему, что когда Сталин умер, всех, как тогда говорили, ведущих писателей собрали в Колонном зале за сценой. Первым секретарем правления Союза писателей был Алексей Сурков. Он то появлялся в этой комнате, то исчезал – уезжал в ЦК за руководящими указаниями. И вот, вернувшись в очередной раз, объявил:

– Внимание, товарищи! Я только что оттуда! – он показал пальцем в потолок.

Все, разумеется, сразу поняли, откуда – оттуда. И поняли, что на сей раз он наконец имеет сообщить нечто важное. Так оно и было. В мгновенно наступившей тишине Сурков объявил:

– Сказали: плакать, но не слишком.

Рассказал это Александр Трифонович Володе (а Володя – мне) что-нибудь в середине 60-х. В те траурные дни об этой «установке» (плакать, но не слишком) я, понятное дело, – ничего не знал. Но это как-то ощущалось. Было растворено в воздухе.

Иосиф Бродский, когда его спросили, что он чувствовал, когда умер Сталин, рассказал такую историю. Он был тогда школьником, учился в некогда знаменитой в Питере «ПетершULE».

В день смерти Сталина (вернее, в тот день, когда было объявлено о его смерти) их всех согнали в актовый зал. И его классная руководительница (она была в их школе еще и секретарем парторганизации) стала говорить речь. Но как-то быстро сбилась и вдруг истошным голосом завопила: «На колени! На колени!» И тут началось какое-то радение. Все ревели, всхлипывали, шмыгали носами. Некоторые плакали по-настоящему. В общем, это была самая настоящая истерика.

Бродский с гордостью вспоминает, что не смог выдать из себя ни слезинки. Думаю, что не он один. Может быть даже, вся эта истерика партийной дамы была реакцией на эмоциональную тупость вверенных ее воспитанию школьников, на их нежелание рыдать и биться в падучей при известии о смерти кумира.

Но вспомнил я этот рассказ Бродского скорее по контрасту с моим собственным опытом. Вопреки всему, что мне приходилось слышать и читать о тех траурных днях, вопреки даже известным трагическим событиям на Трубной («Тысячи раздавленных сограждан траурный составили венок», как выразился по этому поводу один мерзавец-рифмоплет), меня в те дни более всего поражала именно холодность

сограждан, их равнодушие, их нечувствительность к долженствующей быть всенародной – мало сказать всенародной, вселенской – скорби.

Ἐἵπε ὁ Ἀδριανός.

Ἄ 1953 ἄλλο ἵ ἀυῆ οὐκ ἐστὶν ἐστὶ, αὶ ὁ αὐτὸς 13 ἔα.

Вот вышел из булочной парень, оторвал от батона горбушку, жует. А вот какая-то парочка: он что-то ей оживленно рассказывает, она – улыбается, кажется, даже смеется...

Все это, помню, меня поражало и даже как будто шокировало: случилось ТАКОЕ, а им это по фигу. Хотя, наверное, больше, чем само равнодушие этих моих сограждан, меня поражало то, что они не боятся это свое равнодушие так открыто демонстрировать.

В то же время Эмкина строка – «Народ в нем революцию хоронит...» – тоже отражала реальность. Этой своей строкой он выразил то, что тогда чувствовали многие.

Быть может, это чувство, это настроение, эта мысль, несформулированная, но безусловно владевшая тогда многими, были связаны с одной странной приметой тех траурных дней. Из всех репродукторов почему-то гремел «Интернационал». Не официальное, отталкивавшее казенной фальшью и стихотворной убожеством «Нас вырастил Сталин на верность народу» (что, казалось бы, более соответствовало моменту), а полузабытое, все еще волновавшее: «Вставай, проклятьем заклеименный...»

Ὅτι ὁ δαίμων οὐκ ἔστιν ἀπὸ τοῦ οὐρανοῦ ἀλλὰ ἀπὸ τῆς γῆς.

Ὅτι δὲ αὐτὸς αὐτὸς ἵψα ἐστὶν ἄλλο.

Í ää äðíäíí íäðíí íúáííðòðäòú.

Äíäí èðíúé äèí í, ñòðèäöàòúõ èäò

íáíäòúé,

Äíñòíðäíí ñèíðäè äóøè ñòðýíäè.

Это – Герман Плисецкий. (В моей компании его звали «Плиса». Тоже, между прочим, «в краю отцов не из последних удальцов».)

Ì íé ñäðñòíèé, çàí ä:àòäèíí úé

ííýò Ääðí äí Í èèñöèèé.

Сегодняшние читатели может быть даже и не поймут, о чем это я: какая разница – новый, сталинский гимн или старый, отмененный? Не все ли равно? Одна лабуда! Но для нас эта разница была огромна.

Òíí ó äí äèè ðäíñöèíí íáíííýòú

Ñòðäí ó í íð,

èäè ñòðíèèäííí, ñòðäääèä,

Èíäí íè ðäçó íá ñí íäèè íðííýòú

Äí ñèäç

ñèíää «Èí ò äðí äöèíí äèä».

Это тоже мой (почти) сверстник – Евгений Винокуров. Он был старше меня на два года. Герман Плисецкий – на четыре меня моложе.

Женя – хоть и недолго – успел повоевать. Мой год призывался в 45-м, когда война кончалась, и десятиклассников уже не брали. Ну, а Плиса в войну и вовсе был пацаном, мальчишкой. Так что эта разница в два, три, четыре года тогда была очень даже существенна: это был рубеж, отделяющий одно поколение от другого.

Но в той власти, какую имел над нашими душами «Интернационал», мы были едины. Тут мы были детьми одного поколения, одной духовной генерации. Я думаю, что именно под воздействием этих звуков, гремевших в те мартовские дни из всех репродукторов, и родились у Эмки так поразившие меня совпадением с моими собственными чувствами строки:

*Γὰρ ἄρα ἰαίαι δαμῆρῶερ οἰοῖέο,
οἰοῖ ἰ ἰαείο, ἰί οἰῆ ἰά σῆεῶεε.*

В том, что не заслужил, у меня как раз не было, не могло быть ни малейших сомнений. Это ведь не кто иной, как он, прикончил революцию, придушил ее, вытравил даже самую память обо всем, что принесла она с собой: снес обелиск Свободы на Советской площади напротив Моссовета и поставил вместо него Юрия Долгорукого, надел на армию погоны, а советских мальчишек и девчонок нарядил в гимназическую форму, вернув раздельное обучение... И тем не менее я, как это ни дико, тоже хоронил в нем революцию.

Да, конечно, если бы ОН оказался у власти еще при жизни Ленина, Ленин сидел бы в тюрьме и даже, наверное, был бы расстрелян вместе с Каменевым, Зиновьевым, Бухариным и Рыковым. Но ведь Иуда, предавший Христа, был одним из апостолов. Вот так же и роль Сталина в русской революции не вычеркнешь из истории, какой бы она, эта роль, ни была.

Каков бы он ни был и что бы ни сделал потом с завоеваниями этой самой революции, он был ее кровным сыном. И не мог же он так просто взять и разорвать эту кровную связь со своим марксистским, революционным прошлым.

Вот совсем недавно – буквально только что! – вышел в свет 13-й том собрания его сочинений. И там – на самых первых его страницах – ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки.

ἸΑ ΑΙ ΟΕΝΑΙ ΕΘΕÇΙ Α

Ἰὸ ἀρ ἰὰ Ἀὰσ αἰῖοῖν

*Ἰὰοεῖἰαεῖῦῦε ε δαμῆρε σῖαεῖεçι ἀπὸῦ ἰὰδὰεεὸῖε
:αεῖἰαεῖἰαἰαεῖῖοῖε-αἰεεὸ ἰδὰαῖῶ ἡαῖεῖῖοαῖῖῖῖο ἰὰδῆἰῶ εαῖῖεαῖεçι ἰ
Αἰὸεῖῖαἰ εὐεçι, εαε εδὰεῖῖῦ οἰοῖ ἰ δαμῆῖῖῶ σῖαεῖεçι ἰ, ῖαεῖῖαὸῖῖ ἰαεῖἰεαἰ ἰἰἰῖ ῖἰ
ἰὰδὰεεὸεῖἰ εαῖῖεαῖεçι ἰ*

*Αἰὸεῖῖαἰ εὐεçι αἰῖῖῖῖῖ ῖεῖῖεαὸαὸἰδῖῖ, εαε ἀἰἰἰἰῖοἰῖῖ, αἰῖῖῖῖῖεε
εαῖεὐεαεçι εç-ἰἰῖ ῖῖῖῖ ὀδῖῖῖῖεῖῖῖ. Αἰὸεῖῖαἰ εὐεçι ἰἰῖῖῖῖ ἰῖῖ ὀδῖῖῖῖεῖῖῖ, εαε
εῖῖεἰῖῖ ὀδῖῖεῖῖεἰ, ἡεαῖῖῖῖῖῖ εὐ ἡ ἰδὰεεῖῖῖῖῖ ἰῖῖε ε ἰδῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ εὐ ἰ ἰαεῖῖῖῖῖ.
Ἰῖῖῖῖ ὀ εῖἰἰ ὀῖεῖῖῖ, εαε ἰῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ εἰὸαῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ, ἰἰ ἰἰῖῖ ἰἰ
αἰὸῖἰ ἰἰ ὀῖῖ ὀῖῖ ῖῖ ε ε çαεῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ε ἀδῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ε αἰὸεῖῖαἰ εὐεçι ἰ*

*À ÑÑÑÑ ñòðíæàéóá ïðàíæááóòòñ çàéííì àí òèíì èòèçì, èàé ýàéáíèá
æóóíèí àðàæááííá Ñíáòòíèí ó ñòðíð. Àèòèáíúá àí òèíì èòú èàðòòñ ïí
çàéííàí ÑÑÑÑ ñ àðòííé èàçíð.*

È. Ñòàçèí.

Не могу сказать, чтобы этот сталинский текст, когда я его прочел, так уж мне понравился.

Вся стилистика его была какая-то странная: «каннибализм», «в джунгли». Какие джунгли? Причем тут джунгли! Но разве в этом тут было дело?

Да, конечно, под этим ответом американскому телеграфному агентству стояла дата: 12 января 1931 г. И тут же было сказано, что впервые он (этот ответ) был опубликован в «Правде» 30 ноября 1936-го. А на дворе у нас был 1952-й.

Но только уж очень тупому человеку могло быть не ясно, что этот ответ еврейскому телеграфному агентству в 13-й сталинский том попал не случайно. Что включен он был туда, конечно, с разрешения (а скорее всего, и по личному указанию) самого автора.

И всем пикейным жилетам это обстоятельство показалось тогда радостным знамением. Вы только подумайте! В стране бешеный разгул государственного антисемитизма. А тут сам вождь прямо говорит, что антисемитизм – величайшее зло, что в СССР он строжайше преследуется законом! Не есть ли это прямое указание прекратить, наконец, весь этот шабаш разгулявшихся черносотенцев?

Сейчас – задним числом – я тоже склонен считать, что публикация этого «ответа» в сталинском томе, вышедшем в 1952 году, конечно, не была случайной. Это была еще одна – и весьма важная – деталь дьявольского сталинского плана. По этому плану, после того как по всей стране прокатилась бы волна еврейских погромов, в дело должен был вмешаться сам вождь. И тут развернулась бы новая мощная кампания, новая волна посадок – на этот раз уже сажали бы погромщиков. Кое-кого, может быть, в образцово-показательном порядке даже и расстреляли бы. (Прочитывая к случаю фразу из этого давнего сталинского «ответа»: «Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью».)

Это был его стиль, его почерк, его любимый прием. Так было в разгул коллективизации, когда появилась его знаменитая статья «Головокружение от успехов». Так было и в разгар антикосмополитской кампании, когда он вдруг заявил, что раскрывать псевдонимы – это гнусность, недостойная коммунистов-интернационалистов. Так, наверное, было бы и на этот раз, если бы был реализован задуманный и сочиненный им сценарий.

Все это я отчасти сознавал уже тогда. Далеко не в полной мере, конечно, и во всяком случае не в таких прямых формулировках. Однако догадывался, что эта вдруг – так кстати – появившаяся в 13-м томе его сочинений резкая отповедь антисемитам – не что иное, как обычное сталинское лицемерие, всегдашнее сталинское иезуитство.

Но сейчас, когда он лежал в гробу, а у гроба стояли «соратники» – вся эта нечисть – Маленков со своей бабьей харей погромщика (про него говорили, что он –

*Òù òíéúéí ííáéúáé íà èèòà áñò yòèò íé-òíáéáñòá - Óðòúááá, Í èéíyíá,
Èèðè-áíéí, Í íááòííá...*

*À ííòíí ááéyáéñí òíòíòáíúéí á èèòí í áðòáéá, è òááá ñðáó áñá ñòáíáò
yñí.*

Одного только этого слуха, если он дошел до Верховного (а почему бы ему было до него не дойти? Наверняка нашлись «доброжелатели», которые донесли Сталину об этих разговорах), было более чем достаточно, чтобы отправить маршала подальше, чем в Свердловск или Одессу.

Сам я таких разговоров не припоминаю. Но одно свое впечатление того времени помню так ясно, словно это было вчера.

Вернувшись из эвакуации в Москву, я стал усиленно наверстывать свою культурную отсталость. И как только представлялась малейшая возможность, считал неременной своей обязанностью посетить Большой театр. Я побывал на всех тогдашних спектаклях Большого театра, на всех его операх и балетах. Одет я был не по-театральному: помню, были у меня тогда стеганные ватные штаны – почему-то не защитного цвета, а синие. Вот в них я и ходил в Большой театр. Разумеется, на галерку.

И вот однажды – перед началом одного такого спектакля (как сейчас помню, это был «Щелкунчик») – в царской ложе появился Молотов с какой-то иностранной делегацией. Сыграли гимн. (Вернее, два гимна – сперва наш, а потом ихний. Или сперва ихний, а потом наш.) Все в зале встали. Потом сели. И начался спектакль. Продолжалось это недолго и никакой особой зарубки в моей памяти не оставило бы, если б не другое событие, по яркому контрасту с которым я запомнил это.

Шел «Евгений Онегин». И в антракте перед началом какого-то очередного действия (сейчас уже не помню, какого) я вдруг почувствовал: что-то произошло. И тут весь зал встал в едином порыве. Встал и я, еще не понимая, в чем дело. И слышал в гуле жужжащих вокруг голосов повторявшееся всеми одно слово: «Жуков-Жуков-Жуков!» Все взгляды были устремлены к правительственной ложе. Не царской, а – правой, боковой. (Справа она была от меня, от сцены – слева.)

В этой ложе и появился Жуков.

Весь зал стоял.

Оркестр не играл никаких гимнов, и никто не «организовал» этого «вставания». Но овация все длилась и длилась. Она продолжалась не меньше пятнадцати минут, не утихая, а, напротив, вспыхивая все снова и снова. И не было никаких выкриков из зала. Только новые волны, новые взрывы аплодисментов: вот показалось, что овация пошла на убыль, стала утихать, но – нет: это лишь преддверие новой волны, нового прилива народных чувств.

Как вы понимаете, это была не первая овация в моей жизни. К этой форме изъявления народного энтузиазма мы все давным-давно привыкли. Но такой овации я в своей жизни никогда – ни раньше, ни позже – не слышал. В отличие от всех, какие я знал, она была искренна.

Конечно, когда Сталин отстранил и понизил Жукова, я прекрасно понимал, что сделал он это совсем не потому, что хотел восстановить революционные традиции рабоче-крестьянской Красной Армии, а просто потому, что в стране должен быть один верховный главнокомандующий, один генералиссимус, один человек, благодаря которому мы выиграли войну. И этим одним мог быть только он, Сталин.

И все-таки...

Все-таки с Жуковым ассоциировалась не революционная, а русская национальная идея, которая пугала меня тогда своей – вольной или невольной – близостью к идеям только что разгромленного нами гитлеровского национал-социализма. (Тогда в Большом театре у меня промелькнула мысль: не с тем ли связана эта грандиозная, никем не организованная овация, что народ, как в той Отечественной войне 1812 года, хотел, чтобы спасителем России был не немец-перец-колбаса Барклай де Толли, а свой, родной Кутузов, так и сейчас предпочел бы, чтобы спасителем страны от немецкого нашествия считался не грузин Сталин с его неистребимым кавказским акцентом, а свой, родной, коренной русак – Жуков.)

Десять лет спустя, незадолго до того как новый партийный вождь Хрущев снова отстранил прославленного маршала от всех руководящих постов и отправил его в очередную, кажется, последнюю в его жизни опалу, один мой друг – довольно известный художник – уверенно предрекал, что в самом ближайшем будущем в нашей стране произойдет государственный переворот, и Жуков станет диктатором.

– Откуда у тебя такая информация? – поинтересовался я.

– Никакой информации на этот счет, – ответил он, – у меня нет. А говорю я тебе об этом так уверенно как художник. Ты только погляди на лица всех этих ничтожеств – Хрущева, Микояна, Кириченко, Подгорного... А потом взглядишь хорошенько в лицо маршала, в этот его мощный подбородок, в упрямо сжатую челюсть. И тебе сразу все станет ясно.

Этот прогноз моего друга-художника, как известно, не оправдался, о чем я тогда, признаться, даже посожалел: в то время перспектива государственного переворота с Жуковым в роли диктатора представлялась мне куда более привлекательной, чем продолжающееся гниение под властью всех этих Кириченко, Подгорных и Брежневых.

Но это было – потом. А в военные и первые послевоенные годы я думал иначе. Помню, тогда все повторяли чью-то (кажется, Лины Штерн) замечательную реплику. Когда кто-то при ней сказал, что наш союз с Гитлером – это брак по расчету, она якобы ответила:

– Да, но от браков по расчету тоже бывают дети.

Вот этих самых детей от того брака я и боялся. И мне казалось, что одним из них вполне мог оказаться и Жуков.

Ну, а насчет так называемого «Ленинградского дела», тут уж у меня не было никаких сомнений, что в этом случае Сталин учуял своим марксистско-ленинским чутьем и вовремя пресек националистический, фашистский заговор. Тогда ходили слухи, что осужденные и расстрелянные по этому делу (Кузнецов, Попков, поддерживавший их или даже примыкавший к ним Вознесенский) собирались объявить Ленинград столицей (сперва – столицей РСФСР), а потом потихоньку реставрировать и все символы (не только символы, но и ценности) Российской империи, с которой у меня ассоциировалась кличка «Тюрьма народов», Кишиневский погром и дело Бейлиса.

Вот этот контрреволюционный фашистский заговор, говорили тогда, Сталин и пресек тем самым «Ленинградским делом». Да, конечно, думал я, Сталин сам давным-давно предал марксизм и задушил революцию. Но он все-таки ПОВЯЗАН своим революционным, марксистским прошлым.

А «Маланью», Никиту, Лаврентия – всех этих, стоящих сейчас у его гроба, – их ведь уже ничто не связывает ни с революцией, ни с марксизмом. Что помешает им ступить на тропу уже самого откровенного фашизма?

Да, конечно, его прошлое его связывало. Отчасти этим объяснялось и его иезуитство: ему приходилось быть иезуитом, потому что нельзя было совсем уж не считаться с мнением зарубежных коммунистов-марксистов. Поэтому он и не мог совсем отказаться от марксистской фразеологии. Поэтому, наверно, и приказал включить в 13-й том собрания своих сочинений давний свой ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки «Об антисемитизме»...

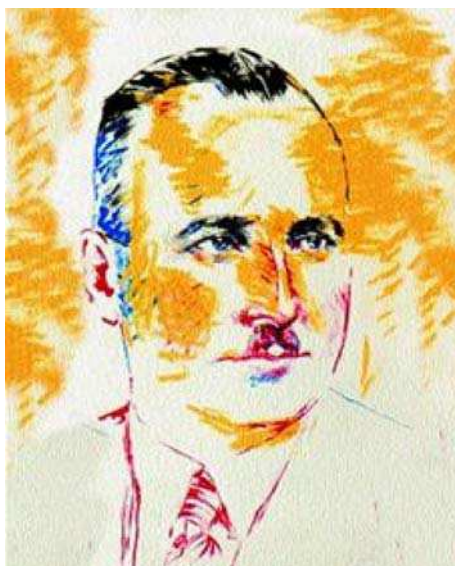
Впрочем, все эти мои тогдашние мысли интересны лишь постольку, поскольку довольно правдиво показывают, какая каша царила тогда у меня в голове. Каша эта, как я теперь понимаю, в значительной степени определялась тем, что я был евреем.

ЧЕЛОВЕК, который остановил Гитлера

אֱלֹהֵינוּ אֵיךְ עָשִׂינוּ אִתְּךָ אֱלֹהֵינוּ

Медленно, но неуклонно растет Аллея Праведников в Яд ва-Шеме, иерусалимском Музее Катастрофы. Израиль продолжает поиски спасителей евреев. Тщательно проверяются данные. Список, подобный шиндлеровскому, – редкость. Но ведь спасение одного еврея в годы нацизма – это тоже подвиг. А что же сказать, если речь идет о 48 000 спасенных?!

...Зимой 1973 года в Софии умер в нищете и полном забвении Димитр Пешев – человек, которому евреи Болгарии обязаны спасением. На заснеженном кладбище народу собралось немного: ни рыдающих звуков траурного марша, ни венков, ни прощальных речей... Коротка человеческая память.

אֵיךְ עָשִׂינוּ אִתְּךָ

В ту пору, когда спасителя болгарских евреев опускали в могилу, Габриеле Ниссим, уроженке Милана, исполнилось семнадцать. Казалось бы, какая связь существует между ними? Что он Гекубе, что ему Гекуба? А между тем, это она вернула его имя из небытия. Став профессиональным историком, Габриеле заинтересовалась судьбами восточноевропейского еврейства. Работая в архивах, она натолкнулась на дело Пешева. Распутать его было нелегко, но ей удалось восстановить правду. И вот перед нами ее книга, переведенная на немецкий и опубликованная в Берлине в 2000 году: Nissim, Gabriele. Der Mann, der Hitler stoppte. Dimitar Peshev und die Rettung der bulgarischen Juden.

Асòсáä è öäöü Áíðèñ

Начнем с небольшой справки: до войны в Болгарии проживало 48 000 евреев. Когда гитлеровская Германия начала передел Европы, в нем участвовала и Болгария, выступившая союзником Германии. Болгария оккупировала Македонию и Фракию (северная Греция), где тоже жили 12 000 евреев.

В военный период все важные решения в Болгарии принимал царь Борис, председатель Совета министров Филев и министры-силовики. В Болгарии существовал парламент под председательством Калфова, время от времени он собирался на заседания. Димитр Пешев был вице-председателем парламента.

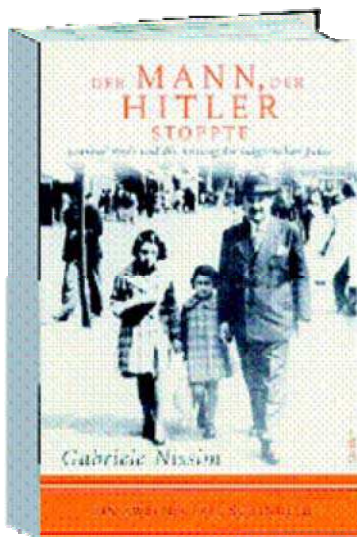

Áíсáäöñссá ääöäè ä öðöüññññ èääöä

1942 ãä

Еще в июне 1941 года болгарский парламент предоставил правительству всю полноту полномочий по делам евреев. Был создан «Комиссариат по еврейскому вопросу» (КЕВ) во главе с Белевым, он подчинялся непосредственно министру внутренних дел Габровски. Действия комиссариата находились вне контроля парламента и общественного мнения.

КЕВ сразу установил связь с германским посольством в Софии и с гестапо в Берлине. Габровски начал готовить депортацию, ссылаясь на то, что при союзе Болгарии с Германией эта акция неизбежна и что царь ее одобряет. Он дважды командировал Белева в Берлин для изучения «опыта» депортации.

Éí è ã Æ á á ð è á á

Í è ñ è ì .

По приказу КЕВ были созданы трудовые батальоны из мужчин-евреев в возрасте от 20 до 55 лет. Однако после совещания в Ванзее (январь 1942 года), где было принято решение об уничтожении европейского еврейства, стало ясно, что трудовой повинностью дело не ограничится.

15 октября 1942-го германское посольство получило приказ: Германия требовала отправки в Освенцим болгарских евреев и евреев Македонии и Фракии. Царь и премьер-министр согласились выдать евреев «освобожденных территорий», а болгарских евреев депортировать отказались, ссылаясь на использование их в качестве рабочей силы при дорожном строительстве. Чтобы уговорить болгар, в Софию прилетел советник Эйхмана Даннекер, «специалист» по еврейскому вопросу.

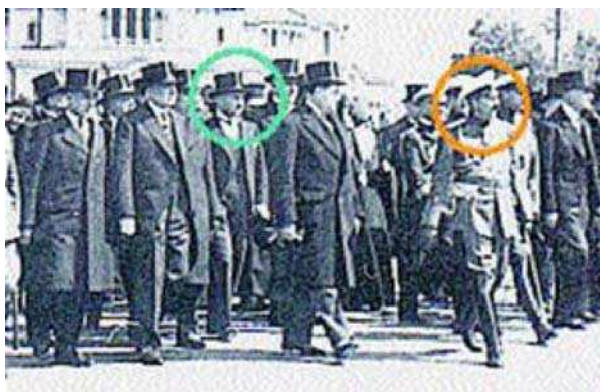
Переговоры «высоких» сторон держались в секрете, но иногда тайное становится явным. В конце декабря 1942 года радио Москвы передало совместное заявление Советского Союза, США, Англии и еще восьми союзных стран о фашистских планах уничтожения европейских евреев.

Тем временем Даннекер и Белев подписали соглашение от 22 февраля 1943 года о депортации македонских и фракийских евреев. Позже Белев самолично

вычеркнул из соглашения слова «македонских и фракийских» и тем самым распространил его на всех евреев. Поводом к этому послужило покушение на генерала Лукова, пособника нацистов. Среди покушавшихся были и евреи, и это позволило утверждать, что среди евреев много «преступных элементов», они представляют опасность для общества и лучше от них избавиться.

Заблуждаются те, кто до сих пор думает, что болгарские евреи обязаны спасением царю Борису. Царь «сдал» своих еврейских граждан. Он самоустранился и поручил дело Белеву. Тот с готовностью запустил машину подготовки к массовой депортации. Был отдан приказ составить списки «нежелательных» (читай – всех) евреев. Но так как в подготовке было задействовано много людей, к тому же болгары в массе хорошо относились к евреям, пошли гулять слухи, и о предстоящей депортации узнали евреи.

Еврейская община Кюстендила – небольшого городка, название которого хранит память о турецком владычестве, – посылает четырех ходоков в Софию. К кому они направились? К Пешеву, поскольку он был депутатом парламента от их округа. Накануне ему позвонил его товарищ по университету, сионистский деятель Якоб Барух, и сообщил о готовящейся депортации евреев Кюстендила. Пешев принял ходоков у себя дома утром 9 марта, а дальше счет пошел на минуты.

Ñëííà Á. Íáóíá ìí ðááà öàðüí Áíðëñ

Обзвонив и собрав несколько своих единомышленников-парламентариев, Пешев определил план действий: они составляют обращение к парламента, а пока идет сбор подписей, он отправляется к министру Габровски и, угрожая тем, что выступит публично и огласит преступные планы правительства, вынуждает Габровски позвонить во все крупнейшие города страны и отменить операцию. После совета с двором распоряжение об отмене акции было дано. Произошло это 9 марта 1943 года в 20:00, а операция была назначена на 23:00. Этот случай отмены депортации был единственным в Европе.

Борьба, однако, только начиналась. За устным распоряжением письменного приказа не последовало, и это порождало опасения. Тем временем Пешев собирал подписи под своим обращением. Подписав его, 42 депутата превратились из пассивных свидетелей в граждан, принявших на себя ответственность за судьбу евреев.

На заседании кабинета министров 20 марта премьер Филов потребовал исключения из парламента всех «подписантов» во главе с Пешевым. Двор его предложение утвердил. Царь негодовал по поводу того, что действия Пешева обнажили его лицемерную позицию. Заседание парламента и кабинета министров собралось 24

марта. Филов заявил, что правительство не намерено обсуждать обращение Пешева, обвинил вице-председателя парламента в получении взятки от евреев и представил его поступок как антигосударственный. Премьер лицемерно пояснил, что всякий, кто поддерживает политику правительства, должен соглашаться и с его политикой в отношении евреев. После этого 13 депутатов отозвали свои подписи. Пешев был лишен поста вице-председателя, ему предложили тихо подать в отставку. Он отказался.

Между тем, события на восточном фронте посеяли сомнения и неуверенность в рядах союзников Германии. После поражения под Сталинградом царь Борис справедливо опасался, что Гитлер потребует отправки болгарских солдат на фронт. На новое требование Риббентропа о депортации царь ответил отказом, сославшись на то, что болгарские евреи – сефарды, а не ашкеназы, но главное – они нужны на строительстве дорог. В то же время составы с македонскими и фракийскими евреями, которых две недели держали на сборных пунктах в Болгарии, отправились в Освенцим. Митрополит Стефан, призывавший остановить акцию, не был услышан.

Царь Борис 15 апреля выступил перед Синодом с антисемитской речью. Она произвела на болгар удручающее впечатление. Представители оппозиции назвали позицию царя преступной. Еврейская община столицы, воодушевленная солидарностью части политиков и болгарского народа, решила организовать демонстрацию протеста. Поход демонстрантов к царскому дворцу возглавил известный своим мужеством раввин Цион. Но моторизованные отряды агентов КЕВ рассеяли ряды демонстрантов, среди которых были не только евреи, но и многочисленные представители болгарского духовенства и группа коммунистов (тогда – Рабочая партия Болгарии). Было схвачено 400 демонстрантов, раввин Цион тоже был арестован.

В этот же день 24 мая митрополит Стефан принял представителей еврейской общины во главе с главным раввином Ашером Хаманелем. Он высказал несогласие с позицией и действиями правительства и обещал им противодействовать. Первым делом он написал царю, увещевая его и напоминая, что за свои действия человек отвечает перед Б-гом. В день святых Кирилла и Мефодия митрополит выступил перед прихожанами и встал на защиту евреев: «Я обращаюсь к правящим кругам с просьбой прекратить политику дискриминации и преследований». Всемогущий премьер Филов принял митрополита, но уважить его просьбу категорически отказался. Митрополит вновь пишет царю и открытым текстом просит отменить приказ о депортации. Даже папе римскому Пию XII не достало мужества на подобный поступок.

Раввина Хаманеля, за которым охотилась полиция, митрополит спрятал на своем подворье. После его заявления о том, что он будет крестить тех евреев, которые этого пожелают, митрополита посадили под домашний арест.

В следующем, 1944 году, 24 августа царь Борис умер. Премьер-министр сам назначил регентскую комиссию, куда кроме него вошел близкий ему генерал Михов и брат царя Кирилл. Против подобного регентства выступили депутаты парламента, среди них – Пешев. Оценив ситуацию не только внутреннюю, но и внешнюю, Филов уволил министра внутренних дел Габровски и председателя КЕВ Белева. Поговаривали о возможном разрыве с Германией.

«Закон о защите нации» был 31 августа отменен, а вместе с ним и приказ о депортации. Многие месяцы евреи – в основном женщины, дети и старики – провели в болгарских деревнях. Мужчины находились в трудовых лагерях. Теперь они могли

вернуться домой, им не нужно было больше носить желтую звезду, им вернули гражданство.

А что же Пешев? Он был восстановлен в должности вице-председателя парламента. Теперь он предостерегал парламентариев, что с приходом советских войск и усилением советского влияния Болгарии грозит утрата самостоятельности. Эти слова ему даром не прошли. Советские войска перешли границу 8 сентября, а уже 9-го по болгарскому радио было объявлено об арестах бывших парламентариев. Пешева, арестованного 14 ноября, обвиняли в симпатиях к национал-социализму и в преследованиях евреев. В одном из 13 пунктов обвинительного заключения утверждалось, что он одобрил «Закон о защите нации», применение которого привело к преступным действиям против евреев. Никто из болгарских адвокатов не захотел защищать Пешева. Они опасались за свою карьеру. Защитником Пешева выступил еврей Иосиф Ниссим Яшаров, сказав, что для него это – честь. Через два года его исключат из коллегии адвокатов. Тем не менее, Пешев получил 15 лет, и это еще хорошо, если знать, что из 137 обвиняемых 66 были приговорены к смертной казни. Среди расстрелянных было и 20 депутатов – сподвижников Пешева, подписавших его обращение против депортации евреев.

Е. І. Боадѝа

Пешев провел в тюрьме полтора года. У него случился первый инфаркт, и его отпустили. В ту пору ему исполнился 51 год. Затем было еще два инфаркта. Он был не только физически, но и морально раздавлен, боялся нового ареста. Жил он замкнуто, почти ни с кем не общался, о нем заботились племянницы. Он говорил им, что спас евреев не только он, а все депутаты, его поддержавшие. Себя он ни в коей мере не считал героем, а просто человеком, в котором не умолк голос совести.

После образования государства Израиль болгарские евреи стали уезжать туда. Коммунистическое правительство даже поощряло их отъезд, но при этом разрешало взять с собой лишь ручную кладь. Многие, очень многие пренебрегли имуществом.

Евреев в Болгарии почти не осталось. Потому, когда с утверждением Тодора Живкова в должности генсека в 1971 году получила широкое хождение версия, по которой спасение евреев приписывалось ему, возразить против лжи было некому. В заслугу ему поставили организацию майской демонстрации 1943 года, инициатива ее проведения была приписана компартии, число участников преувеличено. Ни слова благодарности не было сказано в адрес духовенства. Митрополит Стефан, сыгравший такую большую роль в спасении евреев, был смещен со своего поста и выслан в деревню.

Имя Димитра Пешева лишь недавно выплыло из забвения. Но свою книгу Габриеле Ниссим заканчивает так: «Никто не нанес нацизму такого поражения в его безжалостной борьбе с евреями, как Пешев». Справедливые слова. В Аллее Праведников недавно высадили деревцо как знак запоздалой благодарности и в память о Димитре Пешеве.

ПОДВИГ ЮНОГО ПРАВЕДНИКА

Α άάάάά 1999 άάά έρλαέέίίέέ έίίπδεδόό Βά άά-Οάί ππίαίέέ, ε-όί ππ άάάάάά άύ έίί έίίέύ έρλαέέίίέά ίδάάέόάέύίίόάά ίδελίέέά Γέέίέάρ Γέέίέάάά-ό Αίδλαέέίίέίί ό σάίέά «Γόάάάίέέ ίέδα» η άδδ-άίέά ππιοάάοπδάρυάέ ίάάάέ έ ίί-άόίέ άάάί ίοú. Έίύ «Αίδλαέέίίέέ Γ.Γ.» άάάάάέόάάίί ίά Νόάίά Γί-άόά ί άί ίδελίέά Βά άά-Οάί ά Έάδύάέεί ά Ά όά-άίέά ίάέίέύέέό έάό Άάέέέέ Γόά-άπδάάίίέ άέίú Έίέύ Αίδλαέέίίέέ ππ άάά έάδδπδίέέά - άάάάέίίέά ί άέύ-έέά

– Николай Николаевич, вы принадлежите к тем, кто из безоблачного детства попал в ад нацистской оккупации...

– Город Херсон, где я родился, был оккупирован 19 августа 1941 года, и мне, 11-летнему, на чьем попечении были две 60-летние бабушки, пришлось познать все «прелести» оккупации. Чтобы спастись от голода, изворачивался как мог. Воровал лес и каменный уголь, а главное – продукты с немецких складов и из вагонов, стоявших под погрузкой на путях станции «Речной порт». Мою задачу облегчала близость к дому объектов воровства. Другим подспорьем были ловля рыбы, заготовка в плавнях камыша, работа в промколонии по изготовлению тары для овощей и фруктов, которые я непременно подворовывал и продавал на вечернем рынке, чтобы иметь возможность купить более калорийные продукты.

При отступлении Красной Армии десятки тысяч тонн зерна были утоплены в Днепре, чтобы не достались врагу. Многие жители Херсона в период ледостава вычерпывали зерно со дна реки. Пролежавшее в воде несколько месяцев, оно бродило, как квасная закваска, и имело кисло-сладкий вкус, но для выпечки оладий все же годилось.

Мне посчастливилось достать из реки несколько мешков такого зерна и на санках привезти домой, что позволило собрать многомесячный запас еды – и для нашей семьи, и для соседей по двору, в том числе евреев Могилевских. Ежедневное

полуголодное существование сделало из меня профессионального добытчика и кормильца, всеми силами цеплявшегося за жизнь.

– Вы особо упомянули Могилевских. Видимо, с ними было связано нечто большее, чем помощь продуктами?

– Вы правы. Начиная с августа 1941 года, в нашу жизнь незаметно вошла судьба еврейской семьи, беженцев из Одессы Ады Могилевской и ее сына Владимира, 1929 года рождения. Они поселились напротив нашего дома. С этого времени мы дружили с этой семьей.

Оккупанты начали с того, что издали указ об обязательном ношении шестиконечных звезд всеми евреями. Аде Могилевской повезло: она купила паспорт, где в графе «национальность» было указано «полька». Это давало ей возможность избежать отправки в гетто. Коренные жители не знали истинной национальности Могилевских. В том числе и те, которые с радостью донесли бы карателям, если бы знали.

В начале сентября, следуя инстинкту самосохранения, а также совету моих бабушек, Ада спорола с одежды Володи нашитые ранее желтые звезды и уничтожила его свидетельство о рождении. Без этого свидетельства Вова приходилось скрываться. Полулегальное пребывание в Херсоне Ады и ее сына продолжалось до ноября 1943 года. Все это время Вова чаще всего находился у нас, а я добывал продукты и делился ими с Могилевскими.

В ноябре 1943 года линия фронта установилась по Днепру, и немецко-фашистские власти выгнали из Херсона все население на расстояние более 60 километров от прифронтовой зоны. При депортации из Херсона Ада Могилевская, чтобы как-то смешать сына со сверстниками и тем самым отвлечь внимание оккупантов от его еврейской наружности, упростила моих бабушек отпустить меня с ними. Таким образом, Ада, Вова и я оказались в деревне Малая Дворянка Еланецкого района Николаевской области.

– Очевидно, это было самое опасное для вас и ваших спутников время?

– Конечно, ведь немцы вынуждены были отступать. В начале марта 1944 года линия фронта подошла к Малой Дворянке на расстояние 20-10 километров, деревню окружили конные войска СД и украинские полицаи. И все мужское население в возрасте от 14 до 65 лет под угрозой оружия было согнано на центральной площади, а затем под усиленным конвоем угнано в тыл в сторону Одессы. Маршевую колонну в пути следования усиленно охраняли сопровождавшие ее немецко-фашистские службы. Для острастки и поддержания дисциплины на марше из колонны вытаскивали ежедневно одного-двух похожих на еврея или цыгана и уводили на расстрел. Ослабевших и отстающих расстреливали в конце колонны или прямо у дороги. Чтобы как-то отвести от Вовы подозрение в его еврействе, мы с ним поменялись одеждой. Я надел добротное зимнее пальто, которое Вова досталось от отца – такие пальто с котиковыми шалевыми воротниками по нашим понятиям носили дореволюционные банкиры, а ему отдал простую флотскую шинель. Вова в бедной шинели и матерчатой ушанке выглядел как простой сельский парень и не выделялся из общей массы.

– О том, чтобы сбежать с этапа, нечего было и думать?

– Во время трехнедельного движения этапа по Николаевской и Одесской областям, а затем по Бессарабии мы думали об этом постоянно. Прошли в общей сложности более 500 километров, пока в местечке Тараклия нас не загнали на огороженную колючей проволокой территорию бывшей МТС. Через несколько дней колонны стали выводить из зоны. Мимо проезжали телеги с добровольными беженцами, которые делились с этапниками чем Б-г послал. В суматохе нам удалось выскочить из колонны и, спрятавшись за двигавшимися телегами, смешаться с беженцами. Мы были уже метрах в ста от колонны, когда навстречу нам выехали несколько немецких повозок. Ехавшие на них солдаты стали кричать и показывать на нас конвоирам, некоторые из них направились в нашу сторону. Мы с Вовой заскочили в ближайший дом и попросили хозяйку спрятать нас. Женщина, не колеблясь, жестом указала нам на люк в подполье. Преследователи нас не нашли.

– **Укрывшая вас женщина рисковала головой...**

– Мало того, она сама находилась на «птичьих правах» в этом доме, который принадлежал семье еврейского портного. Его оставили в Тараклии, чтобы шил форму румынским офицерам. До сих пор с глубокой благодарностью вспоминаю ту женщину, спасшую нас от погони и, возможно, от расстрела.

Потом нас приютила многодетная молдавская семья Игната Чебана. Сверхчеловеческое напряжение в последнее время после побега привело к тому, что я серьезно заболел и больше недели лежал без сознания. Хозяева ухаживали за мной, пока я не выздоровел. Им тоже низкий поклон.

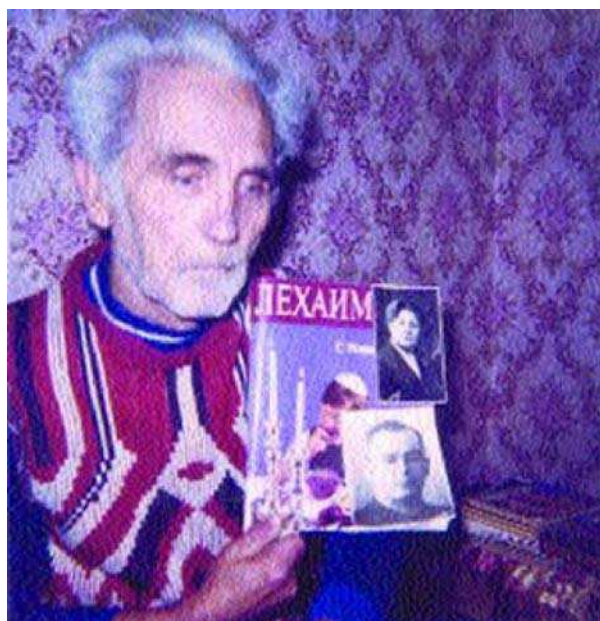
Став на ноги, я и Вова ходили на молдавское кладбище. Около могил, где шла служба, мы просили по-молдавски милостыню – «Домнулэ милуэштеле», и нас всегда вознаграждали какой-нибудь едой. После этапа мы никак не могли наесться, все время испытывали чувство голода.

Однажды на кладбище Вова подвел меня к свежей могиле: «Ее вырыли для тебя». Но Создатель и на этот раз сберег меня.

– **Однако на этом ваши злоключения не кончились?**

– Увы... В конце апреля, когда, как мы потом узнали, готовилась одна из крупнейших военных операций 1944 года – Яссо-Кишиневская – румынские власти, опасаясь партизан, устроили несколько облав. Несмотря на то что старательно таились,

мы все же попали в одну из таких облав румынской полевой жандармерии и были доставлены в тюрьму, где нас держали в накопителе. Все попавшие в облаву были переданы немецким войскам СД, которые этапом доставили группу в румынский порт Галац, загрузили в вагоны для перевозки скота и под усиленной охраной, словно конвоируют партизан, отправили на Запад. В период нахождения в маршевой колонне и при последующих проверках в австрийском пересыльном лагере для евреев и в лагере перевоспитания при тюрьме в немецком городе Эрфурте мы особенно тщательно подвергались фильтрации по признакам национальности, степени лояльности, медицинским показаниям, профессии и так далее. Вова и я везде заявляли, что мы родные братья и регистрировались по моему свидетельству о рождении как Дорожинские Владимир Николаевич (вместо Могилевского В. А.) и Дорожинский Николай Николаевич. После всех перипетий Вова и я получили «трудовую книжку» подневольных рабочих (в действительности – свидетельство рабов) на Дорожинских, русских, православных, что позволило Вова и мне избежать лагеря уничтожения – ему как еврею, мне – как укрывателю евреев.

А. А. Î îæääîææ.

1997 ää

– Что с вами было дальше?

– Мы были направлены на работу в строительные фирмы земли Тюрингия в Германии. Там нас быстро заставили выучить несколько немецких слов, которых фрицам было достаточно для общения с нами. Например, шауфель – лопата, айзеншток – лом, шупкара – одноколесная тачка, шнель – быстро, шеп-шеп – копай-копай и несколько других, среди которых немало ругательств. Никаких скидок на «югендглих» – юный возраст: работать приходилось наравне со взрослыми. Вплоть до освобождения союзными войсками в апреле 1945 года. А было нам тогда по 14 лет...

В августе мы вернулись домой в Херсон. Вова Могилевский до 1948 года жил и учился согласно полученному по справке фильтрационного дела паспорту как Дорожинский Владимир Николаевич. И только в 1948 году через суд, где я был свидетелем, восстановил свою настоящую фамилию.

Звезда по имени НОРА Галь

Ἡ ἐοδόσῃ Ἀστὴρ

В этом году исполнилось бы 90 лет известной переводчице с французского и английского языков Элеоноре Яковлевне Гальпериной. Она выбрала литературный псевдоним Нора Галь, отбросив начало своего имени и конец фамилии. Это имя и стало известно широкой читательской аудитории главным образом по переводам «Маленького принца» Сент-Экзюпери и «Поющих в терновнике» Маккалоу.

Элеонора Яковлевна Гальперина родилась в 1912 году в Одессе. В ее семье было много потомственных врачей, юристов, учителей. Врачом был ее отец Яков Исаакович, которому было суждено провести в общей сложности 12 лет в ГУЛАГовских лагерях. Он был реабилитирован в 1954 году. Ее мать Фредерика Александровна получила юридическое образование и работала по специальности.

Уже в детские годы Норы (это домашнее имя возникло не без влияния имени героини драмы Г. Ибсена) было очевидно, что все ее интересы связаны с литературой. Первые стихи ее напечатаны, когда автору было 13 лет, а первая проза – «Повесть о друзьях» – увидела свет спустя десять лет в мартовском номере журнала «Молодая гвардия» в 1935 году.

После окончания школы в 1929 году Нора пыталась поступить в различные высшие учебные заведения, но тщетно: ведь тогда преимущества при поступлении получали выходцы из рабочих и крестьянских семей. Лишь семнадцатая попытка привела к зачислению ее в недолго просуществовавший редакционно-издательский институт. Затем она стала студенткой факультета языка и литературы Московского государственного педагогического института им. Ленина. Окончив его в 1937 году, она там же училась в аспирантуре, защитила кандидатскую диссертацию о творчестве французского поэта А. Рембо в 1941 году.

*Ñ ñàì ùì è áèèçèèì è äðòçÿÿì è (ñ ðààà í àèáàì - Í. Áàèü Ì. Íàèíí ñèàÿ, Õ. Áèáíðíàà).
Í à: àèí 60-ò ñàíà*

Началом творческого пути Норы Галь надо считать 1930 год: именно тогда стали появляться в периодической печати ее критические и литературные заметки. Она активно сотрудничала в журналах «Интернациональная литература», «Литературное обозрение», «Литературный критик».

В педагогическом институте сложился дружеский квартет, а затем – две семейные пары: Нора, ее подруга на всю жизнь Фрида Вигдорова, позже ставшая известной журналисткой, и студенты Борис Кузьмин и Александр Кулаковский. Эта четверка не только в свободное время, но и на лекциях увлекалась разными играми со словами: из одного слова придумывали другие, делали криптограммы, зашифровывая каждую букву каким-то числом. Нора и Александр стали основоположниками модных нынешних «пазлов»: они разрезали шахматную доску на части причудливой формы и предлагали сложить из них целую доску. Эта головоломка была даже принята к производству, и авторы получили гонорар. Все увлекались поэзией. Любимым поэтом Норы был Б. Пастернак. Она знала наизусть много его стихов, а также Пушкина, Тютчева, Некрасова, Блока, Омара Хайяма. Нора любила классическую музыку, не пропускала Московские международные конкурсы им. П.И. Чайковского.

И муж Норы – Борис Аркадьевич Кузьмин, и муж Фриды – Александр Иосифович Кулаковский погибли во время Великой Отечественной войны.

В 1944 – 1945 годах Нора читала курс западной литературы на редакционно-издательском факультете полиграфического института и вела там семинар по мировой литературе XX века. Себя она называла «двадцатницей».

Первой переводческой работой Норы Галь (не считая, разумеется, стихов А. Рембо для диссертации) стал роман Н. Шюта «Крысолов». Она сделала перевод в 1942 году, но опубликован впервые он спустя более сорока лет, да и то в сокращении, в трех летних номерах журнала «Урал» за 1983 год, а полностью – лишь в 1991 году вместе с

другим романом этого автора «На берегу» в ее же переводе в издательстве «Художественная литература».

Преимущественно с переводами художественной литературы связана вся творческая деятельность Норы Галь. В ее переводах вышли произведения авторов разных стран: Австралии, Бельгии, Великобритании, Ирландии, Новой Зеландии, США, Франции. С английского она переводила Ф. Брет Гарта, Э. Войнич, Ч. Диккенса, Т. Драйзера, Дж. Лондона, У.С. Моэма, О. Генри, Р. Олдингтона, Э. По, Дж. Сэлинджера, Г. Уэллса. Г. Фаста, О. Хаксли, с французского – Л. Арагона, А. Барбюса, А. Камю, А. Моруа. Все переводчики и критики единодушно отмечали, что Нора Галь сохраняет своеобразие оригинала и у нее всегда ощущается правильность подобранного русского слова.

Особенно глубокий след в жизни и творчестве переводчицы оставил Сент-Экзюпери, чей человеческий образ и жизненные позиции были ей очень близки. Знакомство ее с этим автором произошло летом 1939 года: надо было для журнала «Интернациональная литература», где печатались заметки о зарубежных новинках, кратко написать о только что вышедшей во Франции книге Сент-Экзюпери «Terre des Hommes», впоследствии переведенной Норой Галь «Планете людей». Однако ее материал не был напечатан, так как началась вторая мировая война, Франция была оккупирована, и на страницах журнала шла речь о трагической судьбе этой страны. В 1943 году журнал прекратил существование, и только с 1955 года стало выходить его продолжение – «Иностранная литература».

Í. Áàëüñì óceàì Á. Êóçüñ èí üì.

Ñàðüàèí à 30-ò ãáíá

Через двадцать лет после написания так и не увидевшей свет рецензии на книгу Сент-Экзюпери дочь Фриды Вигдоровой принесла Норе изданную у нас на французском сказку этого автора, которую ей дала знакомая преподавательница иностранных языков. Это был «Маленький принц». Как писала потом Нора, она

прочитала книгу «залпом, не отрываясь, перевела ее, причем перевела для себя, для своих близких, вовсе и не думая о печати». Ф. Вигдорова обошла многие журналы, предлагая этот перевод. И, наконец, в 1959 году «Маленький принц» заговорил с читателями по-русски со страниц августовского номера журнала «Москва». С этой публикации и началось триумфальное шествие чудесной сказки, не прекращающееся до сих пор. Притом в течение сорока лет в каждом прижизненном издании переводчица постоянно что-то меняла в тексте, совершенствуя его. Недаром ряд фраз и выражений из «Маленького принца» стали крылатыми: «Самого главного глазами не увидишь», «Зорко одно лишь сердце», «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

«Маленький принц» изменил судьбу Норы Галь – она стала признанным мастером и могла для переводов выбирать те произведения, которые были ей по душе.

Перу Норы Галь принадлежит книга «Слово живое и мертвое», в которой она выступила против канцелярщины, засилья иностранных слов, атакуя «слово мертвое», казенное, бездушное. Показывала, как унылый невыразительный текст преобразовать в «слово живое». Около двадцати лет Нора Галь собирала материал для этой книги, впервые вышедшей в 1972 году в издательстве «Книга» десятитысячным тиражом. Ее прочитал В.Н. Болховитинов – главный редактор весьма популярного тогда журнала с трехмиллионным тиражом «Наука и жизнь» и в четырех номерах отвел страницы для некоторых глав «Слова...» Эта публикация вызвала поток читательских писем.

Через три года та книга была дополнена новыми примерами, а в третьем издании в 1979 году – и новой главой. При подготовке четвертого издания Нора Галь проделала огромную работу, сверив с оригиналами переводы своих коллег-наставников и создала раздел «Поклон мастерам», благодаря которым стал ощутим на русском языке неповторимый лаконизм Хемингуэя, прелесть «Маугли», своеобразие Голсуорси и Фицджеральда. Пятое, уже посмертное издание, обогатилось статьями «Три Камю» Ю. Яхниной – с анализом творчества самой Норы Галь – и Р. Облонской, рисующей человеческий облик переводчицы (М.: «Международные отношения», 2001). Предисловие дочери Норы Галь Э. Кузьминой – редактора с 40-летним стажем в издательстве «Книга» – начинается с обращения к читателям: «Для кого эта книга? Для всех, кому дорог родной язык. Для всех, кто говорит на русском языке, любит его, болеет за него».

Äî:ü è äí óé Í î ðü Äæü

1997 ää

К 85-летию переводчицы в 1997 году в издательстве «АРГО-РИСК» вышла книга «Нора Галь». В ней – воспоминания ее друзей и близких, воссоздающие облик верного друга, внимательного наставника, вдумчивого читателя, ценителя музыки и изобразительного искусства и, конечно, незаурядного профессионала переводческого мастерства. Там приведена и ее переписка с редакциями, свидетельствующая о том, какое значение придает переводчик не только каждому слову, но даже и знаку препинания. Представлена и полная библиография работ Норы Галь, включающая все ее переводы – а их более полутора сотен, статьи по художественному переводу и культуре речи, критические и литературоведческие работы, эссе о культуре и педагогике, очерки мемуарного характера, ее стихи (на некоторые из них написал музыку Д. Кабалевский), перечень отредактированных ею книг, а также литературу о Норе Галь. О ней писали коллеги-переводчики Т. Мотылева, Ю. Яхнина, писатели М. Галлай, Л. Разгон, Е. Таратуга, а также ее дочь Э. Кузьмина, литератор и поэт Д. Кузьмин – внук Норы Галь, и другие.

Любимые работы Норы Галь – «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Посторонний» А. Камю, «Корабль дураков» К. Портер, мировой бестселлер «Поющие в терновнике» К. Маккалоу, «Убить пересмешника», переведенный совместно с ученицей и другом Р. Облонской, рассказы С. Моэма. Дж. Сэлинджера. В ее переводе заново зазвучали пьесы Д. Пристли «Опасный поворот» и «Время и семья Конвей».

В творческом наследии Норы Галь особое место занимает «брэдбериана». Она перевела около тридцати рассказов своего любимого фантаста Р. Брэдбери и столько же – других авторов этого жанра. Все эти рассказы, напечатанные в разное время в различных журналах и сборниках, объединены в книгах «Планета Норагаль» («Лениздат», 1996), «Голоса пространства» («Новатор», 1997), а также в двухтомнике издательства «Мир» – «Звезда по имени Галь», включающем всю фантастику в ее переводе. Названия этих книг связаны с тем, что летом 1995 года именем переводчицы названа открытая Крымской обсерваторией малая планета «Норагаль».

«Теперь где-то в космосе она вращается по соседству с планеткой любимого ею Маленького принца. Такой фантастический подарок судьбы за жизнь, отданную литературе!» – пишет Э. Кузьмина в предисловии к последнему изданию книги «Слово живое и мертвое».

Двухтомник начинается так: «Памяти замечательной переводчицы, которая умела удивительно тонко передавать не только слово, но и дух произведений такого непростого литературного жанра, каким является фантастика, издательство посвящает эту книгу».

Скончалась Нора Галь в 1991 году. В некрологе ее коллеги писали: «Редко кому удастся за короткий земной срок сделать столько, сколько сделала переводчик, критик и литературовед, теоретик жанра художественного перевода Нора Галь».

Опустела без него Москва

Matvey Geizer

Çíàì áíèòíì ó àèòáðò òáàòðà è èèíí Áííáíèíáó Ìíèííàè÷ó Áááòèíáí íáíáèáàì ìì ó Ñááá Áááòèíáó 29 áàèááðÿ 2002 ãáá èíííèíèèííí áù 60 èáò. Èíííèíèèííí áù!

Íì 27 èðèÿ á 22.30 áá íáíáèáááííí íá ñòàèí. Ñóááá áùèí óááíí, ÷òí 26 èðèÿ ðíáèèíÿ áá ìðááí óè, èíòíðíá Ñááá íááííáèè íáçáàòü - áíàì ÿòüíí áá áððáá Áèááèè èðá Áùííòèíí - Áíèíááè.

À áíáá çà íáíèíèèèíí áíáé áí ÿòíá - 25 èðèÿ - áðçáÿ Áùííòèíá òðááèòèíííí íòí á:áèè ááíü áá ìàì ÿòè. Ðàçóí ááòíÿ, Ñááá ìðèíèè áè ó:áíðèá á òíí áá:áðá Áùáÿááè òíò ááòèè, áíèçáí áííüí, èòí-òí áá ìðèíáíáðèè, íáííí íèá: 29 áàèááðÿ - íá çà áðáì è...

Этот предновогодний день давно уже стал праздничным для всех, кто знал и любил Севу Абдулова. А таких людей в Москве было немало! Вот почему именно эти слова пришли мне на память, когда услышал по радио 28 июля страшную весть: «После тяжелой болезни скончался актер Всеволод Абдулов». Не поверил – позвонил по давно знакомому номеру, неизменному в течение 20 с лишним лет, и узнал от его дочери Юли, что в сообщении все верно. Кроме фразы о тяжелой болезни. Сколько таких тяжелых болезней было у Севы за двадцать пять лет нашего знакомства!

Кажется, это было в 1977 году. После ужасной автокатастрофы Сева оказался в больнице в безнадежном состоянии. Произошло это в Тульской области вблизи города Ефремова. Спустя время, когда Севу уже выписали из больницы и во МХАТе отмечали 50-летний юбилей Олега Ефремова, счастливо закончившаяся автокатастрофа стала поводом для эпиграммы, которую на капустнике прочел Владимир Высоцкий:

Çááíí ðáæèíííð á àèòáðá óí èðáò,

È áíò ááí íáðááíèíè íáðááá:

Áááòèíá Ñááá - Ñááò èáæáüé çí ááò -

Á Áòðáì íáá ÷òü áùèí íáííáá..

Здесь уместно напомнить, что инициатором перевоза из больницы города Ефремова безнадежно больного Севы в Тульскую больницу был Высоцкий. Его привезли на вертолете. А когда Севу реанимировали, к нему пришли Станислав Говорухин и

Владимир Высоцкий со списком дюжины ролей в фильме «Место встречи изменить нельзя» – на выбор. Со сценарием фильма Сева был знаком еще до катастрофы.

Посмотрев внимательно на посетителей, он сказал:

– А если не поправлюсь к началу съемок...

– Не имеешь права, – почти серьезно заметил Высоцкий.

Как известно, в этом фильме Сева сыграл роль милиционера Соловьева. И как сыграл!

Помню, как тогда, в 1977 году, мама Севы – светлой памяти замечательная Елизавета Моисеевна Абдулова-Метельская – повторяла: «Он выживет, мой мальчик. Не может быть, чтобы я потеряла и третьего сына». Кто знает, может молитвы ее дошли до Небес, и они даровали ей и всем нам, любившим Всеволода Абдулова, еще 25 лет счастья общения с ним.

* * *

В конце лета 1991 года я узнал, что Севу увезли в больницу в очень тяжелом состоянии. Одни говорили – инфаркт, другие – инсульт... Звонил я ему многократно, однако телефон несколько дней молчал. А позже, в конце августа, трубку снял... сам «умирающий». По голосу уловил – Сева был навеселе:

– Разве мог я оставаться там, в больнице, когда в Москве эта мразь решила совершить переворот?»

Я как «старший» – Сева моложе меня на полтора года – пытался урезонить его, на что услышал:

– Если вправду желаешь мне добра, приезжай. Полечимся вместе.

Тогда в августе 1991 года он остался жив. А умер, как все истинные праведники, быстро знойным, жарким летом нынешнего года.

Его любили все, кто ценит в человеке бескорыстность и доброту, честность и великодушие. В одной популярной московской газете некролог по Всеволоду Абдулову был озаглавлен: «Остался только голос»...

Не так это, не так! В коротких заметках, посвященных его памяти, я не буду подробно останавливаться ни на вечерах в доме Абдуловых, ни на творчестве Всеволода Осиповича в театре (он с юности был актером МХАТа); ни на его работе в кинематографе (последние годы, правда, не на экране, а «за ним», – и в этой области он оставил заметный след). Здесь уместно вспомнить мою давнишнюю беседу с Зиновием Ефимовичем Гердтом. Я спросил его однажды, есть ли у него среди сыгранных им ролей в кино самая любимая. На что он со свойственной только ему скромностью сказал:

– Не могу ответить на ваш вопрос... Любимая моя роль? От автора – в ромовском фильме «9 дней одного года». И вообще иногда за экраном можно сказать гораздо больше, чем «с экрана».

Так вот, последние годы Всеволод Абдулов был чаще «за экраном», чем «на экране». Но работал так же вдохновенно, добросовестно, как и в пору, когда снимался в кино.

В памяти тех, кто знал Всеволода Абдулова, кто общался с ним, навсегда останется его обаяние, лучающаяся доброта – все это помогало людям, с ним общавшимся, как говорится, и в радости, и в горе. И еще – в памяти тех, кто хоть раз видел улыбку Всеволода Абдулова, она останется навсегда.

* * *

Года три назад я привез Севе свою книгу «Семь свечей». В ней есть очерк «Раневская и Михоэлс», ему посвященный. Он пробежал глазами текст и сказал:

– Мотя, ты, похоже, единственный летописец нашего дома. Я дополню твою летопись.

В тот день он проводил меня через дворы своего детства до Тверского бульвара, вспоминал события, здесь происшедшие: драки с однокашниками, первое свидание «вот под этой аркой». Мог ли я тогда думать, что встреча эта окажется последней! Впрочем, и после этого мы виделись не раз: в театрах, на московских «тусовках», но это уже были не те встречи. И уж коль упомянул о последней встрече, то расскажу и о первой.

Было это 14 июня 1978 года. Это день памяти Осипа Наумовича Абдулова, отца Всеволода. Анастасия Павловна Потоцкая, вдова С. М. Михоэлса, представив мне молодого человека, показавшегося мне даже юным, сказала:

– Это Всеволод Осипович Абдулов. Юноша, в которого я влюблена давно, и никакие соперницы мне не страшны.

На что Всеволод ответил:

– Асенька, у вас не может быть соперниц, это у меня могут быть соперники.

Я обратил внимание на некую необычность: Анастасия Павловна Потоцкая, которой было тогда уже далеко за 60, называла Севу Абдулова по имени и отчеству, он же ее – по имени. Суть этого я узнал много позже, в середине 80-х, когда часто стал бывать в доме Абдуловых.

* * *

Очень часто, и это вполне естественно, имя Всеволода Абдулова ассоциируют с легендарным Владимиром Высоцким – их связывала настоящая мужская дружба, безграничная любовь к истинному искусству и беспредельная ненависть к любой фальши в нем. И горько бывает от того, что порой в интерпретации тех, кто объявлял себя друзьями и Высоцкого, и Абдулова, последний преподносится только как друг Высоцкого. Будто бы Всеволод Осипович не сыграл несколько блистательных ролей в чеховском МХАТе. Много незабываемых образов создано им в кино. А дуэт Высоцкий – Абдулов действительно достоин наивысшего уважения. Не раз они не в переносном, а в буквальном смысле слова спасали друг друга. Вот что поведала мне однажды Елизавета Моисеевна:

– В конце 1966 года Володя (Высоцкий. – М. Г.) в очередной раз запил. Сева с ним «крепко поговорил», сказал, что даже не хочет его видеть на своем дне рождения. А этот день всегда был праздником для всех Севиных друзей. Вот где были настоящие импровизированные концерты!

– Что было после разговора Севы с Володиной? – спросил я ее.

Сева Абдулов.

1947 год.

Елизавета Моисеевна, порывшись в кипе бумаг, достала записку, предупредив меня, чтобы я «не донес» об этом Севе, и сказала, что она тайком, зная рассеянность сына, ее скопировала:

– Если пропадет у Севы – потомкам останется.

Я прочел записку. В ней Высоцкий клялся никогда больше не пить. Одну фразу запомнил точно: «Сева, ты мой самый любимый человек».

* * *

Вновь вернусь к первой встрече с Всеволодом Абдуловым, то есть к той, когда я услышал его обращение к графине Потоцкой по имени. Прошло много лет, думаю, это было в конце 80-х, и он рассказал мне историю, об этой «фамильярности».

Я излагаю ее по памяти, ибо и сегодня помню живой артистический рассказ Севы.

Осип Абдулов, отец Всеволода.

1940-е годы

В 1947 году, гуляя с мамой по Тверскому бульвару, они встретили мужчину, который забавно играл с маленьким щенком. Сева решил, что это дрессировщик цирка. Ухватившись руками за мамину юбку, увлеченно наблюдал за всем происходящим. Через какое-то время щенок, заметив Елизавету Моисеевну, бросился к ней с радостным визгом, а потом подошел и сам хозяин. Он расцеловался с Елизаветой Моисеевной, чем немало удивил ее сына. Потом, обратившись к Севе, сказал:

– Не бойся, поиграй с собачкой. Это твой братик. Твоя мама – его мама, а я – его папа.

Это был тот самый «знаменитый» щенок, подаренный Михоэлсу и Абдуловой за исполнение польки в новогоднюю ночь в ЦДРИ в 1947 году. Это был тот же щенок, который, как вспоминает А.П. Потоцкая, в ночь убийства Михоэлса, когда еще никто в Москве об этом не знал, спрятался под кровать, жалобно визжал, и выманить его оттуда было невозможно никакими приманками.

В роли Николки.

«Дни Турбиных», МХАТ.

1960-е годы.

Когда после этой прогулки Сева с мамой вернулся домой, он устроил истерику:

– Почему мой братик не живет в нашем доме?

После долгих уговоров стороны пришли к «консенсусу»: Сева будет звонить «второй собакой маме», ее зовут Ася, и гулять с собакой они будут каждый день вместе.

Через несколько дней отец Сев

ы принес домой кота, который и заменил ребенку собаку. А «собакину маму», то есть графиню Анастасию Павловну Потоцкую, Сева с детства называл Асей.

В роли югославского партизана.

Начало 1970-х годов.

Рассказывая о Севе Абдулове, не могу не вспомнить его отца, знаменитого актера, народного артиста России Осипа Наумовича Абдулова. Он, преодолев физический недостаток (хромал на одну ногу), играл изысканных аристократов, даже королей, и зрители не замечали его хромоты. Прочитав в «Литературной газете» в феврале 1989 года мою статью «Графиня и король» о Потоцкой и Михоэлсе, Сева позвонил мне и сказал:

– Если будешь писать книгу о Михоэлсе, расскажи о дружбе моего отца с ним.

А позже, когда книга моя вышла (к моменту нашего разговора она уже была написана), Сева рассказал мне:

– Ты знаешь, иногда мне кажется, утверждать не буду, что гибель Михоэлса катастрофически приблизила смерть моего отца. Я был тогда маленьким (О. Н. Абдулов умер в июне 1953 года) и не очень помню события тех дней, но интуиция подсказывает, что предположение мое небезосновательно.

В роли милиционера Соловьева.

Кинофильм «Место встречи изменить нельзя».

1979 год.

Что-то похожее я слышал от Ростислава Яновича Плятта, которого не раз видел на «днях Абдулова» в доме на улице Немировича-Данченко.

Воспоминания о квартире Абдуловых тянутся друг за другом. В особенности – о днях памяти Осипа Наумовича. Застолья в этот день были «радостью со слезами на глазах». Вот произнесенный Р.Я. Пляттом спич, который я запомнил дословно:

– Я и сегодня не мыслю, что нет среди нас двух людей, которых я вижу всегда вместе. Мне кажется, вот сейчас войдут в эту дверь Соломон Михайлович и Осип Наумович и, обнявшись, споют свой любимый дуэт, ими же сочиненный:

Di'ci' dya'äe'i i öe'i'ou' e'i'äe'

Öäe' äe'äe'i i äi'äe'ö' i'ü'ou'

B æ äi' äi' i ö' i' ä' i' äe'ö-

Ääe' ä' e' i' e' ä' ä' ä' ä' i' ü'ou'

Когда Сева прочел об этом в «Семи свечах», он с грустью сказал:

– Это были совсем другие времена и другие люди. Не знаю, как жили бы они сегодня...

* * *

Итак, когда и почему Сева называл Анастасию Павловну Асей, я рассказал. А почему она называет его по имени и отчеству?

...Спросил ее однажды об этом. Ответила она мне так:

– Я не многих, очень не многих мужчин произвожу в рыцари. Но тех, кого произвожу в это высокое звание, не могу называть по имени.

Я был на панихиде по Всеволоду Осиповичу Абдулову. Людей, которых я прежде видел в его окружении, там было не так уж много. Но давнишние друзья были.

Пройдут годы, и многие случайные знакомые причислят себя к «старым» друзьям Севы. Так его называли многие, даже те, кто мало был с ним знаком. «Новые» друзья не добавляют ничего к светлому понятию, имя которому – Всеволод Абдулов.

После похорон я перешел из Дома кино на противоположную сторону Тверской, дошел до угла улицы Немировича-Данченко. Постоял, посмотрел на дом, где так много лет жил Всеволод Абдулов. Как печально сознавать, что никогда больше он не выйдет из подъезда этого дома, что никогда этот светлый человек больше не появится на улицах Москвы. Его 60-летие состоится без юбиляра. Опустела без него Москва...

Àíá ôíò íáðàòèè í óáèèéçð òíÿ àí áðáíá

Ðááàéöèÿ áéàñ ááðè ò áí-üÁ. Áááóèíáí - Þèèð çà í ðááííò àáèáí í úá ôíò íáíéòí áí òú.

Маслаченко, вообще-то достаточно грамотного и интеллигентного). Стоило бы также почистить текст от ряда корявых словосочетаний, вроде «на которых на улице» с дальнейшим (в следующей фразе) «на поклон» и т.п. Впрочем, подобных малоудачных выражений в книге немного.

Написан роман с большим тактом и в соответствии с известной нам историей. В нем неординарные персонажи, такие, например, как Яков Блюмкин, Нестор Махно, Николай Рерих, Юрий Олеша (по фамилии, кажется, нигде не названный, но угадываемый по репликам и авторским комментариям). Причем это именно действующие персонажи, то есть совершающие поступки, влияющие на развитие сюжета, что-то важное говорящие, объясняющие, предрекающие. В этом смысле не очень ясно, почему автор отказался от ряда иных фигур, роман несомненно украсивших бы: скажем, от таких, как одесская теща Бабеля – усатая старуха Гронфайн, которую знало полгорода, называвшая зятя преимущественно по фамилии. Что, к слову, подметил наблюдательный И. Ильф и использовал в романе «Двенадцать стульев»: мадам Грицацуева называет Остапа также по фамилии – «товарищ Бендер».

Через весь роман Д. Маркиша проходит история с пулей Наполеона, сопровождаемая коллизиями слежки за писателем со стороны парижского резидента ОГПУ Громова: читатель наверняка вспомнит его резюме на доносе – «террор». Запоминается и происшествие с гусем, изложенное параллельно самому Бабелю, рассказавшему сходную историю в «Конармии» – в главе «Мой первый гусь»; только там гусь бегает по двору, а Маркиш помещает его в чулан. У Бабеля прекрасно выписан начдив – и Маркиш сходно и мастерски описывает подобную фигуру начдива-6 Савицкого.

Еще из «Конармии»: «Впереди полк

а, на степной раскоряченной лошаденке ехал комбриг Маслак, налитый пьяной кровью и гнилью жирных своих соков...» Бабелю в тот момент еще не было известно, что позже он со всей своей бригадой покинет буденновское войско, соберет так называемую «Армию правды» и довольно успешно будет противостоять красным вместе с батькой Махно. Сорокачетырёхлетний Григорий Савельевич Маслаков, награжденный за польскую кампанию двумя орденами «Красного знамени», как говорилось в приказе, «на почве пьянства и демагогии» увлек за собой значительную часть бойцов 19-го кавполка и вместе со своими казаками оказал почти разгромленному тогда батьке большую помощь.

С Маслаковым Бабель в период его пребывания в Первой Конной встречался, и было бы чрезвычайно интересно услышать его мнение по поводу поступков комбрига, хотя бы в передаче Д. Маркиша. Несомненно, скандальная, но живописная его фигура только бы обогатила роман. Хотя, конечно, основные события в жизни Маслака прошли тогда, когда сам Бабель уже покинул Конармию. По его свидетельствам, конная армия предстает войском казачьим и служащим исключительно Советской власти. На самом деле, как пишет Роман Гуль, «слитая из мужиков-партизанов, красных казаков, калмыков, черкесов, бандитов, во главе с командирами-царскими солдатами, ставшими генералами, эта странная Первая Конная армия... о коммунистах отзывалась не иначе, как с полным презрением». Сам командарм порой отдавал приказы, которые в центре прятали в дальние уголки сейфов, чтобы они не попали на глаза Льву Троцкому, а в штабах вообще не знали, как их расценивать. Наиболее известный – от 16 октября 1920 года, отданный конармейцам, направляющимся штурмовать белогвардейский Крым, стоит привести полностью: «Славные товарищи, орлы, бойцы и защитники Советской республики! После геройской борьбы с польской шляхтой мы должны покончить с золотопогонниками

генералами и белыми бандами. Мы должны во что бы то ни стало взять Крым, и мы возьмем его, чтобы потом начать мирную жизнь. Немецкий барон делает отчаянные усилия, чтобы удержаться в Крыму, но это ему не удастся. Ему помогают изменники революции – евреи и буржуи. Но достаточно будет решительного удара славной конницы, и предатели будут сметены. Будьте стойки и беспощадны. Крым будет наш! Командарм Буденный».

Приказ этот вполне в стилистике романа, и стоит лишь сожалеть, что места ему там не нашлось.

И. Бабель в «Конармии» пишет о Несторе Махно и махновцах, притом не сказать, что пишет очень объективно. Как говорится, в стиле времени. Утверждает, к примеру, что Махно в своей Повстанческой армии упразднил конницу. Однако среди сил, боровшихся в Гражданской войне, у батьки была едва ли не самая боеспособная конница под командованием легендарного А. Марченко, предательски уничтоженная красными лишь после взятия Крыма. У Д. Маркиша в романе Иуда Гросман встречается Махно в зале парижского кафе «Ротонда»: батька там бывал – нечасто, но бывал, и тому есть подтверждения. Кажется, именно в «Ротонде» сделал свой снимок писатель Лев Никулин, встретившийся с Нестором Ивановичем в Париже. Рядом – дочка Махно, Леночка, очень любившая отца... Снимок напечатал в 1929 году журнал «Огонек», и Никулин сопроводил изображение Махно кратким комментарием: «Как ни странно, он мечтал о возвращении на родину...»

Многое, что в романе Д. Маркиша связано с Махно, выглядит наиболее мифологично, а местами просто-напросто неправдоподобно. Даже непонятно почему – в отличие от его же романа «Полюшко-поле», где Махно едва ли не впервые изображен живым и вполне реальным человеком. Новый батька ни внешне, ни внутренне оригиналу не соответствует. Начать с внешности: Махно носил тогда (это было модно) короткую щеточку усов, но в романе он назван «усачом», что выглядит явной натяжкой – не применяем мы этого определения, например, к Ворошилову, который носил такие же усы!

В романе Д. Маркиша батька хвастливо заявляет: «Я сам, собственноручно казнил за погромы атамана Григорьева, голову ему отрубил под Александрией». Вряд ли он мог такое сказать, поскольку все происходило вовсе по-иному, как свидетельствует тогдашний начальник махновского штаба А. Чубенко: «Я, будучи наготове, выстрелил в упор в него и попал выше левой брови. Григорьев крикнул: “Ой, батько, батько!” Махно крикнул: “Бей атамана!” Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил». Дело действительно происходило под Александрией. Добавим – в селе Сентове. Как видим, никакими ужасами вроде отрубленной головы тут и не пахнет: историческую правду нет нужды подменять домодельной мифологией.

Еще один миф – перебивающийся шитьем тапок бывший грозный атаман. Нестор Махно действительно умел и любил сапожничать, о чем тот же Д. Маркиш так красочно написал в романе «Полюшко-поле»: Махно с детства приходилось обувным ремеслом зарабатывать на жизнь – семья сильно нуждалась, отец рано умер, оставив мать с пятью детьми на руках. Лучше всего у юного Нестора получались веревочные лапоточки, их-то он и стал мастерить на чужбине, только веревочки делал разноцветные, что очень украсило его продукцию. Однако явный миф, что батьке якобы предлагали наладить промышленный выпуск его товара, но дело так и не сладилось...

А вот по поводу предложения редактировать сочинения Нестора Ивановича – тут уж никаких мифов нет: Махно явно испытывал трудности с изложением своих мыслей. Во всяком случае, он принес только что написанные мемуары Марку Алданову с просьбой посмотреть их и снабдить предисловием. Тот Махно принял, попросил обождать в прихожей, вернулся в кабинет, открыл окно и сбежал: видно, отказать авторитетному просителю не смог, а править текст и писать вступление не нашлось сил... Тоже история, вполне подходящая к рассказанному Д. Маркишем.

Остается добавить кое-какие мелочи. Например, что Бабель напечатал первые рассказы в горьковской «Летописи»: на это есть намек в романе – когда казаки вышвыривают его сундучок, среди выпавшего белья и фотографий мелькнет ноябрьская книжка «Летописи» четырехлетней давности. И верно: рассказы вышли в свет в 1916 году, были они подписаны псевдонимом «Баб-Эль», автора тотчас привлекли к уголовной ответственности за «кошунство и покушение на ниспровержение существующего строя». Горький тогда посоветовал молодому литератору не торопиться с публикацией очередных своих произведений, что Бабель скрупулезно и выполнил. Следующая его публикация относится к 1923 году. За это время он успел повоевать в царской армии против румын и германцев на Румынском фронте, против генерала Миллера – на Северном (это уже в Красной армии), против белополяков – на Юго-Западном, о чем написана «Конармия», переменял множество профессий, позже работал в ЧК, репетировал в Тифлисе и Петрограде, сотрудничал в ряде газет, путешествовал... Он действительно посетил Париж, где выступал на I конгрессе Всемирного форума писателей и присутствовал на заседании палаты депутатов французского парламента, в Москве и Киеве пропадал у голубятников, гонял чай и пил водку с чекистами, наблюдал сквозь специально устроенное окошечко кремацию поэта Эдуарда

Багрицкого.

Роман Д. Маркиша заканчивается сценой из далекого тогда будущего. В камеру арестованного Гросмана приходят трое тюремщиков совершенно ясно для чего. Раньше, завершая создание образов своих героев, автор предлагал своеобразные экскурсии в их будущее – это был найденный им и очень удачный прием: так мы проследили финал жизни чекиста Блюмкина, поэта Хомякова, нациста Миллера, наркомпросовца Севы Григоровича, машинистки Кати Мансуровой. Для самого Бабея – вернее, Иуды Гросмана – такого экскурса в будущее не потребовалось: оно, впрочем, хорошо известно.

...Исаака Эммануиловича Бабея арестовали 15 мая 1939 года, когда казалось: ужас 37-го миновал. Взяли его по месту жительства в Переделкино, через несколько месяцев судили и приговорили к «десяти годам без права переписки», что означало немедленный расстрел. Он был уже трижды женат, его дети разбрелись по свету: старшая дочь Наталья оказалась в Вашингтоне, средний сын Михаил сделался художником и выбрал для жительства Москву, как и младшая дочь Лидия, освоившая архитектурную профессию. Именно о ней Исаак Эммануилович, бывало, говаривал своим разнообразным гостям: «Ишь, какая страшненькая уродилась... Зато замуж не отдам, на старости лет будет отцу утешение».

Увы, все обернулось по-другому. В заключительном разделе романа Иуда Гросман утверждает, что всю жизнь писал сказки. Наш современник литератор В. Пьецух считает главы «Конармии» своеобразными стихотворениями в прозе. В свое время их называли очерками. Но пожалуй, дело не в том, что он писал, что задумывал писать, что считал удачей, что нет... В финале романа обращает на себя внимание фраза Иуды

Гросмана: «Мне есть что вспомнить». Вероятно, для Исаака Бабея она была бы крайне важной, хотя автор и вложил ее в уста мифическому Иуде.

«Нам не простят того, что с нами сделали»

Вí Òì àø Áðííí

Соседи.

Пер. В.Кулагиной-Ярцевой. —

М. : Текст,

2002. — 157 с.

Алексей Зверев

Городок со смешным для русского слуха названием Едвабне расположен на востоке Польши, под Белостоком. Очень маленький городок, всего около двух тысяч жителей – поляки и евреи. Так было перед войной. Теперь евреев нет, почти все они погибли в один день, 10 июля 1941 года. Во времена немецкой оккупации такое происходило повсюду: в Польше, Белоруссии, Прибалтике, на Украине.

Трагедия в Едвабне имеет только одну особенность: оккупанты тут в общем-то ни при чем. Все сделали местные жители. Соседи.

Когда война кончилась, эту историю, разумеется, попытались замять. Не получилось. Из 92 установленных участников погрома 22 все-таки арестовали – по обвинению в пособничестве нацистам. Обвинение было сформулировано заведомо неверно. Или по меньшей мере неточно. Но открыто признать, что польские граждане и стали инициаторами геноцида, власть ни за что не хотела. Ведь они не были ни фашистами, ни выродками. Были они обычными людьми – двое сапожников, часовщик, столяр, агент по скупке яиц. И рядом с местными евреями прожили они не один десяток лет: не сказать чтобы душа в душу, но и без каких-то очевидных проявлений ненависти.

Суд, который происходил в 1953 году, вынес только один смертный приговор, еще одиннадцать арестованных получили разные сроки, остальных оправдали. Осужденными оказались только те, чье прямое пособничество оккупантам доказывалось документами. Происходившее в Едвабне 10 июля как бы отошло на второй план. Утверждалось, что убийства явились результатом прямых немецких инструкций, хотя всем было известно, что восемь гестаповцев, находившихся в тот день в городке, прямого участия в этой резне не приняли. Они только наблюдали, задействовав и кинокамеру. Ролик потом демонстрировался в варшавских кинотеатрах, чтобы убедить население в том, что казни и депортации евреев отвечают заветным чаяниям польского народа.

Подобные ролики можно было отснять не только в Едвабне. Погромы прокатились летом 1941 года по всей Ломже, как именуется этот край. Повод для них отыскался самый простой: до немцев Белостокская область подверглась советской оккупации, кое-кто из евреев входил тогда в существовавшие при Советах органы власти, а значит, расправляясь с евреями – всеми евреями, – поляки мстили за свое попранное

достоинство. Тем полякам, которые тоже сотрудничали с Советами, они отчего-то не мстили или, во всяком случае, мстили не такими варварскими методами.

Правда, суд состоялся еще в сталинские времена, и власть, очень старавшаяся, чтобы процесс не приобрел нежелательного политического оттенка, не могла прибегать к такого рода аргументам. Поэтому все свалили на немцев. Семь уцелевших едвабненских евреев – их, сильно рискуя, спрятала у себя полька Выжиковская, жившая на окраине, а потом те, кто перенес войну, – навсегда покинули места, словно в насмешку называемые родиной. В тех условиях, естественно, не могли они подать свой голос. В городке еще много лет опасливо перешептывались, вспоминая случившееся, но открыто об этом не решался сказать никто. Решился, по прошествии многих десятилетий, социолог и писатель Ян Томаш Гросс. Его книга «Соседи», теперь выпущенная в свет у нас в России издательством «Текст» в переводе В. Кулагиной-Ярцевой, произвела в Польше впечатление шока.

Это строго документальная книга, которая основана на секретных документах из архива польской госбезопасности, судебных протоколах и беседах со свидетелями. Читать ее очень тяжело – но необходимо, если, не доверяя готовым и слишком удобным объяснениям, мы действительно хотим всей правды о Холокосте. День 10 июля 1941 года восстановлен Гроссом в подробностях, от которых цепенеешь, напрасно стараясь себе внушить, что молва, должно быть, преувеличила ужасы. И что не могло быть такого, чтобы какой-нибудь Вацек или Метек, прежде не отличавшийся никакими скверными наклонностями и вообще ничем не отличавшийся, мог выкалывать людям глаза, отрезать языки и, не дождавшись, пока остынет прах сожженных в овине, отыскивать в пепле золотые коронки. Но все это подтверждено документами: рассказом спасшегося Шмуля Вассерштайна, записанным еще в 1945 году и положенным следствием под сукно, невостребованными письменными показаниями еще одной уцелевшей – Цальки Мигдал, стенограммами допросов, которые не понадобились суду.

С привычными представлениями о том, чем была война для поработанных народов, трудно расставаться. И особенно нелегко это делать, зная, какие громадные жертвы понесли поляки, какой они проявили героизм в Сопротивлении. Но, зная все это, надо знать и о другом... О воздвигнутых в честь прихода оккупантов триумфальных арках со свастикой. О портретах Гитлера, поднятых над толпой, которая ликует, когда в польский город вступают немецкие войска. О лозунгах вроде висевшего на стенах соседнего Радзилова, городка рядом с Едвабне: «Да здравствует немецкая армия, которая освободила нас от проклятого ярма жидокоммуны!» Надо знать о ксендзах, отказавшихся остановить взбесившуюся толпу, о врачах, не оказавших никакой помощи избитым и умирающим, о том, что были случаи, когда – какой чудовищный парадокс! – появление немцев спасало недобитых евреев от польского патриотизма с мясницким ножом в руках.

И знать обо всем этом надо не только для того, чтобы история наконец предстала такой, какой она была на деле, а не в том мифе о ней, которым отбрасывается все, что не соответствует героической тональности. Полное знание необходимо прежде всего по той причине, что с освобождением Польши эта история не закончилась. Она получила прямое продолжение в тех вспышках антисемитизма, которыми омрачена ее послевоенная история. Проще всего и эту вину свалить на оккупантов – теперь уже советских... Но книга Гросса тем и замечательна, что все напрашивающиеся ответы она подвергает строгой, объективной проверке реальными фактами. А проверка снова и снова обнаруживает, что ответы неполны, то есть несостоятельны. Потому что и эти вспышки очень часто были результатом непосредственных импульсов тех самых соседей, обычных

людей, которым очень льстит сознавать себя жертвами и крайне неприятна даже мысль о собственной ответственности за поведение, оказывающееся преступным.

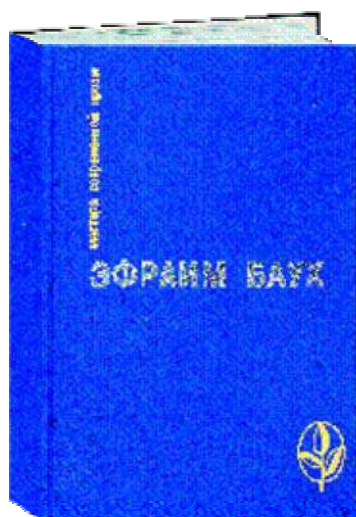
Та агрессивная неприязнь к немногим выжившим евреям, которая, по свидетельству Гросса, была характерна для польского общества после войны, осталась бы загадочной, если бы были преданы забвению факты, хорошо известные по временам оккупации: насилия над скрывающимися от лагерей смерти, расправы над погибающими. Иногда, правда, они происходили из-за страха репрессий. Но еще чаще из-за того, что вся тогдашняя атмосфера пробуждала в людях самые низкие инстинкты, подпитанные самыми дикими поверьями.

А потом пришло ощущение коллективной вины... Но далеко не сразу оно привело к тем актам покаяния, каким стало, среди прочего, высказывание президента Польши Квасьневского, который в связи с книгой Гросса заявил, что больше невозможно прятать голову в песок.

Гораздо чаще это смутное чувство вины старались заглушить. Зачастую – попросту избавившись от напоминаний, принудив евреев к эмиграции и забыв, вытеснив из сознания все, что с ними связано в недавней польской истории.

Герцен, не выносивший российского императора, как-то заметил: Николай I ненавидел поляков за то, что сделал им много зла. А евреи, пережившие геноцид, невесело шутили: «Немцы никогда нам не простят за то, что с нами сделали».

...После книги Гросса приходится гнать из головы мысль, что поляки тоже не простят – и по той же причине.

Ī îēñé, Ōààéðá, ì ù

Yóðàèì Áàóó

Ī ãò ù í ŷ áí àì èàò Á-ã

Ī . : Ðàáóã

2002 — 319 ñ

Ð è è È ð à è è Ī

Автор – израильский писатель, пишет на русском. Русскоязычный писатель – и там, и у нас. Но оттенки сего определения различны. В России иные категории «патриотов» произносят это с явным негативным отношением. Но так или иначе, я сумел прочитать первоисточник – не перевод, где всегда вольно или невольно в текст примешивается личность переводчика.

А книга интересна мыслью, идеями, подтекстами. Мне интересна. Но кто я, чтоб оценивать качество книги? Литературные достоинства, идеологию, философию, публицистику написанного. Тем более автора, Человека. Для меня книга тогда хороша, когда будит собственные мысли, рождает эстафету размышлений, вытаскивает на поверхность сегодняшнего существования мое прошлое, заставляет задуматься о собственной жизни. И Баух заставил меня и вспоминать, и задуматься о многом, что без его помощи мне и в голову не приходило. А может, приходило, но словами не оформлялось достаточно осмысленно. Значит, книга, наверное, выполнила свою задачу. Значит, она не напрасно написана. Значит, это хорошая книга.

Книга о рабстве, о свободе, о вечных человеческих общественных конфликтах, об отношении к чужому мышлению, о рождении нового мировоззрения. И с самого начала вспоминаю, как мой сын, еще школьник, сказал советскому психиатру, что верит в Б-га, и на вопрос: «видел ли он, говорил ли с Б-гом?», ответил, – «разумеется, нет, ибо лишь один человек в мире говорил с Б-гом и видел Его». Советский психиатр, сводивший любое религиозное слово к душевным нарушениям и пытавшийся выявить у мальчика визуальные или слуховые галлюцинации, с удовлетворением расценил сей ответ как религиозный бред. На вопрос «кто это был?» мальчик ответил – «Моисей, разумеется».

...Книга якобы о прошлом. Формально о прошлом. О прошлом, что прошло через века и переходит из времени во время. Книга о святом, которое всегда идет об руку с грехом. Святое у святого, как правило, все в прошлом, все состоялось. У греха, у грешника все может быть впереди – и раскаяние, и возмездие, и прощение. Любое дурное, сделанное во имя добра, наказуется – цель торжествует, греху же воздается.

Книга на русском языке, и, наверное, это не случайно. Так мистически сложилось по велению... По велению. Описанное рабство, описанный режим, описанный диктатор... что уж говорить! Ведь и сейчас был очередной Исход от очередного фараона Сети, от очередных «семейств Тамит». И в очередной раз импульс, позыв к Свободе исходил сверху, от знающих и образованных, от тех, у которых было свободное время, чтоб задуматься.

Тяга к свободе всегда сверху. А толпу, поддавшуюся великому порыву, всегда при первых же трудностях опять тянет назад, в мир, где «колбаса за два двадцать». Да, Моисей шел к своему народу сверху. И эта случайность была не случайна. И будучи «наверху», он шел к истине через учебу. В книге записано: он так интенсивно учился, как будто у знаний есть предел, и он к нему стремился. Он не знал еще, но он двигался в направлении Истины. И он не знал еще, что обретенная Истина снижается до Закона, что безбрежную свободу Истины невозможно нарушить, в то время как Закон можно и не блюсти. И опять коллизия святого и греховного. К Истине через знания, свободу и простор мыслей. К Закону с его ограничениями, запретами, но которые и способствуют сохранению Общества, Народа и части Истины. А о степени важности сохранившейся части нам не дано судить.

Какие парадоксы в нашей жизни! Моисей через убийство ушел из богатства и неги к свободе и лишениям. От поддобирастия окружающих к любви в пустыне. Через суровость Б-га понял уровень любви. Понял, что без свободы и выбора быть не может любви. (У Адама и Евы не было выбора и, стало быть, не было любви, а лишь необходимость, порожденная грехом неразрешенного познания.) Наверное, и Б-г, изначально обреченный на одиночество (кем? собой?), нуждался в любви, потому Ему и понадобился Мир, Вселенная, Человек – чтобы было кому любить Его.

Книга об Иходе. Возможно, о первом Иходе. В пути, в пустыне сложилась бездомность народа. Истина была открыта Моисею, а Народ получил Закон. И начались исходы: Вавилон, Испания, Англия, Украина, Германия, Россия... Получившие Закон в пути, они не были готовы к оседлой жизни на Земле Обетованной. Но посеянная Моисеем тяга к свободе, не принимаемая «чужими» в народах очередных стран обитания, создавала ситуации Холокоста или «предхолокоста» и... опять исход. Первый Исход выстроил новое мировоззрение, обрел идею Б-га, мысль Б-га, действенную абстракцию. Может быть, истинный Б-г без объемности, без «имиджа» – «субстанция», породившая материю и все вытекающее из нее. Может, Б-г потому избрал народ сей, что тот позволил себе невероятную смелость и бесшабашность: оставить относительно беспечную жизнь в защищенном рабстве – в угоду тяжелой, полной страха и забот свободы в неизведанной и угрожающей пустыне. (Кстати, та же угрожающая и неизведанная обетованность, как после первого Исхода, так и ныне – при попытке возродить Народ на Земле без рабства.) И в пустыне принес Моисей Закон... непосредственно от Б-га. И действительно, вот уж не знаю, мог бы человек сам, находясь на уровне цивилизации того времени, создать Великую Книгу? Родить те заповеди, которые ныне освещают сегодняшнюю цивилизацию? Ибо и до сей поры человек не в состоянии соблюсти хотя бы столь простую заповедь, как «не убий», не в борьбе даже, а в мирных перипетиях судебной процедуры.

Первый Исход. Весь народ удрал, ушел от внешнего рабства. Но самое страшное рабство – внутреннее, вьевшееся во все поры душ, тянущее в квазибеспечность общества «колбасы за два двадцать». Тут без Б-га не управиться. И Он пришел, избрав Моисея своим первым пророком. Но до сих пор это внутреннее рабство остается предметом борьбы Б-га, Моисея. Внутреннее рабство во всем, в том числе и ксенофобия – у Моисея жена темнокожая. Смотрите, читайте, думайте.

Обо всем – и об этом книга... И об этом книга.

Книга и о вечности человеческих конфликтов. Как проста логика рождения, мягко говоря, неприязни: им, хабиру (евреям), плохо, а значит, они завидуют, хотят на нас паразитировать, обкрадывать нас, уничтожить. А мы, мол, должны их опередить.

И вспоминается якобы имевший место диалог в дореволюционной Государственной Думе.

Пуришкевич:

– Господа! Евреев надо бить.

Левая оппозиция возмущенно:

– Почему?!

Пуришкевич:

– Потому, что они нас ненавидят.

– Почему? – не унимается оппозиция.

И с железной логикой ответ:

– Потому что мы их бьем.

Сотворил Б-г человека по образу Своему и подобию. Но все ж не по материальному подобию, ибо нельзя и невозможно воссоздать божественную «субстанцию». Создатель творил духовное подобие. Дал свет в руки избранному Им народу, чтобы понес он идею монотеизма, Б-га мысли и абстракции другим народам, принявшим и поверившим в этот основной Закон. Закон, который покорило не только думающих, но и полонил толпу, породил в ней эдипов комплекс, гонящий хабиру из места в место, из времени во время. И через страдания, холокосты, исходы несет народ и передает другим тот Свет, что когда-то обрел в пустыне.

Нет, не случайно эта книга родилась на русском языке, где слово «человек» и есть лицо времени, ЧЕЛЮ ВЕКА. На языке места сегодняшнего исхода. Ах, эта прочтенная мною сейчас книга! Как вечны и похожи конфликты, как одинаковы фараоны в своем злобном неприятии непонятого им, непонятого, мешающего властвовать.

Эта книга – напоминание и предупреждение. Холокосты и исходы пока еще вечны. Холокост – модель могущего произойти со всеми, с миром. Холокост обычно обрушивается и на породивших его... И почему Мир еще не содрогнулся в страхе за всех, за себя?

Кто я такой, чтоб оценивать только что прочтенную книгу? Я еще не дорос до нее. Я вот только про то, что родилось во мне в ответ.

Коднер и Сын

Израиль Петров

I

Пятый «б» начал проходить алгебру, и на первом уроке, дабы объяснить понаглядней буквенные обозначения, учительница вызвала к доске Яшу Коднера. Она спросила, сколько ему лет и сколько папе (класс заинтересованно притих), а затем, по обыкновению гуляя между партами, продиктовала условия задачи.

– Яше Коднеру – тринадцать лет, а папе – тридцать два года. Рассчитайте, когда папа будет в два раза старше сына.

По математике Яша шел первым, победил в городской олимпиаде, и уже тогда люди знающие сулили ему некие вершины... Он обозначил искомое число латинской буквой «X» и сразу составил уравнение. Оказалось, что отец будет в два раза старше его через шесть лет, то есть случится это в 1941 году.

Осенью 1941 года, а точнее – 27 ноября, в четверг утром, Залман Коднер шел по Большой Молчановке.

Город был прекрасен. Дома выпрямились и стояли не для того, чтобы в них жили, а сами по себе, как деревья в лесу. Улицы, избавленные от машин и пешеходов, просматривались далеко вперед. Около родильного дома № 7 не толкались, как прежде, неприятно счастливые толпы мужчин. Всюду – нетронутый белый снег, который жалко топтать, и в тишине изредка по-татарски переговаривались дворники.

Как в восемнадцатом году, подумал Коднер.

Он чувствовал себя заодно с городом, несокрушимым и вечным, а не с теми, кто покинул его. А в восемнадцатом году тоже бежали и тоже заколачивали квартиры, и наказывали дворникам беречь добро.

Мерзлый газетный лист трепался по ветру, и Коднер издали засекал крупные буквы заглавия. Хотя Яша глубоко в тылу, постоянно чудилось, что мальчишка пробрался на фронт. И в поисках знакомой фамилии просматривал первые страницы газет, особенно о связистах... Одной рукой придерживал лист, другой – счищал ледяную корочку, залепившую строчки.

Аади-пүүсөһү

Ἰ ἀεὺδὴ πᾶσῶν ἐστὶ τὰ ἰατρικὰ καὶ ἐστὶ τὸ ἀεὺδῆν (ἢ ἀεὺδῆν ὁ ἄνθρωπος). Ἀὐτὸς δὲ τὸ ἀεὺδῆν, ἐστὶ τὸ ἀεὺδῆν καὶ τὸ ἀεὺδῆν ἐστὶ τὸ ἀεὺδῆν καὶ τὸ ἀεὺδῆν ἐστὶ τὸ ἀεὺδῆν...

Больше фамилий не было, и, читая дальнейшее, думал о своем. Откуда взял, что Яша – на фронте? Взбрет же в голову такая глупость!

...вражеская пуля вывела из строя Чебыкина. Сделав раненому перевязку, Закотыркин приказал вынести его в безопасное место, а сам под огнем противника нашел обрыв и восстановил связь.

Яша гуляет по Архангельску, там даже не бомбят. Разговаривает с американцами по-американски... И, продолжая путь, Залман Коднер похвалил себя за отцовские чувства.

Свернул в ворота. Прошел по двору, ставя ноги в чужие следы, чтобы не провалиться в снег, и по каменным, сильно выщербленным ступеням – ломом сбивали лед – спустился в подвал. Прежде чем постучать, долго и старательно отряхивался.

Дверь зеленая, доски пригнаны неплотно, и когда явились отпирать – в самом крупном просвете что-то оранжево загорелось. Гостеприимно защелкали замки.

– Входи, входи, Залман! По случаю войны не дают электричества, так мы со свечкой...

– Здравствуйте, Александр Кириллович.

– Здравствуй... Руки, извини, заняты.

Они вошли в комнату, щедро освещенную свечами. Пламя тускло отражалось в полированном дереве, ярко – в золоте канделябров, весело играло на пестроте блюд, заполнивших стол.

Коднер тронул маленькую бутылку, очень удобную в употреблении – то, что прежде звалось «шкалик», а в первые советские годы – «рыковка» и не выпускалось уже лет десять.

– И подревнее кое-что найдется, – сказал хозяин. – Приди, любезный гость, краса моя и радость! Приди! Тебя здесь ждет и кубок круговой...

– Руки бы вымыть, Александр

р Кириллович...

– О, ты, как доктор, руки моешь... Егор, слей гостю!

Александр Кириллович засмеялся и, взяв со стола вместительный дорогой фужер, проводил к умывальнику.

Пламя свечей, изгибавшееся под ветром дыхания, вытянулось тонкой прямой стрелой. Комната приняла вид строгий и затененный, как картина, поступившая на реставрацию.

Хозяин и гость ели каждый по-своему. Гость – вяло, без видимого удовольствия, как человек, которого потчуют кулинарными деликатесами, – восхищается, славит искусство повара, а под конец: «Теперь хорошо бы картошечки с соленым огурцом!» Хозяин, напротив, удивительно ловко работал

руками: и когда подливал напитки, и когда очень согласованно действовал ножом и вилкой. Он читал стихи, воспевающие некий вельможный обед:

Ἄσπερὸν ἐστὶν αἶμα ἰὶ ἐ ἐδὲ ἰ ὐ

Лют на брашны аромат, – прерывал себя при совпадении блюд и кричал: «Егор, подай гостю!»... после чего следовало: имя совпадающего блюда, короткая пауза, смешок – и хозяин сам пододвигал требуемое.

– Залман! – кричал хозяин. – Зачем Остоженка – Метростроевская?.. Они ее протоптали? Они там царских коней на заливных лугах пасли?.. С какого года в Москве, Залман?

– С восемнадцатого, Александр Кириллович.

– А я – с четырнадцатого... Да не с года, не с года четырнадцатого! С четырнадцатого века!.. Где сейчас Хилков, внизу, к реке, сельцо было – Киевец. В четырнадцатом веке выехал к Ивану Калите из Киевской земли боярин Родион Нестерович с дружиной. С той поры я в Москве живу... Остоженка – до чего наше слово! Остоженка, чувствуешь?.. А Пречистенка? Как они Пречистенку-то!.. Да там все дома наши! Дом 7-й – Всевожского, дом 11-й – Лопухина, 13-й – Давыдову-отцу, 17-й – Давыдову-сыну, 18-й – Яньковой, 19-й – Долгорукову, 20-й – Ермолову, 21-й – Потемкину...

Ἐἰτὰ ἰ ἰὸ αἶ ἐεἰ ὁ ἂ ἰ ἰὸ αἶ ἐαῶ

В ἰ ἂ ἰ ὀ αἶ ἐα ἰ ἂ ἐαῶ

Ὀἰ ἰ ὀ ὐ ἡ Ἄσπερὸν ἐστὶν αἶμα ἰ ἰὸ ἰ ἂ ἐαῶ

ἰ αἶ ὕ ἰ ἰ ὀ αἶ ὕ ὀ ἰ ἂ ὕ αῶ!

Хозяин быстро и ловко опрокинул в рюмку черную жидкость из большой бутылки.

– Стройте свое, пожалуйста! И называйте, как угодно... хоть Шарикоподшипниковская! Пожалуйста! А это – наше, наше!

Свечи маслянисто плавилась, укорачиваясь в длину.

– А теперь про нас вспомнили, – говорил хозяин. – Как Знаменку в улицу Фрунзе – не помнили. Теперь в военкомат приглашают: вы кадровый офицер... старой службы... хорошая школа... нужно готовить резервы... Родина в опасности... А я не царский офицер. Я не царский офицер! Не царский офицер!.. Егор, подай гостю!

После некоторого молчания и как бы передохнув, хозяин повел более спокойную беседу. Он человек мирный, потерпевший, а оттого терпеливый – заведует складом на Екатерининской улице. И например, на складе – ватные штаны. По ведомости, например, 3240 пар, а в наличии – 1803. И завтра, например, придет военный приемщик штаны забрать...

– И что же, Александр Кириллович, вы хотите, например, от меня?.. Если их тысяча, а должно быть три тысячи... За одну ночь... две тысячи...

– Егор, налей гостю! – Хозяин мелко засеменял по дороговому ковру в дальний буфетный закуток. – Тысяча, три тысячи – это, Залман, арифметика. Спроси у сына, он тебе расскажет из высшей математики. Там все возможно! Подставляем латинскую букву «Х» и путем преобразований... все возможно!.. Спроси, спроси сына, Залман!

– Яша – в армии, Александр Кириллович.

– Как? – Хозяин высунулся из-за буфета. – Родному сыну «бронь» не мог обеспечить? – И закричал: – Завтра придет приемщик!

– «Бронь» у Яши была, – сказал Коднер. – А за ваше дело не волнуйте себе сердце. Завтра принесу приемочный акт. И безо всякой буквы «Х».

– Тост, Залман, тост! Выпьем за Якова Залманова Коднера, чтоб стал Героем Советского Союза!

– Я сам Герой Советского Союза. Столько лет в торговле работаю и ни разу не сел.

Чокнулись.

Прощание было довольно длительным, так как хозяин изображал одновременно и себя, Александра Кирилловича, и лакея по имени Егор.

– Егор, подай гостю пальто! – И подавал.

Противиться бесполезно. На все вежливые «спасибо, не стоит» – грозный рык:

– Егор, служить разучился!

В качестве самого Александра Кирилловича хозяин сказал:

– Поцелуемся, Залман!

И почеломкались.

Хотя со стороны хозяина поцелуй был скорее символический: обнял гостя, сблизился с ним губами, но едва ощутил дыхание на своем лице – отпрянул и поспешно закашлялся, чтобы скрыть брезгливость.

II

Весной 1917 года, сразу после революции, которая впоследствии именовалась февральской, а тогда ходила в мартовских, Залман Коднер устраивался на службу в магазин Елисеева. Так как заранее облюбовал должность – разносить по домам покупки – и так как знал, что от исполняющего эту должность требуется вид бодрый, взгляд живой, руки проворные, ноги быстрые, то таким именно и предстал перед Григорием Григорьевичем Елисеевым. И был зачислен.

Хотя чаевые платили не звонкой монетой, а почтовыми марками (население, до лучших времен, упрятало серебро), Залман Коднер неукоснительно этих марок добивался. И не стерпел, когда горничная выпроводила его, оставив себе назначенные ему марки...

– Зачем украл серебряную ложку? – чинил допрос Елисеев.

И поскольку хозяин изображал возмездие, то Коднер, соответственно, покорность судьбе: моргал длинными ресницами и мелко дрожал... Украл для мамки... на корову...

– В какую цену у вас коровы?

– Сто рублей... – И Коднер глубинно вздохнул, давая понять, сколь недостижимо-громадной кажется ему эта сумма, и тем самым вызывая хозяина на эффектную щедрость, не отягощающую карман.

– На! – сказал Елисеев. – Пошлешь домой... И чтоб ложек не воровал! А то никто у меня покупать не станет – пойдем ты да я по миру. – И довольный собой, хозяин удалился, наказав вернуть украденную ложку по принадлежности.

Что и было исполнено.

В обществе двух веселых дам и веселого их повелителя Залман Коднер изображал веселое раскаяние.

– Откуда ж ты такой в православной нашей столице? – хохотал хозяин ложки, он же повелитель дам, он же молодой офицер по имени Александр Кириллович.

– Из Житомира... – тянул Залман.

– Из *Жидомира*? – И хозяин прибавил к ста рублям Елисеева свои двести. – Ну, развеселил меня... из *Жидомира*...

Дамы хихикали, каждая на свой лад.

Эти деньги, триста рублей, можно было послать матери, и она несомненно приобрела бы корову, если бы таковая, то есть мать, у Залмана Коднера вообще имелась.

Зимой восемнадцатого года он изображал рабочего-кожевника. Ходил от дома к дому, вытягивая из списка жильцов, трудно, по складам складывая определенного рода фамилии: Гринберг, Баренбойм, Мееровский... И когда в Георгиевском переулке нашел Коцев, бывших владельцев зеркального магазина, то поселился у них, оберегая квартиру от уплотнения, ибо сам – пролетарского класса.

Он сказал Пинхасу Коцу, брат которого был в Австралии: «Для вас здесь все кончено». И Пинхас Коц уехал, а Залман Коднер женился.

Далее он изображал почтительность. Почтительно, до дна души сознавая собственное ничтожество, учил человека, подобранного на улице в рваной шинели солдата, как извлекать доходы из сугубо мирных занятий, которые (доходы) делились из почтительности таким образом, что Залману Коднеру доставались три их четверти, а компаньону по имени Александр Кириллович – одна.

Он изображал властного мужа, а жена – верную подругу жизни, тихую, раз навсегда испуганную. Она так и скончалась в этой роли, предоставив ему полную возможность изображать заботливого отца. И какая была на самом деле, Залману Коднеру неизвестно.

Сын Яша изображал способного, пылкого, несколько прямодушного молодого человека. Вся беда в том, что Яша таким и был на самом деле. Вот, например, как поступил он, прочтя в вечерней газете следующую заметку.

Áîá ñëú - í à ðàçãðì àðàã!

Í ïñëíáñëãÿ àððàëü «Óëãñëì ïðì» (í ðàãññãàððàëü Á. Ñòáíáííá, òáðìë-áñëëë ðñëíáñëðàëü - ëíæáíáð Ç. Ëíáíáð) ïññëëà ïðëçáññãòáí ï ëññë çç áóì áæííë ï áññü äëÿ áíáëáñòíóð áíëóíá Ëðáññíë Áðìëë. Í ëññë, ïíëðóóá íñ áñòíëëëí áññíáíðñíëðááí ùì ëáëí, ïíóíæë íá ÿì áëëðññáííóá, áññáðæëáððò áññëçð òáí ïáððòóð, íá áñðòñÿ è íá ëññáðòñÿ. Í òëë-íúë ïíááðñë! Áíáðñí ñëíáñí ïñ ÿíóò áíëóü ðááíòíëëíá àððàëë!

Í ðñ-ëòáá ÿóó çàì àòëó, Òëíá Ëíáíáð - ññí çáëí áíá Ëíáíáðá - ïíóáë á ëíñòëòóò è ññáë «áðñíü».

- Óááá ðòí, æëòüíááñáëí? - ëðë-áë íòáá.

- Í ó, ïíáóì ááóñ! - ññ áÿëñÿ ññí. - Íáíëì ï àòáí àòëëíì ï áññóá, íáíëì ññááòíì áíëñóá..

- Á áñëë íáíëì ï áððáÿëíì áíëñóá? - áñá ñëëññ áá ëðë-áë íòáá.

À ññí áñá áññëáá ññ áÿëñÿ:

- ×òí òú? Ò áíëññòóë - ëðáë áññðÿò: ññ áñòëëáíë.

Ááçòá, ï ëññáóãÿ í çáëí áíá Ëíáíáðá - ëíæáíáð, óññòíëëáññ ðááëíë ð-áñòë - áá ïðñ-ëë òáëëíì, áëçð-áÿ ïáðáññáð.

Í òáá òíðæáñò áñíí áñòáë.

*- Βοά, á òÿææöφ ãæíó ááñòæé, éíãã ðíæíá í ðεçíááò ñíí íá ñáεõ..
- È ááðáíí-óáñòáíæé, ÷òí íéá-áò. - Βοά.. èí áíáí í àí ú... í àí ÿòúφ í àí ú...*

Ñúí ò èõí ñεáçæ:

*- Áí áñí í áðáçéá - òíεúéí ááíá ñáíúõ íá òðíó. Íæí óæðááò á
Í íáíñææðñé ñéíñòèòóóíí. Áðáñ é áæááò í εñé èç áóí áæííé í áñí.*

- Ðàçá áú ÿ í á õí ò æ, Βοά?..

*Í í ñíí óεá ñí óñæçñÿ í í éáñò í εõá áíáíεúí áñò áñò ááí íí ðáñ ááÿ í áñ φ,
éí ò í ðíé í áó-εéñÿ ááá áíáá í áçáá í á ñò ðñé ò áéúñò áá í áò ðñí í èè ò áí á:*

Í áéú-ééè áí, í áéú-ééè,

Í áéú-ééè-éáñòèéè.

Èòí í ñò ðñéé Í áò ðñí ðñé?

Í áí è áíéíñòèéè.

Í áí áéí ñíí í á ó-æ ñò áí áí è í ò óí áñéíá í í áñ áñò áá

Через пять дней он был отозван из пехотного училища и как специалист по связи отправлен на переподготовку в Архангельск.

III

От коменданта г. Москвы

Военным трибуналом за незаконное хранение оружия и хищения приговорены к высшей мере наказания – расстрелу Зохан М.К., Сергеев А.А., Ковалев Е.П. Приговор приведен в исполнение.

Александр Кириллович аккуратно сложил газету и отодвинул на край стола.

– Ну расстреляли и расстреляли... – Минюя бокалы, налил вино в железную, зеленого цвета кружку и выпил.

Раз Залман взялся – значит, сделает. На то он и Коднер, чтоб из таких дел выпутываться. За то и деньги получает. А другой и не сможет!.. В наличии – 1803, по ведомости – 3240...

– Твое здоровье, Залман!

Александр Кириллович снова выпил. Он сидел в темном своем подвале, то зажигая, то гася свечи, и ждал Коднера. Тот ушел накануне, забрав все ключи от склада и приказ, подписанный Александром Кирилловичем, по которому всем служащим предоставлялся отгул.

«С военным приемщиком не столкнешься – кому охота голову подставлять?.. А за такое... Ну, если бы сто пар... двести...»

В который раз принимался вычислять: 3240 минус 1803... То представлялось, как щедро наградит Коднера, – ничего не жалел... То – Коднер попался. Или, еще хуже, грузит со своими людьми оставшиеся штаны... И вот – трибунал... приговор в исполнение...

Александр Кириллович выпил. За дверью послышался шорох, и женский голос позвал его. Он только выругался.

– Александр Кириллович, – сказала женщина, – Фиалковы-то вчера съехали. Сам ко мне в дворницкую приходил. Сто рублей дал и карточку хлебную – береги, мол, добро, Люба. – Женщина засмеялась. – За книжки свои боится...

– Нищим буду! Последним нищим! – закричал Александр Кириллович. – Все берите! Ничего не хочу!

Приступ бескорыстия длился минут пятнадцать.

IV

Завладев ключами и распустив служащих, Залман Коднер провозился на складе ночь и утром вывез 183 пары штанов, оказавшихся лишними. К семи часам явились нанятые им люди, изображавшие заведующего и подсобный персонал, а уже в половине девятого на грузовом расхлябанном ЗИСе, у которого весело дребезжали передние стекла, подъехал военный приемщик.

По званию – младший лейтенант, только что из училища, и, казалось, более всего озабочен тем, как бы окружающие не приняли его за интенданта-тыловика. Он связист, на склад командирован по случаю. Могли бы другого послать, да сам напросился: три месяца в Москве не был.

Внимательно проглядывая ящик за ящиком, лейтенант прошел по всему фронту, восхитив служащих мгновением расчета:

– Всех ящиков – 15. В каждом по длине – 18 пар, по ширине – 12. Значит, 12 умножить на 18, умножить на 15 равно 3240. – Строго осведомился: – У вас сколько по ведомости?

– Столько и будет, – сказала толстая женщина, – 3240... Глазастый...

Лейтенанту была приятна похвала, исходившая от человека взрослого и опытного, и, показывая свои таланты, тут же, на глаз, определил площадь и объем каждого ящика, соразмерил с вместимостью кузова и скомандовал:

– Грузи!

Подписывая приемочный акт, старательно дул на перо, и губы деловито выпячивались.

– Может, чаю попьешь? – предложила женщина.

Но он спешил. Времени в обрез, а надо еще заскочить домой. На днях с трудом вырвался из Архангельска... Машина тронулась, стреляя из-под колес фонтанчиками снега. Толстая женщина долго махала лейтенанту.

Садовая застроена баррикадами. Свободен для проезда узкий ущельный коридор, ограниченный справа зеленым, а слева – красным огнем. Звеня стеклами, грузовик скользил меж двух этих огней.

Лейтенант жаловался, что ужасно зарастает, хоть каждый день скоблись – волос жесткий, тупая бритва не берет. А дома, в столе – отличные шведские лезвия, отцовские

запасы.

– И отца призвали... – сказал солдат, заранее уверенный в положительном ответе.

Лейтенант молчал.

– А отец-то кто? – спросил солдат.

Лейтенант с минуту подумал.

– Инженер.

Перед въездом в Георгиевский переулок, под аркой, болтался красный фонарь, и грузовик резко затормозил.

– Проезд закрыт, – объявил шофер.

Лейтенант выпрыгнул из кузова, едва не потеряв очки, и пошел по тропинке, протоптанной меж сугробами, сильно двигал правой рукой, левую упер в переносицу.

Когда отошел достаточно далеко, солдаты заулыбались.

Возвращался лейтенант медленно, оглядывался через шаг, так что шофер дважды, с вежливой требовательностью, просигналил. После гудков лейтенант припускался бегом и поддерживал дужку левой рукой. Но очень скоро переходил на шаг, опять озирался, и рука опускалась. Очки

прыгали.

– Не застал, – догадались солдаты.

Грузовик катился по мерзлой колее. Лейтенант показывал фотографию покойной матери, и солдаты, уйдя с головой в шинель, говорили:

– Молодая...

Хозяин провел гостя в комнату, где тлела красная нить электричества и, помогая ей, сияли свечи.

– Егор, мечи все на стол! – И быстро забежал от одного буфета к другому.

Старинные часы, выполненные в виде пещеры, из глубин которой посверкивает циферблат, а стук механизма сопровождает эхо, – «пещера» показывала четверть восьмого. Еще одни часы (тоже старинная и дорогая вещь, – их чуточку портил маятник, похожий на веревку, какой в уборной спускают воду) опережали «пещерное» время на пять минут. Были в комнате и третьи часы с ясно читаемой монограммой: ПРОФЪ. ФИАЛКОВЪ – часы-кузница: кузнец со щипцами, наковальня, маятник-молот...

– Что я нашел, Залман, не угадаешь. Альбом разыскал, дедушкой составленный... У нас – все по полочкам, а он – в простоте: вали до кучи, там разберемся.

На столе, действительно, лежал прямоугольный альбом в красном сафьяне, с золочеными застежками в форме дубовой ветки. Розетка и по-французски: souvenir.

11 ôâââëÿ 1844 ã

Î âñÿ ïî íâââ ãëÿâð,

Òèõî è òâîëî...

×òî æá ñââââ çàì èðââð,

×òî æ òâè òÿæâëî?

Í îâð ãâââ ãâââ ðîâââð

È ñèëü æé âîèèð...

Федот-конюх потерял два недоуздка с жеребят. Велел Егору, чтоб высек. После, сказывал Егор, он бранил меня в людской. Б-г с ним, я ему прощаю.

Âî è çà âîÿì è âââð,

Ñîèè è îî:è èââð,

À òîñèà âñâ ñ î îé,

Âñâ äâèæè î îé îîéîé!

14 февраля 1844 г.

Феофана Беспятова продал Николаю Аркадьевичу Дурново на своз. Давно надлежало разорить это осье гнездо. Егор сам свез Феофана в Глебовское. Оттуда отправят в Саратовскую вотчину. Слава Тебе, Г-споди!

Âùëî âðâî ÿ, – äââî î

*Í ðíëàò æí ííí, -
È ý âáíæ áúâæ,
È ý ãðý í á çíæ.
Êæ éó: ìéí óà, èãðéá
Êæ ñò ðý, ãáíðééá
В í á çí æ ì ðà: í úõ áí æ,
Ááçí ò ðàáí úõ í í: æ...*

В ночи Егор привел ко мне Наташку.

– Я уладил дело, Александр Кириллович, – сказал Коднер.

Но хозяин читал из альбома:

*À ò áí áðí! В ãðóí ó
Êæ ì íæéà, ì íë: á..
Áíðæ è í í ó æ í à È í áí á ðà
В í á âðð äðçýí,
Èõ ñéíáàì, èõ ñéáàì,
В ì í ò ðð í à è ð ä æ,
Êæ í à ðéíí úõ çáðæ!*

– Я сделал дело, – упрямо сказал Коднер.

– Залман! – крикнул хозяин. – Ты понимаешь, это писал мой дед. Я дергал его за бороду, когда был маленький... В ночи Егор привел Наташку... Даже Остоженки не оставили – Метростроевская! – Попятился и грузно поклонился, сияя лысиной. – Залман, я обязан тебе жизнью. – Стоял в поклоне, и шепот его, глухой и мягкий, шел из спины: В Тушино видели их танки. Они захватили Озерецкое. – И распрямился. – Ты спас весь наш род, Залман.

Они сидели за столом. Хозяин угощал, чаще подливая, чем подкладывая. Но гость пил мало.

– Да не бойся ты за своего Яшу! – успокаивал Александр Кириллович. – Сидит где-нибудь с друзьями... вот как мы с тобой...

Коднер молчал. Он несколько оживился к концу, когда заговорили о вознаграждении. Долго не хотел назвать сумму. Ссылался на войну, на всяческие расходы...

– Если я спас тебе жизнь, сам и назначь, сколько она стоит.

– Ты спас весь наш род, – торжественно заверил хозяин.

– Тем более... набавь за дедушку.

Но набавлять хозяин не спешил. Он в долгу не останется. Вдруг Залман не успеет уехать, застрянет в городе. Тогда пусть приходит сюда, на Большую Молчановку. Здесь его наде-о-ожно упрятут... И хозяин стал поносить немцев.

Выпили.

– Залман, – приставал хозяин, – как тебе удалось? Ну скажи – я набавлю.

Коднер посмеивался, уклончиво вертел головой.

– Скажи – в пять раз набавлю!

– Столько у тебя нет.

– Есть! – кричал хозяин. – В сто раз есть!.. Думаешь, я все тот же рубака-Сашка?.. Да я богаче тебя, понял! Я самый богатый человек в Москве! Пусть только они придут... самый богатый...

Он был совсем пьян.

VI

Война укоротила трамвайные маршруты – так близко подошла она к городу.

Залман Коднер ехал в трамвае.

Две девочки легко уместились на одной скамейке, и та, что сидела подле окна, говорила:

– Обыск был. Продуктов – прямо завались. Муки одной пять пудов, рису пуд...

– Девочка с таким жаром перечисляла чужие запасы, точно сама ими владела. – Масла пуд сливочного, сахару два пуда...

– А сахару – песку или рафинаду? – спросила подруга.

Коднеру захотелось сделать что-нибудь для этих девочек, но пока думал что, они уже вышли. На их месте сидел рабочий и спал. Голова моталась из стороны в сторону.

Старик читал вслух газету:

– Вчера немецко-фашистские полчища устремили свой удар на пункты И, К, Р. Кое-где им удалось несколько оттеснить советские войска.

Люди заспорили, какие пункты скрыты под буквами. Женщина в ватнике доказывала, что К – это Красково. Сама из Люберец, знает.

– Значит, Малаховку заняли? – испугалась женщина в шубе.

Рабочий проснулся и сердито сказал:

– Чего панику разводите?

И все замолчали.

Коднер знал, о каких пунктах идет речь в сообщении: Истра и Клин заняты немцами, а в Рогачево – бои. Видимо, сейчас, в эту минуту, немцы бегут по льду через канал, а в наших штабах отстукивают приказы: задержать... преградить... отбросить...

Старик читал газету:

– Зинаида Щеголихина заведовала магазином № 19 в Ростокино...

Это была та самая заметка, содержание которой пересказывала девочка у окна. Вагон ахал:

– На всю жизнь наворовала!

– Муки пять пудов!

– А масла сливочного сколько?

Коднер улыбнулся. Его всегда смешила людская способность завидовать запасам столь мизерным. Он присел напротив рабочего и заговорил:

– Это что! И не такие «жуки» есть!

Как обычно, сослался на хорошего знакомого, который принял склад с ватными штанами, и сторожиха этого склада рассказала ему...

– Ну вот, что бы ты сделал? – спрашивал Коднер рабочего. – У тебя полторы тысячи штанов, а нужно, чтоб было три. И сроку – одна ночь.

– Не знаю, – вяло сказал рабочий.

Коднер засмеялся.

– Штаны лежат впритирку, свернутые пополам. Приемщик считает сгибы. Сколько сгибов, столько штанов. Важны сгибы, а не штаны. Понял?

– Нет, – сказал рабочий.

Залман Коднер жалел этих людей. Их участь – работать по двенадцать часов. Он был терпелив с ними, снисходителен к неповоротливому разуму.

– Возьми в руки свои штаны, выровняй по складке, сверни, чтобы манжет был у пояса. С другой стороны будет тот самый сгиб. Теперь сложи пополам, у колена, каждую штанину. Два сгиба. Понял?

– Сволочь, – сказал рабочий. – Приемщика под расстрел подвел... Я бы таких сам душил.

Он тяжело приподнял руки, и пальцы его вошли в зацепление, как зубья шестерен.

– Кури, – сказал Коднер.

Рабочий сунул папиросу за ухо и вскоре уснул.

А Коднер все смотрел на черные его пальцы.

VII

...только разведывательному батальону 258-й пехотной дивизии удалось найти брешь в обороне русских. Он продвигался вперед в течение всей ночи и едва не достиг юго-западной окраины Москвы. В этом районе его атаковали свежие русские части.

Штрафников поднимали в атаку, и когда прозвучала команда, а за нею – свисток, Якова Коднера толкнул сосед:

– Идем, рыжий! – И закричал: Ура!

И Яков Коднер бежал за соседом, который каждый день пил свою и его водку и тоже кричал «ура!», и одновременно думал, почему назван рыжим. Потом он упал, так и не узнав, что оброс бородой, которая тонким серпом шла от уха к уху и сияла, как молодой месяц.

Яша погиб в тот день, когда родился. Ему исполнилось девятнадцать лет, и он был вдвое моложе своего отца.

Зетланд: свидетельство очевидца

Nië Áæëíó

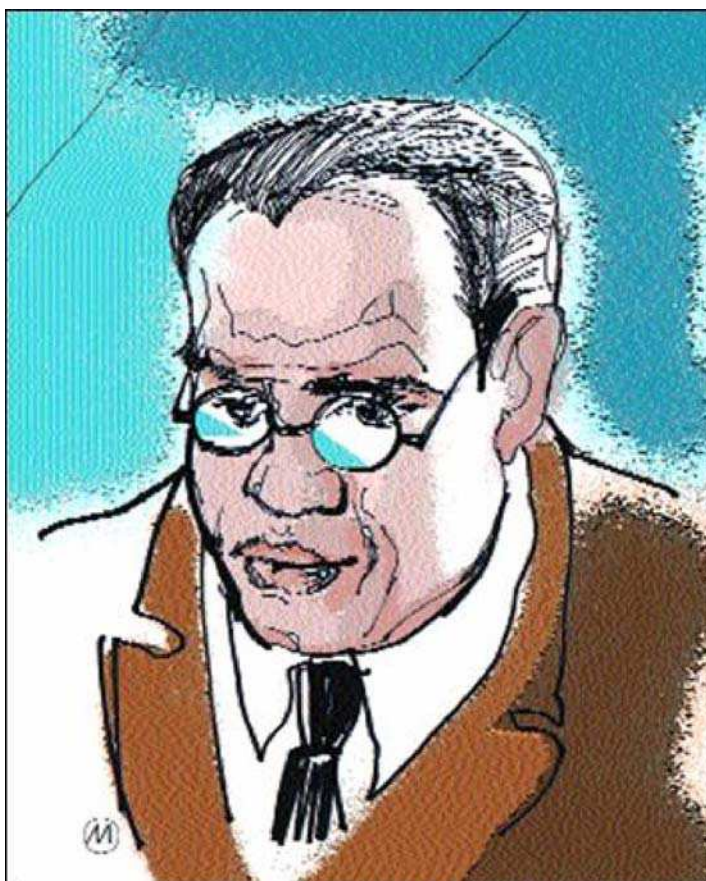
Danñeac «Çaðëáíá: ñæáàòæüñòáí í:áæäöà» - Nië Áæëíó íðáüíëáñë ðàçèòü äá á ðíí áí - àí àðëéáíñéíé éðëòééíé ñ:èòáàòññ ñáíáá ðíáá «ííðòðáòíí ðáíæíééà á ííëíáññòè». Íí ýòí íá áàòííðòðáò, á ííðòðáò ííëíáññ ðééáñíëíá éíòáæëéáñíòà 30-ò áíáíá ññ áñíí è çèçáñíí è íáòáíéé è èñëáíéé, íí íðë ýòíí íáèçí áííí ááðííá ñáá

Éàò çà ááááòáòü áí «Çaðëáíáá» Áæëíó íáíëñæ íááíëñóíá íðííçèòæüñíá èèðèçí à ýñíá í ñáíáí òí áðóáí áðóáí, èçáñíòííí ááðáéíëíí íëñáòáéá Áéçáéá Ðíçáíòáæüñá ×èòáàòü ýñíá, è ñòáííáèòññ ýñíí - òáé íííá á íáí ñáíáááíéé ñ ðáññëáçíí, - ðíí íðííáðáçíí Çaðëáíáá áúé Ðíçáíòáæüñá. È áóáñ ðíí áí íáíëñáí, ñáñíá íáíðééáýíííá è áááèéñòà Çaðëáíáá íáááðííá ííáòíðééá áñ ñáñíó Ðíçáíòáæüñá

Áíò èáé íèøàò Nië Áæëíó í ñáíáí áðóáí á ññòáæéáííé èí áíòíëíæé ááðáéíëíá ðáññëáçá (íí áèçð:èé á íáá íáðýáò ñí ðííëçáñíáí èýíí è Ááéíá, Ááááéý, Çéíááðà è áðóáéò íðííæáéáí íúò áàòíðíá ðáññëáç Ðíçáíòáæüñá «Óáðü Niëíí íí»1):

«Ni ññ áðóáí á 1956 ááó Áéçáéá Ðíçáíòáæüñá àí àðëéáíñéáý èèòáàòóðà èèøééáñíí íëñáòáéý éíëíñáéñíéé ðáíæíééáííé è éíòáæëéòáæüñíé ííùè. Íí áúé ñáí úí áéáñòýñíéí íðáñíòáæèòáéáí ñáíáá ííëíëáíéý. Ðíçáíòáæüñá ðíáééññ á 1918 ááó íá ñáñíí-çáíááá ×ééáñ, ó:ééññ á ×ééáñíëíí óíéááðñèòáòá, çáíëí áéññ òééíñòéáé è èèòáàòóðíé. Ni íá:áéà 40-ò æéé á Ííç-Éíðéá Éáéíá-òí áðáí ý áúé íáíëí èç ðáááèòíðíá “Ííç Ðéíááééé” è èèòáàòóðíí ðáááèòíðíí “Ííç Ééááð”. Íáíëñæ ðíí áí “Íòóáçá èç áíí á” è éíéáð ðáññëáçíá».

Íáííáðáí áííí ñ ðáññëáçíí í ú í óáéééóáí è ýñíá «Áéçáé Ðíçáíòáæüñá».

Да, я его знал. Мы вместе росли в Чикаго. Он был чудо что за парень. Мы подружились, когда и мне, и ему шел пятнадцатый год, – к этому времени он уже выяснил, откуда что пошло, и рассказывал – просить его было не нужно, – как началась жизнь на земле. У него выходило так: сначала земля являла собой расплавленную массу светящихся в пространстве элементов. Затем выпали горячие дожди. Образовались окутанные паром моря. Половину времени моря были азойскими, затем зародилась жизнь. Другими словами все началось с астрономии, за ней последовала геология, за ней – мало-помалу – биология, за биологией эволюция. Далее – предыстория, за ней история – эпос, эпические герои, великие эпохи, великие люди; затем эпохи помельче и люди помельче, ну а затем античность, евреи, Рим, феодализм, папство, ренессанс, рационализм, промышленная революция, наука, демократия и т.д. Все это Зет вычитал из книг в конце двадцатых на Среднем Западе. Башковитый малец. Своей начитанностью он располагал к себе. Светло-голубые глаза, зачастую красные от напряжения, заслоняли большие очки. Пухлые губы, крупные, редко расставленные, мальчишеские зубы. Рыжеватые, гладко зачесанные назад волосы открывали обширный лоб. Кожа на его круглом лице порой казалась слишком туго натянутой. Приземистый, коренастый, крепко сбитый, при этом вовсе не здоровяк. В семь лет он перенес разом перитонит и пневмонию, за ними потянулись плеврит, эмфизема и туберкулез. Зет выздоровел, но вечно недомогал. Кожа у него была капризная. Он не мог долго находиться на солнце. От солнца покрывался бурыми, расплывчатых очертаний пятнами, буровато-мраморными. Вследствие чего в солнечные дни постоянно задергивал занавески и читал при свете лампы. Но инвалидом он не был, отнюдь. И хотя на корт выходил лишь в пасмурные дни, хорошо играл в теннис, плавал брассом, рассчитанными движениями выкидывая по-лягушачьи руки и ноги и выпячивая нижнюю губу, – ну лягушка и лягушка. Играл на скрипке, бегло читал ноты.

В нашей округе жили по преимуществу поляки, украинцы, шведы, католики, православные и евангелисты. Евреи тут почти не селились, и порядки на улицах царили крутые. Улицы были застроены коттеджами и кирпичными домами на три квартиры. Черные ходы и террасы сооружали из занозистых серых досок. Из деревьев здесь росли тополя и ясени, из трав – ползучие сорняки, из кустарников – сирень, из цветов – подсолнухи и бегония. Пока ждешь трамвая, жара подтачивала, холод подкашивал. Семья Зета – его дубинноголовый отец и две тетki, старые девы, недипломированные сестры: они ухаживали за больными (по большей части, при последнем издыхании) на дому, – увлекалась русскими романами, идишскими стихами: была помешана на культуре. Из него сызмала выращивали интеллектуала. Уже в коротких штанишках он был маленьким Иммануилом Кантом. Меломаном (наподобие Фридриха Великого² или Эстергази³), остроумцем (наподобие Вольтера), сентиментальным до крайности (наподобие Руссо), богоотступником (наподобие Ницше), исповедующим культ добра и любви (наподобие Толстого). Серьезным (что предвещало – с годами он станет таким же угрюмым, как его отец) и притом проказливым. Он не только штудировал Юма и Канта, но и открыл для себя дадаизм и сюрреализм еще в ту пору, когда у него ломался голос. Хулиганский проект покрыть великие парижские памятники чехлами матрасного тика пришелся ему по вкусу. Он витийствовал о значении возвышенного шутства. Достоевский, поучал он меня, понимал все. Интеллектуал (мелкий буржуа, плебей) страдает манией величия. Ютясь в конуре, Зет обнимал мыслью вселенную. Чем и объяснялась его нелепая маята. Тут уместно вспомнить Ницше и его *gai savoir*⁴. И Гейне, и «Небесного Аристофана»⁵. Ничего не скажешь, Зет был малый нахватанный.

Достать книгу в Чикаго труда не составляло. В двадцатые годы публичная библиотека открыла множество читален – они помещались вдоль трамвайных линий. Летом, расположась в жестких креслах под пощелкивающими лопастями гуттаперчевых вентиляторов, мальчишки и девчонки читали запоем. Малиновые, брюхастые, как коровы, трамваи покачивались на рельсах. В 1929 году страну постиг крах. На лагуне общественного пользования мы гребли, зачитывая друг друга Китсом, наши весла тем временем опутывали водоросли. Чикаго ухнул в пустоту. Потерял связь с чем бы то ни было. Болтался в американском пространстве. Стал всего лишь пунктом прибытия поездов, приема почтовой корреспонденции. Но на лоне лагуны, где лавировали лодки, где и вода, и небо прозрачно зеленели, ясно голубели, – тягостная мощь огромного промышленного центра была скована (не дымили трубы, остановились фабрики: благодаря производственному кризису, воздух очистился), – Зет читал: «...Во сне вкусить пленительных услад...»⁶. Польские сорванцы швыряли в нас камнями и падалицей.

Он осваивал французский, немецкий, математику и музыку. У себя в комнате поставил бюст Бетховена, повесил литографию Шуберта (в таких же круглых очечках, как у него самого) за пианино в окружении расчувствовавшихся друзей. Занавески задергивал, зажигал лампу. По проулкам трусили клячи коробейников – на них надевали соломенные шляпы, чтобы оградить от солнечного удара. А вот Зет оградил себя от прерий, от торговли недвижимостью, от делового и трудового Чикаго. Корпел над Кантом. Не менее вдумчиво он вчитывался в Бретона⁷ и Тристана Тцару⁸. Цитировал «Как апельсин, земля синя». И предлагал всевозможные темы для дискуссий. Неужто Ленин и впрямь ожидал, что в большевистской партии будет соблюдаться принцип демократического централизма? Так ли неопровержимы доводы Дьюи⁹ в «Природе и поведении человека»? Есть ли будущее у фигуративной живописи? Во что выльется примитивизм в искусстве?

Зет и сам писал сюрреалистические стихи – такие:

Лиловые губы впивают зелень

дремотных холмов.

или такие:

Взмыленные равнины скребут

электрических рыб!

Квартира Зетландов, просторная, неудобная, была обставлена в типичном для двадцатых годов нагоняющем мраке стиле. Встроенные буфеты и стенные посудные шкафы, в столовой – панели, увешанные голландскими блюдами, газовая горелка в форме полена в камине, над каминной полкой – два малюсеньких окошечка с цветными стеклами. Граммофон играл «Кэли, Кэли»¹⁰, сюиту из «Пер Гюнта»¹¹. Шаляпин пел «Блоху», Галли-Курчи¹² – арию с колокольчиками из «Лакме»¹³, имелись и пластинки с русскими солдатскими хорами. Сумрачный Зетланд давал своей семье, как он говорил, «все». Старший Зетланд был эмигрант. Наверх карабкался медленно. Осваивал торговлю яйцами на птичьем рынке, что на Фултон-стрит. Пробился в помощники закупщика в большом центральном универмаге: импортные сыры, чешская ветчина, английское печенье и джемы – деликатесы. Сложен он был, как футбольный защитник, посередине подбородка – заросшее черной щетиной углубление, рот – от уха до уха. И пока заставишь этот рот с его вечно недовольным выражением растянуться в улыбке, с тебя семь потов сойдет. А недоволен он был потому, что знал жизнь. Его первая жена, мать Элайаса, умерла в эпидемию испанки в 1918 году. Вторая миссис Зетланд родила ему слабоумную дочь. И умерла от рака мозга. Его третья жена, двоюродная сестра второй, была сильно его моложе. Он вывез ее из Нью-Йорка; она работала на 7-й авеню: была дама с прошлым. Из-за этого прошлого Макс Зетланд бешено ее ревновал, закатывал чудовищные скандалы, бил посуду и дико орал. «Des histoires»¹⁴, – говорил Зет – он практиковался во французском. Макс Зетланд был мужчина кряжистый, весил килограммов сто, но скандалить скандалил, а рук не распускал. И наутро стоял, как обычно, в ванной перед зеркалом – брился трудоемким латунным станком фирмы Жилетт, наводил лоск на исполненное укоризны лицо, приглаживал волосы парой жестких щеток, как положено американскому служащему. После чего пил чай на русский манер – в прикуску, проглядывал «Трибюн»¹⁵ и отправлялся на работу в «Петле», более или менее в «ordnunge»¹⁶. День как день. Спускаясь по черному ходу – так путь к надземке был короче, он неизменно заглядывал в окно первого этажа: там в кухне сидели его ортодоксальные родители. Дед опрыскивал из ингалятора обросший бородой рот – у него была астма. Бабка варила цукаты из апельсиновых корок. Корки всю зиму сушились на батареях парового отопления. Цукаты хранились в коробках от обуви и подавались к чаю.

В вагоне надземки Макс Зетланд, слюня палец, переворачивал страницы объемистой газеты. Рельсы пролегали высоко над кирпичными домишками. Надземка казалась мостом избранных, вознесшимся над обреченными на вечные муки трущобами. Тут в тесных коттеджах жизнь поляков, шведов, ирландцев, пуэрториканцев, греков и негров текла среди пьянства, азартных игр, насилия, блуда, сифилиса, косящей направо и налево смерти и тому подобных нелепых драм. Макс Зетланду незачем было на них смотреть: он мог прочесть о них в «Трибюн».

В вагончиках были желтые плетеные сиденья. Выходили из них через открывавшиеся вручную гнутые металлические дверцы по пояс высотой. Платформы надземки накрывали пагодообразные крыши белой жести. На каждой ступеньке длинной лестницы красовалась реклама овощной смеси Лидии Пинкэм. От нехватки железа

девичьи щеки бледнеют. У Макса Зетланда и у самого лица было бледное, ни кровинки, язык этот кряж имел желчный, однако во дворце торговли на Уобаш-авеню держался вполне обходительно, обязанности свои выполнял неукоснительно, разговаривая по телефону, за словом в карман не лез, говорил свободно, если не считать кое-каких характерных для русских недостатков приношения, зычно рокотал, склад ума у него был фактический, систематический, он запоминал и цены, и контракты. Стоя у конторки, курил, глубоко затягиваясь. Дым выпускал из ноздрей мало-помалу, тонкими струйками. Пригнув голову,

оглядывал комнату. С неистребимым еврейским высокомерием осуждал леность и безмозглость играющего в гольф гоя – он мог позволить себе разгуливать в бриджах по площадке для гольфа, мог не заботиться о том, какое впечатление производит, не копил втайне ярость, не женился на похотливых нью-йоркских бабенках, не воспитывал слабоумных сирот, не жил в обители смерти.

Покрой пиджака скрадывал тугое пузо Макса Зетланда, брючины обрисовывали крепкие мускулистые икры, дым задерживал нос, своей ярости он не давал выхода в словах: ничего не попишешь, в деловом мире надо быть покладистым. Он служил в большой организации розничной торговли, а значит, ладил с людьми.

Как у брахицефала, череп у него был плосковатый. Зато широкое лицо, ярко выраженное мужское. Голову он всегда держал прямо. Волосы разделял посередине пробором и приглаживал. Передние зубы у него были редкие – и у Зета такие же. Лишь углубление на подбородке, которое не удавалось пробрить, вызывало жалость, эту черточку, выдающую незащищенность Макса Зетланада, опровергала свойственная русским военным тучность, отрывистая манера курить, лихой жест, каким он опрокидывал рюмку водки. В кругу друзей сын именовал его не иначе, как прозвищами – и каких только прозвищ он ему ни давал. Генерал, Комиссар, Иосифович, Озимандия¹⁷. «Я – Озимандия, я мощный царь царей! Взгляните на мои великие деянья, Владыки всех времен, всех стран и всех морей! Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...»

Перед тем как жениться в третий раз, вдовевший Озимандия, возвращаясь домой из «Петли», привозил «Ивнинг Америкэн» – его печатали на персикового цвета бумаге. Перед обедом опрокидывал стакашек виски и шел проведать дочь. Возможно, она и не была слабоумной, просто развитие ее задержалось, и со временем она могла бы выровняться. Его просвещенный сын пытался втолковать отцу, что Казанова до восьми лет страдал гидроцефалией и считался идиотом, а Эйнштейн – отсталым ребенком. Макс надеялся, что ее смогут обучить шитью. Начал он с того, что стал приучать ее вести себя за столом. Семейные трапезы на какое-то время превратились в пытку для всех. Обучить ее не представлялось возможным. Семейная физиономия у нее ужалась, сплюснулась до кошачьей морды. Она заикалась, спотыкалась, ноги у нее были длинные, но держали ее плохо. Она задирала юбку на людях, мочилась, не закрывая дверь уборной. В девочке вышли наружу все родовые изъяны. Родственники их жалели, Макс в сочувствии теток и братьев улавливал ноту превосходства: их-то, слава Б-гу, пронесло. Глядя прямо перед собой и сжимая узкие губы, он отвергал их соболезнования. Когда они выражали сочувствие, он, похоже, обдумывал, как бы их получше прикончить.

Папаша Зетланд читал стихи на русском и на идише. Предпочитал общество музыкантов, художников, швейников богемного настроения, толстовцев, последователей Эммы Гольдман¹⁸ и Айседоры Дункан, революционеров в пенсне и косоворотках, носивших бородки на манер Ленина или Троцкого. Он посещал лекции, дискуссии, концерты и чтения; утописты его забавляли; умников он почитал; чокнулся на настоящей культуре. В те дни в Чикаго она была доступна.

Напротив Гумбольдт-парка на Калифорния-авеню проводили дискуссии чикагские анархисты и уоббли¹⁹. Скандинавы завели братские ложи, церкви, танцзалы; галицийские евреи – синагогу; «Дочери Сиона» – бесплатный дневной детский сад. После 1929 года все мелкие банки по Дивижен-стрит разорились. Один приспособили под рыбную лавку. Банковский мрамор пошел на садок для живого карпа. Хранилище стало ледником. Кинотеатр превратился в ритуальный зал. По соседству над чахлыми сорняками вознесся красный гараж. Вегетарианцы выставили в окне толстовского вегетарианского ресторана потрясающую фотографию графа Толстого. Одна борода чего стоит, а глаза, а нос! Великие люди отвергали банальность всего обычного, лишь только человеческого, включая и то, что было лишь только человеческим в них самих. Что такое нос? Хрящ. Борода? Целлюлоза. Граф? Член касты, продукт многовекового гнета. Только в любви, природе, Б-ге есть добро и величие.

В стопроцентно промышленном современном Чикаго, где не было и намека на красоту, где плоскость земли смыкалась с плоскостью пресных вод, умственные парнишки вроде Зета, хоть и не то чтобы были не от мира сего, земными явлениями интересовались мало. Никто не брал Зета на рыбалку. Не водил в лес, не учил стрелять, чистить карбюратор, хотя бы – на худой конец – играть на бильярде или танцевать. Зет с головой ушел в книги – астрономию, географию и т.д. Сначала раскаленная масса элементов, затем безжизненные моря, затем бескостные твари, выползающие на берег, простые формы жизни, более сложные формы и т.д.; затем Греция, затем Рим, затем арабская алгебра, затем история, поэзия, философия, живопись. Он еще ходил в коротких штанишках, а соседи уже приглашали его выступать на семинарах с сообщениями об *ilap vita*²⁰, о различиях между Кантом и Гегелем. Он был профессорского, германского замеса, словом *Wunderkind*²¹, тайное оружие Макса Зетланда. Старший Зетланд стал бы опорой семьи, младший Зетланд – ее гением.

– Он хотел, чтобы из меня вышел Джон Стюарт Милль²², – рассказывал Зет, – а нет, так заморыш Ицкович, дитя-феномен – в восемь лет знаток греческого и дифференциального исчисления, чтоб ему пусто было!

Зет считал, что у него отняли детство, отобрали святое право ангельской души. Он верил во всю эту древнюю белиберду о детских страданиях, утраченном рае, муках невинности. Почему он болезненный, почему подслеповатый, почему у него – землистый цвет лица? Почему угрюмый старший Зет хотел, чтобы он был мозговитым мозгляком? Он связал его по рукам и по ногам своим укоризненным, угнетающим молчанием, он требовал, чтобы Зет поразил мир. И никогда – ну ни разу – ни за что его не похвалил.

Следующей стадией развития человечества, если хотите, предначертанной ему историей, было появление интеллектуалов. Теперь, когда массы пристрастились читать, мы, как считал Зет, разбрелись кто куда. Ранние периоды такого интеллектуального развития неизбежно порождают смуту, преступления, безумие. Не об этом ли, вопрошал Зет, написаны такие книги, как «Братья Карамазовы», – не о распаде ли, к которому приводит рационализм в феодальной, крестьянской России? Об отцеубийстве как первом результате революции? О противостоянии условиям современной жизни и современным

веяниям? О наводящей ужас борьбе греха и свободы? О мегаломании первооткрывателей? Быть интеллектуалом означает быть выскочкой. Выскочкам предстояло изжить изначальные необузданные порывы с их безумной низостью, переродиться, стать бескорыстными. Полюбить истину. Дорасти до величия.

Само собой разумеется, Зетланда послали в колледж. Колледж принял его с распростертыми объятиями. Он получал призы за стихи, побеждал на конкурсах эссе. Стал членом литературного общества, кружка по изучению марксизма. Считал вслед за Троцким, что Сталин предал октябрьскую революцию. Вступил в молодежную организацию «Спартак»²³, но последовательным революционером не стал. Изучал логику по Карнапу²⁴, позже по Бертану Расселу²⁵ и Моррису Р. Коэну²⁶.

Вследствие чего – и ничего лучше выдумать не мог – уехал из дому, снимал меблированные комнаты, чем грязнее, тем лучше. Лучшей из них был беленый бункер на Вудлон-авеню – раньше туда ссыпали уголь. Сквозь беленые доски просачивалась угольная пыль: в примыкающем к комнате сарае все еще хранили уголь. Окна в комнате не имелось. Бетонный пол прикрывал расползающийся лоскутный коврик. Зету предоставили колченогий, прожженный сигаретами библиотечный стол и торшер без абажура. Над его койкой висели счетчики всех квартир. Платил он за квартиру два с половиной доллара в неделю. Веселье в доме било ключом – здесь жили представители богемы, европейцы. И, что лучше всего, русские! Домовладелец Перчик утверждал, что служил егерем у великого князя Кирилла. Когда началась русско-японская война, Перчик оставался на Камчатке, и чтобы возвратиться в Россию, ему пришлось протопать через всю Сибирь. С Перчиком Зет разговаривал по-русски. Перчик – ему было сто лет в обед – носил жиденькую бороденку, очки с перекрученными дужками. На задворках Перчик возвел домик из лимонадных бутылок, которые собирал на помойках и свозил домой на санках. Тряпье и мусор сжигали в топке, сквозь колосники пробивался дым. Домовладелец выводил фальцетом народные песни и псалмы. Ничего лучше, чем здешний дом, и впрямь представить себе нельзя. Шум-гам, грязь, безалаберность, вольность нравов – здесь можно было ночи напролет точить лясы и спать допоздна. Где же, как не здесь – мыслить, переживать, воспарять душой. На радостях Зет потешал дом Перчика – разыгрывал шарады, произносил речи, сыпал шутками, пел. Изображал каток для белья, табельные часы, трактор, телескоп. Исполнял «Дон Жуана» – пел все партии, для каких бы голосов они ни предназначались – «Non sperar, se non m'uccidi... Donna folle, indarno gridi»²⁷. Под речитативы дребезжал клавесином, когда душа командора оставляла тело, рыдал гобоем. Затем – без передыха – изображал Сталина, обращающегося с речью к съезду, или, перейдя на немецкий, коммивояжера, всучивающего щетки домохозяйке, или командира подлодки, отдающего приказ потопить *amerikanische*²⁸ пароход. Зет был всеобщей палочкой-выручалочкой в житейских делах. Помогал при переездах. Нянчил детей женатых аспирантов. Стряпал для больных. Присматривал за собаками и кошками в отсутствие хозяев, в непогоду покупал старушкам своего дома продукты. В эту пору он был чем-то средним между раскормленным мальчуганом и подслеповатым юношей со странными взглядами и диковинными побуждениями. Исполненный любви, францисканец по сути своей, святая простота, добыча для любого прохвоста. Сама невинность... В девятнадцать он сильно смахивал на диккенсовского добряка. Если ему удавалось заработать какие-то деньги мытьем полов в больнице Биллингса, он делился ими с пациентами: покупал им сигареты и бутерброды, давал деньги на проезд, провожал их в Мидуэй²⁹. Душу его трогали страдания, – а также приметы страданий и нищеты: когда он входил в убогую лавчонку, на глаза его наворачивались слезы. Сморщенная картошка, проросший лук, жалкое лицо хозяина лавки – все причиняло ему боль. У кошки случился выкидыш – он обливался слезами: ведь кошка мучилась. Я выбросил мертворожденных котят в загаженный подвальный сортир. Вышел из себя: он довел меня

своим нытьем. Играешь на чужих чувствах, сказал я. Он предостерег меня: нельзя быть таким жестокосердым. Я сказал, что он склонен все доводить до абсурда. Он обвинил меня в бесчувствии. Необычный для подростков спор. Видимо, в кризис притягательная сила американизации ослабла. Мы сорвались с крючка и ухватились за возможность не тшиться стать американцами на все сто процентов. Мы были комичной парой университетских умников, которые и повздорить не могут без того, чтобы не сразить друг друга цитаткой из Уильяма Джеймса³⁰ и Карла Маркса, или Вилье де Лиль-Адана,³¹ или Уайтхеда³². Мы решили, что являем собой джеймсовские типы – тонкокожего и толстокожего соответственно. Меж тем, Джеймс сказал: самому толстокожему не вынести, если сообщить ему, что случилось в городе за один день. Быть настолько толстокожим, насколько требует жизнь, никому не под силу.

– Если ты не остережешься, сострадание тебя оставит, – сказал Зет.

Вот так он изъяснялся. Неизменно изысканно. Б-г весть, откуда он почерпнул этот аристократический стиль – от лорда Бэкона³³, не иначе, а также от Юма³⁴, ну и чуточку от Сантаяны³⁵. В беленом подвале он вел с друзьями диспуты. Языком чистым и музыкальным.

Так ведь он и был музыкальным. Куда бы он ни шел, он разучивал то концерт Гайдна, то Бородина, то Прокофьева. В глухо застегнутом пальто, с портфелем под мышкой, он во время скрипичных пауз сжимал пальцы в подбитых пухом перчатках, выдувал музыку горлом, щеками. В прекрасном расположении духа, но с отнюдь не прекрасным – ни дать ни взять пожелтевший виноград – цветом лица, грудными звуками он изображал партию виолончели, носовыми – партию скрипок. Деревья стояли на расчищенном метлой, перемешанном с пылью снегу, их корни, вросшие – не вырвать – в землю под мостовой, питала просачивающаяся из сточных труб вода. У Зетланда и белок перед деревьями было преимущество – свобода передвижения.

Когда он переступил порог Кобб-холла³⁶, его обдало жаром. Кобб-холл был выдержан в излюбленных баптистами коричневатых тонах, строгий, навощенный – чем не старая церковь. В здании было натоплено, жар опухнул его лицо. Щеки вспыхнули. Очки запотели. Он оборвал медлительную мелодию бородинского квартета и вздохнул. После чего переменил выражение лица с музыкального на интеллектуальное. Приготовился отдать всего себя семиотике, символической логике – читатель Тарского³⁷, Карнапа, Фейгля³⁸ и Дьюи. Рыхлый молодой человек с нездоровым цветом лица, рыжеватыми с зеленым отливом, гладко зачесанными волосами, он сел на жесткий семинарский стул, вытащил пачку сигарет. Вечно играя роли, здесь он играл Головастика. Среди щербатого Кожа-да-кости Джона в рваном свитере, Тисевича с кустистыми бровями, Смуглой Салли – прехорошенькой, квелой, бледной барышни, рыжухи и тяжелой заики мисс Крехаян он стал ведущим логическим позитивистом.

Ненадолго. Не было такой области умственной деятельности, которая была бы ему не по зубам, но посвятить жизнь логике он не хотел. Рациональный анализ, однако, его привлекал. Эмоциональные борения человечества ничем не разрешались. Все то же повторялось в повседневной жизни снова и снова со страстью, со страстной дуростью, совсем как у насекомых, – порыв, напор, желание, самосохранение, самовозвеличивание, поиски счастья, поиски самооправдания, опыт прихода в жизнь, опыт ухода из жизни – из небытия в небытие. Скука-то какая. Ужас-то какой. Обреченность. Так вот, математическая логика может освободить от бессмысленности существования.

– Послушай, – сказал Зет – он сидел на обшарпанном стуле стиля «Баухауз»³⁹, сползшие очки укорачивали его и без того короткий нос. – Так как суждения или верны или неверны, значит, что есть, то и есть верно. Лейбниц⁴⁰ был не дурак. При условии, что ты и впрямь знаешь: то, что есть, и впрямь есть. И тем не менее я еще не пришел, как полагалось бы истинному позитивисту, к окончательному выводу относительно религии.

И тут-то во всем придавленном нуждой, сине-зимнем, буро-сумеречном, хрустально-морозном Чикаго смолкли фабричные гудки. Пять часов. Мышино-серый снег, хибаристые коттеджи, раскаленная чуть не докрасна топка. Перчик, шурующийся лопатой в угольном бункере. Рев радиоголосов прорывался через все этажи вниз, к нам в подвал. Аншлюс⁴¹ – Шушниг⁴², Гитлер. В Вене было так же холодно, как в Чикаго; но куда страшнее.

– Меня ждет Лотти, – сказал Зет.

Лотти была премиленькая. Была она на свой манер и артистичная – душа компании, языческая красотка с розой в зубах. Сама острая на язык, она и молодых людей предпочитала занятных. Лотти навевалась в угольный бункер. Зет оставался ночевать у нее. Они вместе подыскали полуподвал, обставили его – дубовый стол, обитая розовым плюшем рухлядь. Завели кошек, собак, белку и ручную ворону. После их первой ссоры Лотти намазала себе груди медом – в знак примирения. А перед окончанием университета одолжила машину – они поехали в Мичиган-сити и там поженились. Зет получил стипендию на философском факультете Колумбийского университета. Свадьбу и отвальную устроили на Кимбарк-авеню, в старой квартире. Разлучась на пять минут, Зет и Лотти мчались по коридору навстречу друг другу и, дрожа, обнимались и целовались.

– Милый, ты куда-то исчез!

– Любимая, я с тобой. И буду с тобой всегда-всегда!

Молодая пара из захолустья перебирала через край, выставляя свою любовь напоказ. Но не все сводилось к показухе. Они обожали друг друга. Сверх того, они уже целый год прожили как муж и жена, со всеми своими собаками и кошками, птичками и рыбками, комнатными цветами, скрипками и книжками. Зет бесподобно подражал животным. Умывался как кошка, выкусывал блох на брюхе, как собака, разевал рот, как золотая рыбка, помахивая пальцами наподобие плавников. На пасху они пошли в православную церковь – там Зет преклонял колена и осенял себя крестом по-православному. Шарлотта, когда он играл на скрипке, кивала головой в такт, разве что чуть запаздывая – движимый любовью метроном. Зет вечно разыгрывал какую-то роль, да и Лотти любила себя показать. Очевидно, люди не могут не комедиантствовать, говорил Зет. Покуда ты знаешь, где твоя душа, представляйся ты хоть Сократом, вреда тут нет. А вот если души нет как нет, такая комедия ведет к отчаянию.

Итак, Зет и Лотти не просто – подумаешь, большое дело – поженились, а брак их оказался на редкость счастливым. Зет получил в жены не бедную македонскую девушку, чья мамаша, недавняя эмигрантка, пыталась известить его, бормоча себе под нос заговоры и заклинания, а отец точил ножи-ножницы, исхаживая из конца в конец закоулки и названивая в ручной колокольчик, а das Ewig-Weibliche⁴³ – природную, всеохватную, упоительную силу. Что касается Лотти, то она говорила:

– Второго такого, как Зет, нет в целом мире. – И добавляла: Во всех отношениях. – Потом, понизив голос с дурашливым дитриховского типа шармом и чикагского пошиба нахальством, говорила: Я ведь, чтоб вы знали, повидала виды.

Впрочем, все и так все знали. До Зета она жила с неким Гурамом, психологом-педагогом, который носил усы, скрывающие оперированную заячью губу. А до Гурама с кем-то еще. Но теперь она была женой, и супружеская любовь била из нее через край. Она наглаживала Зету рубашки, намазывала маслом тосты, прикуривала сигареты, пожирала его глазами, что твоя испанская дева, – и при этом вся лучилась. Одних такое умиление и Schwdrnerei⁴⁴ потешали. Других раздражали. Отца Зета – бесили.

Парочка отправилась в Нью-Йорк с вокзала «Ла Салль». Вокзал казался допотопным, ископаемым. К стеклянной, запорошенной сажей крыше вздымался дым. На Ван Бурен-стрит, улице ссудных касс, магазинчиков, торгующих излишками военного обмундирования и дешевых парикмахерских, подрагивали столбы надземки. Красная шапка подхватила их чемоданы. Зет обратил внимание Озимандии на то, как царственно держатся чернокожие носильщики. Приплелись и тетки. До них не доходила суть странных соображений Зета о черном вокзале, черных красных шапках и их величавой африканской повадке. Во взглядах, которыми обменивались старые девы, можно было прочесть, что Элайас, бедняжка, несет Б-г знает что. И виновата в этом Лотти, кто же еще. Зет был взвинчен: он начинал новую жизнь, женился, получил стипендию Колумбийского университета, а вот поди ж ты – отцовская мрачность действовала на него заразительно, подавляла. Зет отрастил пышные темные усы. Большие, мальчишеские, редко расставленные зубы плохо сочетались с этими взрослыми усами. Приземистый, грудь колесом, только что не грузный, он был копией своего отца, лишь более низкорослой. Но Озимандия держался молодцевато, на манер русских военных. Он не считал нужным ухмыляться, увиливать, метаться из стороны в сторону, обезьянничать. Держался осанисто. Лотти осыпала всех ласковыми словами. На ней было платье цвета перванш, тюрбан и туфли на высоких каблуках того же цвета. И как ни лязгали, ни пыхтели поезда, им было не заглушить быстрого перестука лоттиных броских каблуков. Озимандия, ничего не говоря, сурово поглядывал на ее восточного разреза глаза, на потешный крестьянский нос, на ласкающую взгляд грудь, на гладкий искусительных очертаний зад, к которому Зет то и дело тянул руку. Лотти называла Озимандию папой. Он выпускал сигаретный дым сквозь зубы с выражением, которое сходило за улыбку. Ничего не скажешь, он ухитрился от начала и до конца проводов выглядеть благожелательно. Македонские родичи, те вовсе не явились. Поехали в трамвае и застряли в пробке.

В этот печальный, торжественный день Озимандия держал себя в руках. И выглядел, невзирая на широкополую соломенную шляпу с бело-красно-синей лентой, европейцем. Закупщик центрального универмага, напрактиковавшийся в лицемерии, он смирил сердечную смуту, упер подбородок с черной выемкой в грудь, сдерживая бешенство. Он – пусть и на время – терял сына. Лотти расцеловала свекра. Расцеловала теток, двух недипломированных сестер, читавших Романа Роллана и Уорика Дипинга⁴⁵ обок с инвалидным креслом и смертным одром. Лотти, по их мнению, следовало бы тщательнее соблюдать женскую гигиену. Тетя Маша считала, что от Лотти пахнет селедкой по причине дисменореи. Не знавшей мужчин тете Маше было невдомек, что

такой запах исходит от женщины, имевшей в жару близость с мужчиной. Молодая пара не упускала случая влить силы друг в друга.

Вслед за братом тетки в свою очередь сделали вид, будто целуют Лотти нецелованными губами. Лотти на радостях расплакалась. Они уезжали из Чикаго – а скучнее нет места в мире – подальше от хмурого Озимандии, от ее колдуньи-матери, от папаша, бедного точильщика. Она вышла замуж за Зета, Зета, который был и умнее и обаятельнее всех-всех.

– Папа! До свидания! – Зет прочувствованно обнял своего твердокаменного папашу.

– Веди себя как следует. Учись. Постарайся, чтобы из тебя что-то вышло. Попадешь в передрыгу – телеграфируй: пришлю деньги.

– Папа, милый, я тебя люблю. Маша, Дуня, я вас люблю, вас тоже, – лицо Лотти покраснелось от слез. Рыдая, она обцеловывала родственников. Затем, молодые, уже маша из окна вагона провожающим, обнялись и поезд тронулся.

Когда «Пейсмейкер»⁴⁶ отъехал, папаша Зетланд погрозил последнему вагону кулаком. Затопал ногами. Вслед Лотти, погубительнице его сына, он кричал:

– Ну погоди! Я до тебя доберусь – через пять, через десять лет, но доберусь. – Кричал: Ты, сука, п...а.

В ярости у него сильнее проступал русский акцент.

Когда «Пейсмейкер» мчал на рассвете вдоль Гудзона, у Зета и Лотти было ощущение, что они спускаются в Нью-Йорк с небес. Сначала уйма голубых ветвей, клонящихся к воде, затем розовое зарево, затем блеск тяжелого серебра реки под утренним солнцем. Они сидели в вагоне-ресторане, глаза у них слипались. Сникли после рваного сна в сидячем вагоне и были ошеломлены. Пили кофе из тяжелых, будто из мыльного камня, чашек: его разливали из оловянного – стандартной утвари Нью-Йоркской центральной железной дороги – кофейника. Они на Западе, где все лучше, все-все другое. Здесь в самом воздухе разлиты более глубокие смыслы.

В Хармоне они пересели на электричку, поезд надал, его бег стал стремительнее, нетерпеливее. Деревья, вода, небо во всю его ширь и небо в квадрате окна – уносились уплывая, и перед ними замелькали мосты, строения и, наконец, туннель – пневматические тормоза пыхнули и дизель замедлил ход. Затянутые провололочной сеткой желтые лампочки, воздух подземелья, просачивающийся сквозь вентиляционные отдушины. Двери открылись, пассажиры, оправляя платье, вытекли из дверей вагона, получили багаж, и Зет и Лотти, беженцы из серого, зашоренного Чикаго, из Пустопорожья, доехав до 42-й улицы, бросились друг другу в объятия прямо на обочине и целовались-целовались. Они приехали в Город Мира, где каждый шаг имеет большее значение и больший резонанс, где можно, ни в чем себя не стесняя, быть самим собой и выкаблучиваться как хочешь. Ни ум, ни искусство, ни все хоть как угодно необычное, здесь не нуждается в оправдании. Здесь любой таксист тебя поймет, считал Зет.

– Милая, милая, слава Тебе, Г-споди! – сказал Зет. – Наконец-то мы в городе, где чувствовать себя человеком – норма.

– Ох, Зет, аминь! – сказала Лотти, трепеща и заливаясь слезами.

Поначалу они жили далеко от центра, в Вестсайде. По сбегающему вниз Бродвею в ту пору еще бегали громыхающие трамваи. Лотти остановила свой выбор на комнате – хозяева аттестовали ее как ателье – на задах одного из особняков. У них была мастерская – она служила и спальней, и ванная – она же и кухня. Ванна, если прикрыть ее тяжелой, гладко оструганной доской, превращалась в кухонный стол. Прямо из ванны можно было дотянуться до газовой горелки. Зету это нравилось. До чего же здорово жарить яичницу, сидя в ванне! Слушать скорбную мелодию канализационных труб, попивая кофе, а нет, так смотреть, как по кухонным полкам снуют тараканы. У тостера заедало пружину. Он вышвыривал хлеб. Порой вместе с хлебом из тостера вылетал и поджаренный таракан. Потолки были высокие. Дневной свет в комнату почти не проникал. Камин был облицован мелким изразцом. С Бродвея притаскивался упаковочный ящик из-под яблок, в камине разводился огонь – он горел минут десять, и от него оставалась горстка золы и куча кривых гвоздей. Мастерская стала естественной средой обитания Зета, жилищем вполне во вкусе Зета и Лотти: темные, грязные портьеры, ковры из лавки подержанных вещей, кресла с облезлой обивкой на ручках, лоснящейся, по выражению Зета, как шкура гориллы. Окно комнаты выходило в вентиляционную шахту, впрочем, Зет и в своем беленом бункере в Чикаго жил за задернутыми занавесками. Лотти накупила ламп под розовыми фарфоровыми абажурами с флестончиками, как у стародавних масленок, по краям. В комнате стояли приятные потемки, как в часовне, сумрак. Как в святилище. Однажды мне случилось побывать в византийской церкви в Югославии, и тогда меня осенило: вот он образец, вот архетипическая естественная среда обитания Зета.

Зетланды обжились на новом месте. Крошки, окурки, кофейная гуща, собачьи миски, книги, журналы, пюпитры, запахи македонской кухни (баранина, простокваша, лимон, рис) и белое чилийское вино в пузатых бутылках. Зет обследовал философский факультет, приволок из библиотеки кучу книг и засел за работу. Его трудолюбие могло бы порадовать Озимандию. Впрочем, порадовать старикана, говорил Зет, никоим образом невозможно. И скорее всего дело в том, что самая большая радость для него – ничему не радоваться, ничего не одобрять. Лотти – у нее у самой была степень магистра гуманитарных наук – поступила работать в контору. Нет, вы только поглядите на нее, говорил Зет, такая шалая девушка, а вот поди ж ты – стала исполнительной, классной секретаршей. Видите, какая она выдержанная, какая стойкая – хоть бы раз пожаловалась: а ведь до чего же трудно вставать затемно, и каким надежным кадром оказалась эта балканская цыганка. Зета ее превращение не только удивляло, но и огорчало. Его самого конторская работа просто-напросто убила бы. Он делал попытки заняться ею. Озимандия подыскивал ему работу. Но строгий режим и канцелярщина его парализовывали. Он работал на складе в компании своего отца, помогал зоологу – они выясняли, отчего портятся фундук, инжир и изюм, боролись с вредителями. Зет было увлекся, но ненадолго. А как-то он неделю проработал в мастерских музея Фильда⁴⁷ – учился делать пластмассовые листья для экспозиций. Трупы животных, как он узнал, хранят в разнообразных ядовитых веществах, и точно так же, говорил Зет, и он чувствует себя на службе – в отравляющей среде.

В результате на работу ходила Лотти, и часы до ее прихода тянулись бесконечно. В пять Зет с собакой поджидали Лотти. И вот наконец появлялась она – нагруженная сумками, устремлялась с Бродвея на Запад. Зет и мисс Катюша бежали к ней по улице со всех ног. Зет кричал: «Лотти!», муругая собачка скребла когтями тротуар и выла. Лотти, изнуренная поездкой в метро, распаренная, когда Зет целовал ее, басовито гулила. Она приносила фарш, йогурт, кости для Катюши, подарочки Зету. У них все еще

длился медовый месяц. В Нью-Йорке они вечно были вне себя от радости. Вдобавок тут же скакала – вне себя от радости – Катюша, так что им было чем подогреть свои чувства или с чем их сравнить. Они свели дружбу с соседями по дому – Гиддингсом, коммерческим писателем, и Гертрудой, его женой. Гиддингс писал вестерны; Зет прозвал его Бальзаком Худородного Северо-Запада. Гиддингс именовал Зета Витгенштейном⁴⁸ Вестсайда. Так что у Зетланда была публика, перед которой он мог дурачиться напропалую. Зет читал вслух уморительные отрывки из «Энциклопедии общедоступных знаний» и перекладывал Райдера Хаггарда⁴⁹ на язык символической логики. Вечерами Лотти вновь оборачивалась македонской цыганкой, дочерью своей матери. Ее мамаша, колдунья из Скопле, рассказывал Зет, варганила зелье из кошачьей мочи и змеиных пупков. Ей были ведомы древние эротические тайны. Судя по всему, были ведомы они и Лотти. Считалось, что ее женское естество изобильно, глубинно и сладостно. Романтичный Зетланд повествовал о нем с пылом и признательностью.

Эта переслащенность, эта приторная жизнь, слишком натянутые нервы породили мучительную тревогу. В таких муках, говорил Зет, есть своя прелесть. И объяснял, что радость имеет две ипостаси: чувственную и страдальческую. Первые месяцы в Нью-Йорке оказались Зету не по силам. У него снова начались неприятности с легкими – поднялась температура; его ломало, мочиться было больно, и он залег в постель в своей линялой бордовой пижаме, которая резала в паху и под мышками. Кожа его снова стала сверхчувствительной.

На несколько недель он как бы вернулся в детство, когда был практически инвалидом. И как он мог до такого дойти: взрослый мужчина, недавно женатый – вот ужас-то, впрочем, была в этом и своя услада. Он хорошо помнил больницу и как у него бухало в голове, когда ему давали эфирный наркоз, и жуткую открытую рану в животе. Рана загноилась и никак не заживала. Ему поставили резиновый дренаж, который держался на английской булавке. Он понимал, что умирает, но читал комиксы. Детям в его палате, кроме комиксов и Библии, читать было нечего: Жох Джим, Балда Макнатт, Ноев Ковчег, Агарь, Исмаил наплывали друг на друга, как краски в комиксах. Стояла суровая чикагская зима, по утрам сквозь расписанные морозными узорами стекла пробивались золотые – точь-в-точь как на иконах – лучи, трамваи громыхали, лязгали, брнчали. Каким-то чудом Зет выбрался из больницы, тетки выхаживали его дома – пичкали бульоном из мозговой кости, обжигаяще горячим молоком с растопленным маслом, печеньем размером с доброе колесо. Заболев в Нью-Йорке, он вспомнил и открытую рану с ее гнилостным запахом, и резиновый дренаж, которому английская булавка не давала упасть в живот, и пролежни, и то, как в восемь лет ему снова пришлось учиться ходить. Усвоенный в раннем возрасте истинный смысл власти жизненной энергии над материей, это болезненное, трудное, сложнейшее химико-электрическое преобразование и преображение, блистательное, ослепительно яркое, благоухающее и зловонное. Уж слишком разительные контрасты. Слишком сильное круговращение. Слишком много будоражащего душу и нагоняющего страх. Для чего здесь мы, самые диковинные из всех диковинных существ и тварей? Ясные студенистые глаза, чтобы видеть – пусть на время, – притом, видеть в мельчайших подробностях; пульсирующий мир, чтобы было что видеть; столько всего, что людям надо и передать друг другу и получить друг от друга. И костяная коробка, чтобы думать и чтобы хранить мысли, и непостижимое сердце, чтобы чувствовать. Эфемериды, размалывающие другие существа, приправляющие и подогревающие их плоть, пожирающие эту плоть. Что это за существо, исполненное разом и смертного знания и нескончаемых страстей. Эти чудные внутренние монологи были непредумышленны. Они приходили к Зетланду естественно, произвольно, когда он пытался найти у самого себя объяснение этому клубку радующих и пугающих свойств.

В итоге он забросил книги по логике. Они сослужили свою службу. И присоединились к заброшенным в восемь лет комиксам. Рудольф Карнап стал ему так же скучен, как в свое время Балда Макнатт.

Он спросил у Лотти:

– Какие еще книги у нас есть?

Она подошла к полке, стала читать названия. На «Моби Дике» он прервал ее, и она протянула ему толстенную книжищу. Прочитав несколько страниц, он понял, что доктором философии ему стать не суждено. В него нахлынуло море. Душа озера Мичиган, так он мне сказал. Океанский холод пришелся как нельзя более кстати – его лихорадило. И пусть он полон скверны, зато читает он о чистоте. Он переживал плохое время – чувствовал себя скованным, растравленным, потерял желание жить; он был болен; хотел уйти от себя. И вот тут-то он и прочел эту ошеломительную книгу. Его захлестнуло. Ему показалось, что он тонет. Но он не утонул: удержался на поверхности.

Существо из плоти и крови, вдобавок больное, ходило в уборную. Внутренности делали свое дело, и он плелся воссесть на деревянный стульчак над фаянсовой чашей, над уходящей в сточные трубы, наполненной водой дырой, – унижительно, а куда денешься? И когда кафельный пол завертелся, закачался перед его больным взором, как проволочное ограждение под током, – океанская синь была тут как тут в зеркальных гранях аптечной дверцы, была тут и белая махина кита – ванна позволяла прикинуть, каковы ее масштабы. Все та же уборная, та же тошнота, а с ними тот же уютный пищеварительный запах, возвращавший в детство, тот же незабываемый коричневый колер. И боль, и облегчение от надрывного кашля, и тропическая влажность лихорадки. Но и сюда нахлынули моря. Прямоком через вентиляционный колодец, с запада, от Гудзона – налево. И Атлантический океан – вот он тут.

Создание всеобъемлющего миропонимания, решил он, станет делом его жизни. В философии он занимался теорией семейных сходств⁵⁰. У него было свое оригинальное толкование предиката «сходствовать». Но с этим покончено. Он, когда болел, был до чрезвычайности решителен. От слабости он обливался потом, при кашле выхаркивал в кулак зеленую мокроту, глаза у него вылезали из орбит. Он прочистил горло и сказал Лотти – она сидела на постели: переняла у него, пока он откашливался, чашку с чаем.

– Я, пожалуй, не стану больше заниматься философией.

– Тебя это и впрямь беспокоит? Прошлой ночью ты во сне говорил о философии.

– Да ну?

– Говорил об эпистемологии или о чем-то вроде, но ты же знаешь, это не по моей части.

– Да ладно, и не по моей.

– Миленький, ну зачем заниматься делом, которое не по душе. Переключись на что-то другое. Ты всегда можешь рассчитывать на меня.

– Ты – прелесть. Но нам придется обходиться без стипендии.

– Много ли от нее проку. На стипендию, которую тебе дали эти жмоты, все равно не прожить. Зет, милый, да ну их... Я вижу, эта книга произвела в тебе перелом.

– Лотти, эта книга – просто чудо. Она увлекает тебя за пределы людского мира.

– Зет, что это значит?

– Это значит, что она увлекает тебя за пределы мира умственных проекций или обособляющих вымыслов повседневной общественной жизни или психологических шаблонов. Освобождает на клеточном уровне. Что по-настоящему избавляет от этих обособляющих социальных и психологических вымыслов, так это другой вымысел – вымысел искусства. Без такой поэзии для человека жизнь не в жизнь. Ах, Лотти, до чего же я зачах на символической логике.

– Нет, мне положительно необходимо прочитать эту книгу, – сказала Лотти.

Но продвинулась она недалеко. Книги о море – чтение для мужчин, да и вообще она не книжный червь, слишком она порывистая – сидеть часами за книгой не по ней. Тут Зету и карты в руки. Он растолкует ей все, что надо знать о «Моби Дике».

– Я должен пойти переговорить с профессором Эрдманом.

– Как только окрепнешь, сходи в университет – и кончай с этим. Кончай и все тут. Оно и к лучшему. На кой черт тебе быть профессором? Ох уж мне эта собака! – Катюша вступила в поединок – кто кого перелает – с псом из соседнего двора. – Заткнись, сучка! Иногда я просто ненавижу эту паршивую псину. У меня от ее лая раскалывается голова.

– Отдай ее китайцу из прачечной: она ему нравится.

– Нравится? Да он ее слопает. Послушай, Зет, ни о чем не беспокойся. Ну ее, эту логику. Договорились? Ты можешь заняться чем угодно. Ты знаешь и французский, и русский, и немецкий, ты же – голова. А нам много не нужно. Дорогих тряпок я не ношу. Одеваюсь на Юнион-скуэр.

Ну как?

– На такой замечательной фигуре, как у моей македонки, – сказал Зет, – Кляйн смотрится как последние парижские модели. Будь благословенны твои перси, и чрево, и попка.

– Если у тебя к субботе спадет температура, поедem за город, к Гиддингсу и Гертруде.

– Папа огорчится, когда узнает, что я бросил университет.

– Ну и что с того? Я знаю: ты его любишь, но он такой брюзга – ему нипочем не угодить. Ну его, и его тоже.

В сороковых они переехали подальше от центра, прожили лет двенадцать на Бликер-стрит. В Гринич-виллидж они быстро стали людьми заметными. В Чикого они, сами о том не подозревая, считались богемой. В Виллидже Зета причислили к авангарду в

литературе и радикалам в политике. Когда русские напали на Финляндию, придерживаться радикальных взглядов стало верхом глупости. Марксисты спорили: может ли государство рабочих вести империалистическую политику. Зетланду подобные дискуссии представлялись уж слишком дурацкими. Ну а затем последовал советско-германский пакт, а там и война. Константин – Лотти хотела, чтобы сын носил балканское имя, – родился в войну. Зет хотел пойти воевать. Когда он собирался с духом, Лотти всегда была с ним заодно и держала его сторону против отца, – тот, как и следовало ожидать, не одобрял Зета.

АЙЗЕК РОЗЕНФЕЛЬД

Айзек был круглолицый, с русыми, зачесанными назад волосами. Близорукий, со светло-голубыми глазами за стеклами круглых очков. Крупные, редко расставленные зубы придавали его улыбке своеобразную прелесть. Смеялся он до колик. Закатывался, да так, что валялся от смеха. Улыбка, меж тем, освещала его лицо не сразу. Ему нравилось таращиться свысока поверх очков. Перед тем как сострить, он пронзал тебя своим светло-голубым взором. Начинал, запинаясь, губы складывались в застенчивую улыбку, после чего отмачивал нечто уморительное. В более серьезном настроении, затеяв спор, он размахивал руками на манер русско-еврейских интеллигентов – сигарета между двух пальцев. Если же речь шла о чем-то действительно серьезном, он отбрасывал эти хватки. И глаза его выражали силу, а порой и ярую силу.

Он был приземистый, коренастый. Грудь колесом. Скорее округлый, чем грузный, при этом двигался с изяществом. Его ленивая, вялая повадка была обманчива. Руки у него были ловкие, он хорошо играл на флейте и вовсе прекрасно на блок-флейте. Все так, и тем не менее его постоянно одолевало неясное ощущение физического неблагополучия или слабости, биологической напасти, он был в разладе с собственной плотью. Полностью здоровым он не бывал никогда. Цвет лица у него был дурной, изжелта-бледный. Наиболее предпочтительный среди интеллектуалов Чикагского университета в тридцатые годы. Зимой Айзека часто сваливал грипп или плеврит. Его предупредили, что с такой кожей, как у него, не следует подолгу находиться на солнце. Но во время войны, когда он стал капитаном Айзеком, командой – в одном лице – баржи в нью-йоркском порту, цвет лица у него был отменный. На барже он читал Шекспира и Кьеркегора и пришел к выводу, что пребывание на свежем воздухе ему по душе. У него завелись друзья в порту. В такую пору Айзек ни за что не стал бы выступать там в роли посланца интеллектуального мира. Он никогда не посещал трущоб в качестве отца-благодетеля. При взгляде на его благодушную физиономию нельзя было не расположиться к нему и, я так думаю, его неумелое обращение с канатами трогало сердца матросов с соседних буксиров.

Наверное, о нем следовало бы писать кому-то другому из его друзей – я для этого не лучшая кандидатура. Я любил его, но мы соперничали, я был до крайности обидчив, щекотлив, непокладист, а порой, как сам теперь понимаю, и невыносим, не всегда я был и верным другом. Что касается Айзека, то его умение привлекать людей могло бы сослужить ему большую службу. Он хотел, чтобы люди его любили, хотел он и отвечать им любовью... однако, эти материи, о которых мы научились говорить запросто, от этого отнюдь не упростились.

У него был быстрый, живой, ясный ум – из тех, что мгновенно проникает в суть. Он был прирожденный логик и метафизик. Была у него и склонность к теологии,

от которой он старался себя отвадить. Своим талантом к абстрактному мышлению он тяготился; опасался, что такого рода талант говорит о скудости чувств, эмоциональном бесплодии. На преодоление этого мнимого бесплодия, этого изъяна, питавшегося его талантами, взраставшего на них, он не жалел ни трудов, ни сил. Ему не нравилось, когда его хвалили за достижения, которые, как он считал, лежали, по большей мере, в сфере умственной. Бездушные абстракции внушали ему ужас. В Нью-Йорк его привело желание заниматься философией. Во время одного из частых у него плевритов он наткнулся на Мелвилла и написал мне, что после «Моби Дика» больше не может быть логическим позитивистом.

Затем последовал период гиперболизированных чувств. Но предавался ли он знаковой теории или пускал слезу над жалкими проросшими луковицами в убогой лавчонке, сохранять серьезность долго Айзек не мог.

Он был проказлив. Любил разыгрывать, передразнивать, пародировать и – сюрреалистические стихи. Шут он был первостатейный. Изображал паровой утюг, часы, самолет, буксир, охотников на крупную дичь, русских комиссаров, поэтов из Гринич-виллидж и их подружек. Подражал посетителям в ресторанах. Был великолепен, как Гарри Баур, – следователь Порфирий Петрович в «Crime et Chvtiment»⁵¹, курил, держа папиросу на русский манер. Он сочинял пролетарские поэмы на идише, перевел Элиотовского «Пруфрока»⁵², посмотрел на эти мощи на просвет, свел воедино англо-саксов и евреев в сюрреалистическом слиянии, неслыханном по дерзости. Айзек самому серьезному, самому неожиданному, самому совершенному образу придавал комический оттенок. В рассказе «Царь Соломон» он валит в одну кучу пышность Иерусалима и убожество Ист-сайда. Великий царь, одновременно и ужасный, и расхристаный, сидит в исподнем. Нячнется с ребятишками. Они залезают к нему на колени, залапывают его очки грязными ручонками.

Àéçâé Dîçáí Ôáéüü

Ôáðæ Áààèää Èáâéí à

Ему нравилось, когда вокруг него беспорядок. По-моему, он считал добропорядочную буржуазную аккуратность иссушающей – признаком мелочности, скарденности, злости, короче говоря, анальности. Вид любой из комнат, где Айзек за работой курил, споро и четко покрывая своим почерком дешевую желтоватую бумагу, пришелся бы по вкусу Хогарту⁵³. На 76-й улице из тостера вместе с хлебом часто вылетал таракан. Воспитание Дымка, развращенного муругого песика на коротких ножках, оставляло желать лучшего – он грыз книги; занавески всегда были задернуты (от вредоносных солнечных лучей), из переполненных пепельниц вываливались окурки. Пол не подметался, не мылся, пыль не вытиралась, ничего не отдавалось в стирку. Грязь здесь высвобождала, воодушевляла. Позже, когда Айзек переселился в центр, там веселье уже не било ключом. А его комнатенки в муравейнике под названием «Касба» и на Гудзон-стрит и вовсе производили удручающее впечатление. К концу жизни он обосновался на Вудлон-авеню в Чикаго в ужасающей подвальной комнатухе у Петофски, где жил в студенческие годы. Милого шарма тридцатых годов как не бывало; воздух пропитала гнусная вонь уборных и угольных бункеров. Айзек считал, что ему так и подобает жить. В итоге беспорядок превратился для него в своего рода повинность. С годами Айзек стал отождествлять беспорядок с аскетизмом, но это мой личный вывод, мне он этого не говорил.

К этому времени он отошел от райхианизма⁵⁴, некогда так захватившего нас обоих. Он больше не накидывался на всех встречных-поперечных с вопросами об их сексуальных пристрастиях и не оценивал, какой толщины у них защитный «панцирь»⁵⁵.

Позже при переездах он уже не таскал за собой самодельный оргоновый ящик⁵⁶. Одно время (в Сент-Олбансе) он ставил опыты с семенами помидоров, помещая их в оргоновый аккумулятор: они, как утверждал Айзек, давали лучший урожай, чем семена, не обработанные таким образом. Друзей, страдающих головными болями, он заставлял надевать жестяной обруч. Когда у соседей заболели кошки или собаки, он пользовал их, сажая в оргоновый ящик. Однако в последние годы он отбросил чудаковатость – неслыханно обаятельную и сопровождавшуюся блестящими по своей убедительности лекциями и аргументами. Ум его стал более ясным и острым, освободился от завиральных идей. В ранние годы ему была свойственна, по выражению одного из его друзей, «несгибаемая Gemütlichkeit»⁵⁷. Последние восемь-десять лет он пребывал в душевном расположении, которое никак нельзя назвать gemütlich. Людей судил строго; не менее строго взыскивал и с себя.

По моему убеждению, он считал, что если в жизни нет главного, борьба за существование не стоит труда. Что такая жизнь без добра, без истины – всего лишь скучная, неотступная суতোлка ради материальных благ, увеселений и успехов. С редкой целеустремленностью Айзек гонялся лишь за вещами существенными. Верил, что следует иметь в душе добро и истину. Стремился утвердить их в себе. Порой казалось, что он старается заставить, принудить себя достичь сердечной открытости, верности истине, без которой жизнь человека не имеет смысла.

Он в полной мере отдавал себе отчет, что в этой нашей Америке производит впечатление человека нелепого. И ничуть не боялся показаться нелепым. В то же время он никогда не тщился быть своеобразным ради своеобразности, ради того, чтобы выглядеть поколоритнее. Он следовал своим внутренним побуждениям, а это всячески осложняло его жизнь, обрекало на одиночество. В последние годы жизни он был одинок и умер на Уолтон-плейс, в одной из тамошних мебелирашек.

1956 *ñä*

Í ðáíññííáéá é í óíéééáóéé, í ðéí á:áíéý é í áðáíá Ē. Ááñí áéí áíé

Í ðÉÌ Á×ÁÍ ĒΒ

1 Ðáñíéáç Á. Ðíçáí óáéüüá «Óáðí Νίεíí í í» í í óíéééíááí á áçáóá «Ááðáéíéíá íéíáí».

2 Óðéáðéó Ááééééé (1712 - 1786) - í óíñíééé éíðíéü ñ 1740 ñää, í íéðíáéó áéüññó áíáéé éñéóññó ááí.

3 Ýñó áðáçé - çíáóíúé é áíñóúé ááíáðñééé ðíá, íéáçíáéé í íáááðáéó í óçíéáí óáí é óóáíáé í éáí. Óáé, í áí ðéí áð, ñ 1761 í í 1790 ñ á ó éíýçý Ýñó áðáçé íéóáééé éáí áéüñ áéñó áðí í Ē. Ááéáí.

4 Ēñéóññó áí áééóü (óðáí ó).

5 Óáé Á. Ááéí á í áçíáéé á íñíáé é í éáí ááó í áé í áðáóé: áñééó ýññá «Í ðéçí áíéý» (1854) Á-ää

6 Ááéíí Ēéòñ «Ēáí óí íáýò íé Áá áññá». Í áð Á. Áéó éí áíéíá.

7 Áíáðá Áðáóíí (1896 - 1966) - óðáí óçíééé í éññó áéü í áéí éç íñí í áí í íéí áé í ééí á ááááéçí á

8 Óðéñóáí Óóáðá (1896 - 1963) - óðáí óçíééé í íýó ðíáíí éç Ðóí úíéé, í áéí éç íñí í áí í íéí áé í ééí á ááááéçí á

9 *Άαίί Άιπé (1859 - 1952) - àì àðéαίííééé óééίííó, ίάεί éç áαáóύιέó ίóαίííó áαéòάέάé ίóαίí áòέçí à Èάίίέίíάί àðéαίííéíά éεάαδάέέçí à*

10 *«Ά-αé à ίέ, áéý -áá òύ ίíòάάéé ί áίý» (εάδèò) - ίíáéίí, ί óύίέó é έίòίòίí ó ίάίέíáé «έίòίέúέάί óίòίá» ÓÓ áάéά Èίííó Ñίçáí áέò.*

11 *Νπéòά éç ί óύίέé ίíòάάééίíά έίí ίίçéòίòά Ýááαδάά Άδéά (1843 - 1907) é áδái á Άάί δéά Èάίίά «Í áð Άπí ó».*

12 *Àì áέéòά Άάέé-Èòð-é (1882 - 1963) - èò áéúýίíéáý ί áάéòά, ñ 1916 á ί áéά á ΝΟΑ.*

13 *Í ίάά όδái óóçíéíά έίí ίίçéòίòά Èáí Άάééάά (1836 - 1891).*

14 *Çáííí- óάóίé (óδái ó).*

15 *«Óðéáπí» - áüçáòά, áúíóí áúáý á ×ééáá.*

16 *Á ίíòýáéά (ί áí .).*

17 *Άδáiééé ίóαéòάέúí ñòάòý έίòίòίá, ίάέάίίáý á ίóíòύίá áí áδái áíá Í.Á.Οάέéé, áúíóίίáééά áá ί á ííáò «Í çéí áí áéý». Νòðíéé éç ýòίá ííáòά ί δéáíáýòíý á ίάαáí áá È. Άάéú ίίòά*

18 *Ýí ί à Άίέúí áί (1869 - 1940) - éçáííóίáý áí áδóéíòéά ίí ίòίçáéúó «Èδáíí áý Ýí ί á», ááòίð ýýáá έίέá*

19 *Óίάάéé - ίòίçáéúá -éáίίá ίóáí éçáòéé «Èί áóíòðéáéúí úá δááí-éά ί éδá», ííçááίίίé á 1905 á á ΝΟΑ ñ óáéíð ίάúáééί áí éý ίòίέáò áδéάòά á ááéί úé ίòίóíπç.*

20 *Èéçí áί ί áý íééά, ýí áðéý (óδái ó).*

21 *Áóί ááδééίá (ί áí .).*

22 *Άαéίí Νòπáðò Ì éééú (1806 - 1873) - áí áéééííééé óééίííó, ýéίίίί έíò é ίάúáíòάáί ί úé ááýòάéú Í ííááòάéúí áí áéééííéíά ίίçéòéáéçí à*

23 *Νίπç «Νί áδòάé» - ίóáí éçáòéý ί áí áóééó éááίò ííóéáé-ááí ίέδáòίá*

24 *Ðáúíέúó Èáδίáí (1891 - 1970) - ááíòðééííééé óééίííó é έίáé, áαáóύιέé ίóαίííó áéòάéúí έίáé-áíéíáí ίίçéòéáéçí à*

25 *Άáδòδái Ðáííéé (1872 - 1970) - áí áéééííééé óééίííó, έίáé, ί áòái áòéé.*

26 *Ì ίóδéñ Ðαóáýéúí Èίýί (1880 - 1947) - àì àðéαίííééé óééίííó ðíáíí éç Ðíííéé. Ά íáíáé óééίííóéé íí-áòáé ίóáíí áòέçí, έίáé-áíééé ίίçéòéáéçí é ééί ááéíòé-áíééé áí áééç.*

27 *«Í á ίάáéííý óéòé, ίóáéάά óάάά ίδéááòíý ί áίý úáéòú.. Νóí áíáδíáíáý ááί úéίá, ίá éðé-é ίίίáí δáííú...» (éòáé) - ίάááý -áíòú óδáçí éç ίáδòéé Άίίίú Άίίú (íííðáίί); áòίðáý éç ίáδòéé Άίί Èúáí á (ááδéòίί); ίíáδá Á.Á.Ì ίóáδòά «Í áéáçáί ί úé δáííóóίéé, ééé Άίί Èúáí» (1787).*

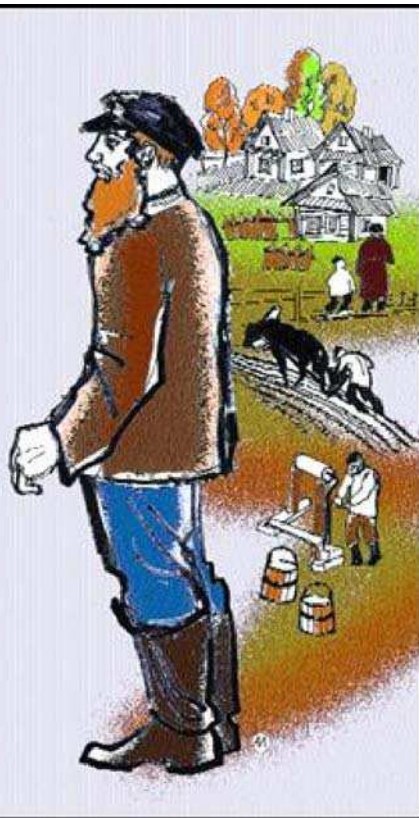
28 *Àì àðéαίííééé (ί áí .).*

29 *Ì éáóýé - áýðíίíðò á ×ééáá áéý áí óòδái ίέó δáéííá*

30 *Óééúýí Άάάéί ñ (1842 - 1910) - àì àðéαίííééé óééίííó, ίάεί éç íííáííίέίáéίέéίá ίóáíí áòέçí à*

ДОМОЙ

Аזריאל אעזי אי

Когда Азриэль объявил, что снова покидает Америку и уезжает на родину, в свой Ново-Николаевск, все знакомые напали на него, как на безумного. Кто в гнев кричал и бранился, кто весело издевался и гоготал.

– На родину?.. Но ты взбесился?.. Дубина ты, на родину?!

Азриэль отмалчивался.

Он был малый простоватый, мысли рождались у него медленно, слова приходили лениво и с трудом, а когда уже и приходили, то оказывались как будто не совсем теми,

которые нужны... Переспорить кого-нибудь он не надеялся и оправдаться не был бы в силах. Он поэтому молчал.

– Ты же сумасшедший, – с негодованием кричали ему. – На родину, туда, где тебя разорили, где убили твоего дядю, где сестру твою сослали на край Сибири, а брата дважды ранили! Там каждый день могут убить и тебя, и всю твою семью!

У Азриэля была широкая спина, большие крепкие руки, тяжелая голова с густой огненной бородой и круглые выпуклые, синие как небо глаза. Он задумчиво вперял эти глаза вдаль, когда его бранили, и в них появлялось тогда выражение спокойного упрямства. Мозг его работал напряженно, но неуклюже и как бы спотыкаясь.

«Говори. Что хочешь, говори... Дядю убили, да... И сестру Соню сослали – Туруханский край называется это место... Брата Симона ранили – сперва на баррикаде в ногу, а потом, когда был в самообороне, в грудь... Раны, – пишет отец, – до сих пор не могут закрыться, от них свело левую ногу, и Симон стал хромым... Да, это верно... Ну так что же? Так поэтому и оставаться здесь, в этой Америке?»

Пускай кто хочет, тот и остается. Азриэлю здесь нет покоя ни днем, ни ночью... Вот твердят знакомые в один голос, что на родине скверно. И это таки правда, что скверно; ого, какая это святая правда!.. Грязное местечко Ново-Николаевск, маленькое, улиц нет, домишки ничтожные, темно, воют по ночам собаки, а урядник Афанасий Иванович, так он злее всех собак вместе... Да, очень нехорошо в Ново-Николаевске.

Азриэль старался вспомнить все самое неприглядное и мрачное о родине... Это удастся ему без особенного труда... Но результат не меняется, и настроение остается все то же: тоска и тоска. Тоска и невольные грезы о родных местах... «Там Буг... Ведь Буг там!.. Зимой он замерзает. А летом в нем купаешься... Песок на берегу, а местами осока... Около винокурни песок, а где начинается лесочек, там осока... Когда базарный день, то во всем местечке большое оживление... Съедутся мужики, кто с молоком и яйцами, кто с пшеницей, кто поросят пригонит. Такой гармидер подымается, точно свадьба... Визжат поросята – черт знает, как громко они визжат!.. Овцы, например, – те ничего, те молчат. А

поросята – поросята визжат, точно их режут. И гуси тоже гогочут... Народу пропасть, всех знаешь в лицо и по имени, и прошлое каждого знаешь, и виды на будущее... За церковной оградой – сад... Вообще – есть сады... Митингов нет – ого, задаст тебе Афанасий Иванович митинги! И театра нет, и газета не выходит, нет электрической железной дороги, – даже не знают люди, что бывает на свете такая дорога. Ну так пусть она и пропадает, эта электрическая дорога! Кому она нужна?.. С ее грохотом, с ее свистом, с ее быстротой, – пусть она пропадет пропадом».

Оттого, что ум у Азриэля неповоротливый, парень в детстве учился плоховато. В торговле он тоже не успевал. Ремесло давалось ему лучше. Здесь, в Америке, упорным трудом и скромной жизнью, граничившей с настоящей голодовкой, он сумел сколотить кое-какие сбережения. Сколотив их, он вернулся на родину и открыл мебельную лавку. Но случился погром, лавку разграбили, и Азриэль обнищал. Вторично поехал он в Нью-Йорк, вторично скопил здесь маленькую сумму, и, как и тогда, как и пять лет назад, снова стало его тянуть домой.

– Смеются надо мной? Ну что ж, пускай себе смеются.

И хоть не слишком проницательный был он человек, он видел все-таки ясно, что веселости в смехе этом немного. Смеются, а у самих кошки на душе скребут. Издеваются, а у самих печаль в сердце... И на него, Азриэля, сердятся потому, что своими грезами и постоянными разговорами о родине он только бередит незажившие, незаживающие раны... Что ж, с этими ранами надо обходиться осторожно. И не надо ничего больше говорить об отъезде. Надо молчать.

А в конце зимы, взяв из банка свои деньги, он сел на пароход и уехал в Россию.

Знал он, что и дома не одобряют этого поступка его, но на все махнул рукой. «Пусть попробуют сами, тогда и будут знать...»

Он приехал в тот большой город, в котором жил отец его, печник Калман.

Три года назад в октябрьские дни в городе этом произошел погром, один из самых кровопролитных. Калман, однако, не пострадал ничем. Ни один камень не влетел в окно его квартиры.

И когда из обширного погреба, куда набилось более ста спасающихся, и где в ежесекундном ожидании лютой смерти протомились они двое суток, семья Калмана вернулась в свое жилище, – все стояло там на месте, как и раньше, и с таким невинным, будничным видом, как если бы вовсе не прошли здесь ужас и убийство. И старая кровать с красным кумачовым одеялом; и недавно по случаю приобретенный сосновый шкафчик с плохо закрывающейся дверцей; и все пять табуреток, и этот ряд симметрично развешенных фотографических карточек... Ничего, все смотрит просто и спокойно, почти приветливо, почти добродушно... И от этого тяжело сделалось Калману и жутко. Он не мог победить в себе смутного чувства радости, явившегося от сознания, что скарб уцелел, но радость эта страшна была ему и ненавистна, и мгновениями вспыхивало в нем желание взять эти подушки и собственными руками выпустить из них все перья, схватить это зеркало и изо всех сил треснуть им об пол...

Странно это было – но ему все казалось, будто воспользовался он какой-то непонятной и недоброй милостью врагов – тех, кто здесь поблизости разрушал и бил, и

грабил, – и будто не рядом, не вместе с братьями стоит он теперь, а где-то в стороне от них, отдельно – и недалеко от громивших...

Вместе с женою своей Сурой он пошел в соседний двор.

Там все уже было убрано и подметено – слишком чисто подметено. Так старательно никогда не подметали в этом нищем, густонаселенном беднотою дворе. И тихо было здесь, и безлюдно. Черными провалами зияли разбитые оконные рамы – все до единой рамы были разбиты, – а когда к окнам подходили и в них заглядывали, то открывалась картина полного и свирепого разрушения.

Калман с женой остановились у ворот. Не хватало духа, не было сил пройти вперед... В этом доме подобрали одиннадцать убитых и около двадцати раненых. Крики ужаса, какие, может быть, услышишь только на войне, раздавались здесь всего два дня назад... Теперь все было тихо, безмолвно... Но это безмолвие давило душу, может быть, еще сильнее, чем самые страшные вопли... Калман стоял подавленный, понурый, часто мигал глазами, но слезы не текли из этих старческих глаз. Вся фигурка Калмана, маленькая, тщедушная, согбенная, даже когда смотрели на него сзади, говорила о тяжелой, о нечеловеческой скорби. Сура стояла подле мужа и держала его за руку... Она была сухая женщина, очень высокая и прямая, и темное лицо ее было сурово и сумрачно. Она ничего не говорила и только напряженно смотрела большими, черными глазами вперед, в глубину двора, туда, где в таком же безмолвии и так же неподвижно стояла другая женщина – маленькая кривая Бася, окруженная своими четырьмя малолетними детьми. На земле перед Басей было большое, темное пятно... Женщина смотрела на него долго, упрямо, точно хотела пронзить землю взглядом, точно силилась вызвать из нее тайною силою глаз что-то очень важное, дорогое... Маленькие дети тоже смотрели на это пятно, а потом переводили недоумевающие глаза на мать. Дети тоже молчали.

К Калману подошла соседка, хромая торговка Шейва.

– Вот так вот все и стоит, и смотрит уже сколько времени, – шепотом проговорила она, показывая глазами на Басю. – На этом месте убили ее мужа... Кровь засохла, оттого и пятно... Сегодня утром волосы там подобрали... белокурые такие, это ее мужа волосы, его борода.

Калман тихо застонал.

– Как же, нашли волосы! – оживленно повторила Шейва, вытирая передником слезы. – Целые космы подобрали... Его ведь так мучили, прежде чем убили, так терзали... Мой внучек, Ареле, с чердака видел... Он на чердак спрятался... Так видел оттуда, что схватили за бороду и так били, так били...

– Домой, – сказала вдруг Сура. Она крепко сжала руку Калмана. – Пойдем домой.

Шейва, сдерживая рыдания, принялась рассказывать подробности, как мучили перед убийством мужа Баси...

– Домой, – повторила Сура. – Пойдем домой.

– Пойдем, пойдем, Сура, сейчас. Подожди минутку...

– Домой, – опять сказала женщина.

В тоне ее было столько тоски, столько упрямой силы, столько жадного и страстного желания, что Калман уже не противился и, не дослушав Шейвы, повернулся к воротам...

– Домой, – как бы с некоторым облегчением повторяла Сура, – домой...

В ту минуту Калман не понимал...

Но через очень короткое время значение этого призыва стало ясным. Сура помешалась... И из всех слов человеческих только одно это произносила она ясно, четко, с большой и вечно напряженной выразительностью.

Она не в состоянии была вести хоть сколько-нибудь связанную беседу. Она не всегда понимала обращенные к ней слова. Она невнятно и глухо бормотала разрозненные, бессмысленные фразы. Суетливо и озабоченно отдавалась она какой-нибудь нужной возне: устанавливала горшки на плите, в которой не разведен огонь; топталась у лоханки, в которой не было ни воды, ни белья. Тускло и невразумительно, путаясь и этого не замечая, вмешивалась она в разговор или вполголоса пела нескончаемые, жуткие песни – про широкое, темно-багровое пятно на земле посреди двора, про светлую бороду, лежащую в этом пятне... Уныло, хмуро и тоскливо звучало ее бормотание: унынием, сумраком и мертвой безнадежностью веяло от всей ее фигуры, от всех ее жестов, и взглядов, и вздохов, и улыбок. Это была сама скорбь, сама беспросветность, холодная, могильная темнота...

Но случалось, что вдруг странное пламя вспыхивало в ее больших безумных глазах; она вздрагивала, выпрямлялась и голосом странным, новым, необычным призывала:

– Домой!..

Покорная действию неведомых сил, благостных и чистых, на миг озаренная внезапно вспыхнувшим внутренним солнцем, в жажде избавления и с великой верой в возможность этого избавления, она громко и страстно звала: «домой» – куда-то далеко, куда-то ввысь, к чему-то дорогому, туда, где все родными окажутся, родными, и добрыми, и правдивыми. Тоскливое лицо ее преобразалось; великая радость заигралась на нем и светлая ласка; лучи сияли из восторженно раскрывавшихся глаз, а голос, наливавшийся и силой, и твердостью, звучал в одно и то же время и как молитва, и как ратный призыв:

– Домой!.. Домой... Домой...

Азриэль не уехал в свое местечко; в виде пробы он остался в городе, где жили его старики. Ему предложили здесь дело: аренду большого пригородного сада. В Америке приходилось Азриэлю работать на ферме, он с садоводством был несколько знаком, и потому сад он теперь снял.

В городе дела три года кряду шли очень плохо, строительства не было, и Калман часто оставался без работы. Вместе со старухой своей он жил почти впроголодь. За последнее время старый печник сильно подался, отошал и сгорбил; ноги высохли, в коленях согнулись и уж не могли выпрямиться. От этого Калман казался коротеньким, как карлик. Кирпичная пыль, в течение долгих лет въедавшаяся в легкие, разъела их,

исковеркала, и теперь старик часто откашливался большими хлопьями мокроты. Азриэль предложил отцу переселиться к нему в камышовый шалаш, стоявший в саду, и Калман согласился.

Весна стояла мягкая, солнечная, сад цвел чудесно, и урожай фруктов ожидался богатейший. Азриэль потирал руки, предвидя отличный заработок. Он чувствовал себя счастливым... Разумеется, сады есть и в Америке, и там тоже можно арендовать какой угодно сад – с такими же вот деревьями, с такой же светлой травкой, с таким же золотым солнцем и такими же точно голубыми тенями. Этого Азриэль не отрицал. Он только думал, что все это ему не подходит. Он только думал, что до Нью-Йорка далеко, страшно далеко, – и это-таки очень, очень хорошо, что туда так далеко...

От зари и до полуночи возился он в саду подле кривых яблонь и развесистых абрикосов, окапывал деревья, поливал их, снимал с них гусениц, дружелюбно и радостно улыбался им большими синими глазами, а иногда клал на корявый ствол тяжелую сильную руку и тихонько говорил:

– Ого-го-го, как туда далеко!..

И весьма был доволен.

Некоторое беспокойство в его жизнь вносил только брат Симон. Брату Симону было девятнадцать лет. Он был невысок ростом, очень худ, очень черен, имел длинный острый нос и горящие глаза, – темные, как смола. Азриэль никак не мог разобраться: добр брат, как ангел, или бессердечен, как казак? Наверное знал он только, что горяч Симон необычайно, что вспылчив он, раздражителен, суетлив и неспокоен. Смелости в нем очень много, и иногда он совершенно не дорожит своей жизнью. Его ранили на баррикаде, и едва только успели ему перевязать ногу, как он опять пошел драться в самооборону, а через час его ранили вторично. На улице он подобрал раненого громилу и на собственных плечах отнес его в университетскую клинику. Текла кровь – собственная Симона из-под сдвинувшейся повязки и кровь громилы, а он, изнемогая, все тащил на

себе этого огромного мужика... «Ну уж подождал бы громила, пока я бы стал его на перевязку носить, – мстительно вспыхивая, думал Азриэль. – Таки подождал бы, да!..»

Азриэль очень уважал брата – и побаивался его. У Симона, считал он, были необычайные способности. Все давалось ему легко, всякая наука, и если бы он только захотел, то мог бы сдать самый большой экзамен и сделаться присяжным поверенным. В этом Азриэль ни капельки не сомневался. Но Симон странный человек: он о себе вовсе не думает. Он готов навсегда оставаться водопроводным мастером, но надо ему осчастливить весь мир, и непременно устроить так, чтобы всем было хорошо, и чтобы все по-справедливому было. Но разве возможно, чтобы все на земле было честно? И чтобы все были довольны? Всегда была и правда, и неправда; всегда были богатые и бедные. Надо работать, трудиться, – и тогда можно себе потихоньку прожить. Вот и все!

Так рассуждал Азриэль. А Симон к Азриэлю относился пренебрежительно, почти брезгливо и нередко злобно покрикивал на него:

– Зачем ты вернулся? Ну зачем ты, дубина, вернулся?

Азриэль терпеливо и без возражений переносил эти окрики. И мягкие укоры отца, тоже не одобрявшего возвращения сына, он принимал с такою же безмолвной покорностью. «Вот попробовали бы сами уехать, вот попробовали бы только», – негромко говорил он своим яблоням и грушам...

И опять просыпался с зарей, и опять трудился до полуночи, и чувствовал себя очень хорошо.

Приходил городской, требовал взятки, кричал, говорил «ты» и всячески оскорблял и куражился. Сосед, кузнец, ругался пархом, проклятым лапсердаком, а напиваясь, обещал «сжечь» и «вырезать всю жидовскую породу». В трезвом виде он обещал то же самое... Каждый новый день приносил все те же новости: там-то был обыск, столько-то избил резинами, тому-то закрыли торговлю, этого выслали, того засадили в тюрьму... Азриэль молча вздыхал, чесал могучими руками широкий затылок, мигал своими голубыми глазами, – и с чувством облегчения думал, что до Америки далеко...

Старый Калман теперь, щадя сына, реже упрекал его. По мере сил он тоже работал в саду и украдкой тихо плакал, думая о дочери, о бедной Сонюшке, которая брошена куда-то туда, в неведомый Туруханский край, и от которой вот уже одиннадцать месяцев нет вестей...

Безумная Сура и в саду бродила такая же темная, такая же сосредоточенная и дикая, как и прежде там, дома, и, как и прежде, вырывался у нее время от времени внезапный и страстный призыв:

– Домой! Домой!..

Так протекала жизнь семьи до середины лета – тихо и однообразно.

Потом случилось нечто неожиданное: появилась холера.

Пошла тревога, поднялась суматоха, начали принимать разные меры предосторожности, дезинфицировать, кипятить воду, очищать базары, окраины...

Перестали употреблять в пищу сырые овощи и фрукты, и сразу пошатнулось дело Азриэля.

Вишни и маленькие груши-скороспелки еще удалось ему продать по сравнительно сносным ценам. Но когда пришла пора поздних абрикосов и слив, эпидемия была уже так распространена, и население до того напугано, что на фрукты не было никакого спроса. Цены упали до степеней неслыханных. Снятые фрукты гнили в сарае, и не было расчета тратиться на соби́рание плодов, висевших на деревьях. Так они и оставались там, перезрелые и засыхающие, оставались на радость воробьям и ласточкам, дружными компаниями перелетавшим с дерева на дерево и весело клевавшим сладкие сливы и груши.

Азриэль пал духом: он все сбережения вложил в дело и теперь их потеряет. Печальный, оторопевший и расстроенный слонялся он по саду, ходил в город на рынок и там упрашивал торговцев забирать фрукты хоть по самой ничтожной цене... Охотников не было. Все, все до копейки предстояло ему потерять. Надвигалась нищета.

– Что? Приехал?.. Вернулся?.. – насмешливо оскаливая зубы, дразнил его Симон.

Худое темное лицо его при этом странно искривлялось, а глаза злобно щурились:

– По родине соскучился, слизняк!

– Я же не знаю... Симон... Я же не мог знать, – мягко возражал Азриэль.

От деревьев падали на его лицо прозрачные тени, а от него широкая густая тень ложилась на светлую траву.

– Дубина ты, дубина! – с ненавистью восклицал Симон.

– А письма от Сонюшки все нет, – вмешивался старенький Калман, всегда стремившийся помешать спору братьев. – Все нет письма от Сонюшки...

Симон, такой маленький и сухой, презрительно оглядывал тяжелую фигуру брата и, хромая, уходил прочь. И старый Калман тогда вздыхал облегченно...

С некоторых пор отец перестал понимать Симона и слегка побаивался его. Раньше все для него было просто и ясно: старик хорошо знал программу бундистов, сам одобрял ее и понимал отлично, что Симон – сердце горячее и доброе, за осуществление ее готов пожертвовать собой. В последнее же время странное что-то сделалось с Симоном, и теперешней его «программы» старик не постигал, не понимал...

Симон запутался, сбился, растерялся... Много горькой злобы скопилось в его сердце, тяжкое разочарование сдавило его, и отчаяние, глубокое и беспросветное, овладело его надломленной душой. Уже не верил он в то, что было его Б-гом до сих пор; уже не любил он того, что сияло ему ярче солнца вчера; мысли сумбурные и недобрые выражал он с большой легкостью, и казалось порою, что утрачены им и стыд, и чувство справедливости, и кристальная чистота сердца...

– Я знаю теперь, я знаю, как устроить свою жизнь! – возбужденно восклицал он.

Но слова эти были пустым бахвальством, и ровно ничего о том, как надо устраивать жизнь, – свою или чужую, – он не знал. Старые пути – считал он – привели к разгрому; новые же рисовались так смутно, так неопределенно, и так они были ненавистны!..

Постоянная тревога царила в душе Симона. Он страдая злился, злясь страдал. Раздраженно, с очевидным стремлением раздражать других твердил он, что его ничто не интересует: ни общество, ни народ, ни человечество. Плевать ему на все, на всех и одного только желает он теперь – свою собственную жизнь устроить посытнее, поудобнее, послаще... Роскоши хочет он, наслаждений, веселья, только это ценно, важно и дорого, и к этому он пойдет, хотя бы и через трупы.

Он выкрикивал все это с большой горячностью, даже со страстью, но чувствовалось ясно, что не из сердца идут эти слова... Как будто мстил он кому-то: назло другим, назло себе говорил и в диких выкриках этих находил странное облегчение своей больной душе...

– Ты олух! – накидывался он на брата. – Вернулся из Америки. А я вот в Америку поеду!.. К черту здешние места и здешних людей. Америка!.. Страна размаха, страна свободы... Там я сумею добиться своего.

«Своего? Чего своего?».

Грубо, с нарочитым цинизмом говорил он, что добьется власти, богатства. Самые красивые женщины будут в его распоряжении, самая безумная роскошь будет к его услугам, только это ему нужно, только это он признает...

Однако же незаметно для самого себя он переходил к тому, что тяжело и мрачно живется народу, и снова, как и раньше, как и тогда, когда не была подорвана его вера, со скорбью и силой говорил он о необходимости перестроить всю жизнь, все отношения людей. Опять трепетала его душа живым и правдивым трепетом, опять к подвигу рвалась она, но лишь только замечал это Симон, он тот же час менял тон, менял смысл своих речей и с резким бахвальством начинал твердить, что нет, нет, это все вздор, это остатки прежней трухи и уж теперь он умнее будет, и только о себе, о своей шкуре, о своем благоденствии будет он заботиться...

Он окончательно решил уехать в Америку. Тесно было ему здесь, противны сделались и люди, и порядки, и земля, и небо. «Уехать»! Остановка была только за деньгами. Их не было, и негде было их достать. Холера же распространялась все сильнее, фрукты продолжали гнить на деревьях, нищета надвигалась на Азриэля, на всю семью вплотную...

Уже настал август, первые числа месяца. Вечер был тихий и свежий и отягченный плодами, такими сочными, такими красивыми, в грустном недоумении стоял сад. Молодой и сильный, он весело творил: весной покрылся белым цветом, потом оделся шумливой листвой и на радость людям родил эти прекрасные милые фрукты – золотые яблоки, душистые сливы и виноград, такой крупный, такой прозрачный. Но всем этим никто не пользовался, и вяли, и гнили, и разлагались заживо фрукты на деревьях и на лозе. Печален был вид прекрасного сада, печальны были люди, работавшие в нем, –

тяжелый Азриэль с голубыми глазами и его семья... Можно было бы подумать, что это от безумной Суры, от тихого плача ее помутневшей души отделяются какие-то отравленные туманы и бедственным облаком окутывают весь этот обширный, прекрасный, но заразой и смертью напоенный сад...

Семья сидела у камышового шалаша за вкопанным в землю столом. Большой жестяной чайник стоял посреди стола, и Калман разливал чай.

Сура блуждала неподалеку между деревьями, высокая и сухая. Она воображала, что развешивает по веревкам белье, об этом можно было догадаться по жестам ее и по некоторым отрывистым словам. Порою она прерывала свою «работу» и принималась пристально вглядываться то в землю, то в небо, тихо синее среди темной листвы.

– Глупое ты существо, ничтожное существо! – сердито говорил Симон Азриэлю, выплескивая на траву остатки чая. – Жил ты в стране свободной, молодой, прекрасной... Был независим, мог делать что угодно, говорить что угодно, слушать что угодно – зачем же было возвращаться сюда, на эту каторгу, под это ярмо... Раб ты! Раб по природе!

– Я не раб, – обиженно, но несмело возразил Азриэль.

– «Домой» захотел, – саркастически передразнил Симон брата. – Нового разорения захотел, новой нищеты...

– А кто же знал, что будет холера? – поникнув, процедил Азриэль.

– В этой стране всегда что-нибудь есть! – глаза Симона злобно засверкали. – Не холера, так погром, так военное положение, так голод. Выбор богатый, и всегда что-нибудь на тебя свалится... «Домой»... стосковался!.. Дубина синеглазая...

Он взял кусочек сахара, положил на него нож острием вниз и сверху ударил ладонью. Мелкие кусочки сахара брызнули во все стороны.

– Вот, нету от Сонюшки письма, – с тяжким вздохом протянул Калман. – Все нету письма...

Темнело, и темною грустью веяло от тихой жалобы старика. Ни один листок не шевелился на деревьях. Звезды загорались в небе, неясные еще и бледные.

– Ты все ругаешься... Ты все сердисься... – с неожиданным волнением заговорил вдруг Азриэль. – Ругаешься... А... а... например... а вот видишь ты... вот это дерево... яблоню?

– Какую яблоню?

– Яблоню... Вот эту... И у нее корни... Вот, покопай землю – увидишь... Там корни.

– Ну, корни.

– Так вот эти самые корни... например... они же в земле... они же ползут в земле... Значит, и тесно им там... и темно... Сырость тоже... И там бывают же черви...

Видно было, что Азриэль сильно волнуется. Какие-то мысли – для него слишком сложные – тревожно теснились в его голове, он чувствовал потребность их немедленно выразить, а слова по обыкновению приходили с задержкой...

Симон с удивлением посмотрел на брата.

– Ты что-то расфилософствовался сегодня, – насмешливо проговорил он.

– Смеешься!.. Смеяться легко... – Азриэль встал и для чего-то взялся рукою за ствол дерева. Точно боялся он, что не устоит в словесной баталии, которую затеял с братом, и искал опоры...

– Таки черви, – сильнее волнуясь, продолжал он. – И теснота, и темнота, и все... Ну хорошо... А например... а выкопай эти корни... Ну-ка, выкопай их! Вытащи их наверх... И скажи им: нате вам, корни, солнце, нате вам свободный воздух, нате вам, корни, небо, а тут вот вам трава... зеленая... И она пахнет... Так что?.. Так корень обрадуется?.. Корень будет жить?.. Я не понимаю... Он же сейчас засохнет!.. Ну и я не могу... Дразнишь... ругаешься... Ты читаешь книги, прокламации... как присяжный поверенный. А я все-таки не могу... Американское солнце... Я засохну... Мне не надо... Я не могу...

Азриэль возбужденно зашагал взад и вперед... Он, видимо, хотел говорить еще, но волнение мешало. Голос его при последних словах дрожал, и при свете звезд было видно, что в больших синих глазах парня сверкали слезы...

– Смейся... Дразни, кричи на меня... – с усилием проговорил он потом. – Кричи... А я вот хочу так... Домой хотел... И все...

Симон молча смотрел на брата, и лицо его было задумчиво и печально.

– Больше не буду дразнить, – глухо сказал он. – Я завтра уезжаю... Туда. В Америку... Я добыл деньги... Пароход уходит утром. Сегодня мы в последний раз проводим вечер вместе... Туда, в страну свободы, – мечтательно проговорил он после некоторой паузы.

И, постепенно загораясь, он продолжал:

– Буду работать, буду учиться, буду узнавать... все постараюсь узнать!.. Ведь так мало я знаю... и понимаю... Начатки одни, обрывки, верхушки... И путаешься, и сбиваешься, и попадаешь в провалы... Ужас ведь, что начинаешь говорить!.. Все, все до конца, все до дна надо узнать!.. О Б-же, как это прекрасно. Дышать свободой, говорить громко и смело, и каждый день узнавать все новое и новое – именно то, что нужно говорить другим... И чувствовать, что растет в тебе человек, тот человек, которого в тебе здесь забивали и убивали, – он растет и крепнет, и зреет, и развивается. Чувствовать, что ты от солнца берешь лучи, от неба – мудрость, от океана – силы... Б-же мой!.. Америка... Свобода!.. Источник силы, света!.. И я увижу его, увижу!

Он говорил горячо, почти вдохновенно, и вновь с тою светлою молодою искренностью, которая безраздельно владела им так еще недавно и отсутствие которой с таким скорбным изумлением отмечал в нем старый Калман в последние месяцы. И видимо сам он радовался этому воскресению своему и трепетно упивался охватившей его чистой волной... Точно теплым майским дождем оросило его душу, точно вся благоухающая прелесть этого тихого вечера вдруг вошла в нее и растроганная, полная

нежности и грез, и надежд, окрыленная, она опять порывалась вверх к чистоте бессмертной, к любви сияющей...

Он подошел к брату и взял его за обе руки.

– Азриэль! Вот ты опять потерял здесь все – уезжай опять! Едем вместе, едем оба.

Молодой месяц стоял над садом, над черными деревьями и серебряными лучами озарял поднятое кверху лицо Симона. Лицо это, худое, тонкое, светилось теперь нежностью и лаской.

– Нет, – насупившись, проговорил Азриэль. – Я обнищал опять. Ничего... На будущее лето я наймусь рабочим... вот в этом же самом саду... и останусь жить здесь... дома.

– Там наш дом, Азриэль! Он будет там!

Азриэль освободил свои руки из рук Симона и отошел в сторону. Лицо его сделалось угрюмым, почти злым.

Все молчали.

Черные тени тихо лежали на посеребренной земле, черные деревья густым строем стояли и справа, и слева, и меж ними, то приближаясь, то удаляясь, с невнятным бормотанием бродила высокая Сура.

– Видите ли, дети мои, – тихо начал Калман. – Вот значит и выходит так: «домой»... Каждый из вас тянется домой... Ну да... А я вам таки скажу, что это значит... Да, я скажу вам.

Он запнулся и умолк.

Маленький, тощий, с длинной бородой, весь искривленный, весь покрытый густой тенью толстой старой яблони, он похож был на гнома.

– Да, кажется мне, что оно так: вот ты, Азриэль, говоришь «домой» – и тянешься в Россию. А ты, Симон, тоже говоришь «домой» – и рвешься в Америку... Каждый хочет домой... И вот оттого, что каждый хочет, и крепко хочет, и очень, очень крепко хочет, оттого все и слава Б-гу... Да.

– То есть что же это – «слава Б-гу»? – тихо спросил Симон.

– Да, слава Б-гу... Конечно, когда пятьдесят лет сряду кладешь печки и ворочаешь кирпичи, то от этого мозг не становится деликатнее... И слово само делается, как кирпич... Тяжелое... И уже не поворачивается оно... И конечно, не такой уже я знаменитый профессор, чтобы это объяснить... Да... Но только мне кажется... Поезжай, Симон! – прервал себя старик, спутавшись окончательно. – Поезжай, дитя мое!.. Оттого, например, что ты едешь туда, а он – сюда, и каждый ищет, и каждый хочет, и каждый свое любит, – оттого все и слава Б-гу... Если сидеть на месте и гнить не двигаясь, и не искать, то это таки был бы конец. Последний конец!.. Но каждый ищет свое «домой», – где ему

будет хорошо, где другим будет хорошо, где всем будет хорошо... И вот это, это таки спасает!.. Крепко ищет, и крепко любит... свое «домой» ищет и любит.

– Я никуда не поеду, – упрямо отозвался Азриэль.

– Ой, ищут, ой, ищут свое «домой»!.. Каждый по-своему... И Сонечка тоже искала... Нету, нету еще письма от Сонечки... Да! Но письмо будет... И пока еще ищут, до тех пор таки и слава Бгу... Да... И оттого мы еще живем на земле, что ищем свое «домой». И других мы оттого пережили... А если бы перестали искать, то перестали бы и жить... Завтра пароход, Симон? Утром? Поезжай утром. Поезжай!

Симон подошел к отцу, положил обе руки к нему на косые плечи... С удивлением и взволнованный смотрел он на сморщенное измученное старческое лицо... Луна освещала верх соломенной шляпы, которая была на старике, и нижний край его бороды. Лицо же все было заткано прозрачной зеленоватой тенью, из тени этой старческие глаза смотрели бодро, ласково, с любовью и несколько виновато...

– Я же тебе говорю: слова как кирпич делаются... И трудно дать понять... Но сам я... во внутренности, в своем сердце – я это очень понимаю... Ты тоже должен понять... Симон... Ты же – Симон!.. И одним словом: будут времена, сын мой! Не бойся – и поезжай себе утром...

Из-за камышового шалаша показалась высокая фигура Суры. Женщина приблизилась к столу, остановилась у черного ствола яблони и голосом отчетливым, сильным проговорила:

– Домой... домой... домой...

Месяц ласково смотрел с далекого неба и сиянием серебра одевал и землю, и людей, и желания их, и грезы...

«Адаиёёё і ёё», үі ääü 1909 ä ää

ΠΤΙΧΚΕ

Nài óèë Ì àðσàé

Èç Õ.-Ì. ÁΒÈÈÈÀ

Ì ðéáìò òάάá, ì òάσéà! Ì ðéáìò, áì ðì áü!

Èì ì íá ì ðéäò äéà ò ù ñ þä..

Áóσà ì ì ðì áì ùì ò áì èì ì áü ÿì ñéó: äü,,

Áááì ì ñò ì ñéì áäéáü, ì ì áðóáü!..

Òáé ñì ì é æá ì ñò ðáì áð áäéáéèð, é ðáü ñé áü ò..

Ñéáæé ì ì á, ðì äèì äü ì òάσéà,

Óæáéè á é ðáü ÿ éó: áçà ðì ì-ñ: áñò è è áü ò,

Èàé çäáü, áüì ò ì ñéè è áì è òü æéì?..

Ì áü ñóü è è ì ðéáìò ù ì ò áðáò ùü á Ñéì í á,

Áäéáéèð è ñò ðáì ò ì ì é þáéì ù ò?

Ñéáæé ì ì á, ñéü òáéè èü ì ì è ì ì è ñò ì ì ù,

Ðüááì èü áðáò ùü á áì èì ù ò?

È çì þò èè, ñéì èü èì áðáá á ááü ì ù ááì ù ò

Á : óæáéì á ì áì ü ì é ðæááò?

Ì, ì ì é æá ñéì ðáé ì áì è èì áð ì ò ðááì ù ò,

Ááá ü ðéì á ñéì óá ñéü áò!

Ì áü ñóü è è ì ðéáìò ì ò óááò ì á Èì ðááì á,

Áá ááçì ü ò áæì ì é áì è èì ù?

Ñéáæé, èçéá: è è è è òü æáéóþ ðáì ó

Á-ñ ì áü ó ðì áì ì é Ì äéáì ò èì ù?..

À äiëü Nãðíà, Èääíú ääðeíà
Íí-íðæíàí óëüëþò àðíí àòú?..
×òí ñëãíì Èèääíà - äääáé èñííèèíà,
Íðíí óëñý ëü òðääíäé íáúýòúé?..
È ñòäëþòíý æáí ÷óãí ðííú Óaðí ííà
Èëüèàíàþò òèòí ñëàçàí è? -
Áñà òàé æáëü äéääòèò Èíðääí ííèóñíííúé,
Æóð:-èò äéóáúí è ñòðýì è?..
À òó:-è äñà òàé æáëü Ñèíí íéðæèèè
Ííáíáèàí ñíð ðà:-ííé ñàòèè?..
Î, ñííé í çàí èá òú, äää æèçíú í àðíäèèè
È äääëü íàøèè í íè íðääèè!..
Çàáýèè ëü óääòú, ÷òí äãííé í àñæääè ý,
Èàé äéáéíó è ñàí ý, óíúëüé..
À ýðéí è í íúíí òíääà ðàñðääòàè ý -
Íí äéáíóò í íãð:-èá ñèèü..
Ñèàæè, ÷òí òááá í íè íáñí è øáí òàèè?..
Óú æääòúèè, ÷òí á ííçáíí èëü ðáíí
Òà í áñí è, í ðííí óáøèñí, ñàðääòà áçáóøääèè,
Èàé äàòðú äóáðàáó Èèääíà?..
Áää áðàòúý, ÷òí ñáýèè øéää ñííé, ðúääý?
Ííæàèè èè ñí áñíýì è íèáó? -
Î, äñèè áú èðúëüý - äçèàòæ áú òóää ý,
Áää çðáþò í èí ääëü è íèèää!..

Í ðéáò ò áá, í ò àσéà! Í ðéáò, áí ðí áÿ!

Î ÿ ò ù í ðéé à ò áé à ò ú ñ þ á!

Á ó à ñ ò î ñ é î á è à ñ í, î î í á ñ á ñ é ó: à ÿ...

Î, î î é, ç à è á è ñ, î î ä ò á!

«Á á ð é ñ é à ÿ æ è ç í ú», ¹ 10, 1906

МАМОНТЫ В ОБЛАКАХ

Ėāīēā Ėīāēū

Когда на Мошке Фундатера, пятнадцатилетнего еврейского мальчика, как звезда с неба, упала любовь – первая и последняя, он ничего лучшего не мог придумать, как пойти к реб Иццоку. Реб Ицхок не был Мошке ни близким, ни даже дальним родственником, но он был ребе, а в те давние времена было принято обращаться со всеми

своими бедами и радостями к раввину, которого наивные жители местечек считали доверенным лицом Всевышнего. Блажен, кто верует, но со времен благополучного избавления от египетского рабства еврей нес раввину свою душу на вытянутых ладонях, на которых нередко рядом с ней, душой, оказывались и вполне материальные предметы, от которых было грех отказываться, ибо сказано: отвергающий добро творит зло. Так что же остается простому еврею? Следовать заветам предков, беречь как зеницу ока то, что в народе передается от отца к сыну, и не дай Б-г, чтобы кому-то пришла в голову кощунственная мысль отменить или исправить правила, сложившиеся на протяжении тысячелетий еврейской истории. Кому это может взбрести в голову считать себя умнее всех своих предков и повернуться к ним спиной? Мошке все это прекрасно знал, он посещал хедер, учил Тору, зубрил Талмуд и не видел никаких причин не делать того, что обязан делать каждый еврей.

И все равно он не пошел бы на сей раз к реб Иццоку, не приснись ему этот красный, как земля в долине Сеннаар, сон. Это уже потом, проснувшись, Мошке понял, почему весь сон был окрашен красным, как кровь, цветом. Ну конечно же, потому, что Б-г вылепил первого человека из красной глины и назвал его Адамом, что по-еврейски и означает краснозем. И жене Адама, подумал Мошке, Всевышний дал такое же точное и конкретное имя: Хава – несущая жизнь.

Мошке не стал бы, проснувшись, разбираться с этими именами, но ему вдруг захотелось узнать, что же обозначает имя его возлюбленной – Песя. Свое полное имя – Моисей – и что за ним стоит, Мошке знал давно, но Песя... До вчерашнего дня ему и в голову не приходило, что это имя поднимет его в небо. Мошке повторял это имя, это слово, оно рождалось в груди, как стон, и медленно, тягостно медленно, как мед, поднималось к гортани, обжигая ее сладостью. А когда из гортани оно выкатывалось в рот и из него, наполнив его сладким медом, вырывалось наружу, то вдруг преображалось в шелест леса, течение реки, порыв ветра. Странно, что еще вчера утром он не знал ни вкуса этого имени, ни самой Песи, и если бы он не узнал ее, то никогда бы не увидел этого красного, как пламя, сна. Но вчера он увидел Песю, вчера подарил ей первого мамонта – с чего это взбрело ему в голову подарить ей именно мамонта? – и в первую же ночь оказался он в раю. Может быть, подумал Мошке, это был не сон и он на самом деле жил эту ночь в раю, вместе с Адамом и Хавой гулял по райскому саду и ему было стыдно и сладко смотреть на них, обнаженных, особенно на Хаву? Но счастье было в том, что они сами этого не знали, ибо уже потом Всевышний в гневе воскликнул: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» Но это произойдет потом, а сейчас Адам и Хава, невинные и святые, гуляли

по райскому саду, и Мошке подошел к ним и спросил, может ли он привести сюда Песю.

– Песя – это твоя Хава? – догадался Адам и, тронув рукой латаную-перелатаную Мошкину одежду, спросил с удивлением: почему у тебя такая странная кожа, Человек? Ведь ты такой, как я, смотри, какой я гладкий, белый, чистый. И Хава...

– Песя очень на нее похожа, – сказал Мошке, – вот увидишь.

– Возвращайся скорее! – крикнула ему вдогонку Хава, когда Мошке, наскоро сотворив из облаков мамонта, отправился на нем за Песей. А она уже ждала его у своего дома, и Мошке не удивился, увидев ее, закутанную в легкую прозрачную ткань, которую сорвал ветер, едва пустились они в обратную дорогу. Когда Мошке посмотрел на себя, он увидел, что и его тряпье летит вслед за Песиной накидкой. Мошке смотрел на Песю и поражался ее сходству с Хавой, и это сходство еще более стало очевидным, когда они вместе гуляли по райскому саду, а он и Адам шли чуть впереди, приподнимая перед Хавой и Песей тяжелые ветви деревьев, усеянные диковинными плодами, и листья падали к их ногам, стелясь красным ковром, дабы уберечь ступни их девичьих ног. Хава повела Песю к дереву, росшему в самом центре сада, на нем висели самые лучшие в саду яблоки, красные, налитые прозрачным соком, они так и просились в рот. Но Хава дала Песе только поиграть ими, отчего она вся зарделась и Мошке, перехватив ее взгляд, почувствовал такой удар крови, что чуть не проснулся.

Мошке не знает, чем бы закончилась эта прогулка по райскому саду, если бы Адам не пригласил всех полетать над землей и посмотреть на людей.

«Каких людей, – подумал Мошке, – если кроме нас никого еще вообще нет на земле?»

Но эта мысль, мелькнув как опавший лист, тут же угасла в его сознании, и он вместе с Песей, Адамом и Хавой стал парить над долиной Сеннаар, омываемой Тигром и Евфратом, как вдруг до него донесся многоголосый человеческий крик и в то же мгновение огромное белое облако пыли укрыло землю, будто на нее набросили саван.

– Рухнула Вавилонская башня, – сказал Адам.

– Почему она упала? – в страхе спросил Мошке.

– Потому что Отец наш решил наказать людскую дерзость и смешал языки, – услышал Мошке в ответ.

– Про это я уже читал, я хожу в хедер, – сказал Мошке.

– Он много читает, – добавила Песя.

– Что он много делает? – спросила Хава, но Мошке уже задавал Адаму вопрос, который вдруг осенил его, как молния:

– Но если Б-г смешал языки, почему мы понимаем друг друга? Ты и Хава? Я и Песя?

– Спроси у реб Ицхока! – успел услышать Мошке в ответ и проснулся.

Разве мог после этого Мошке не пойти к реб Ицхоку? Он пришел и, умолчав о своем красном библейском сне, задал мудрому старику один из своих вопросов:

– Реб Ицхок, – спросил Мошке, – если один человек любит другого человека, они могут очутиться у ворот рая?

– К вратам рая нас может вознести только молитва, идущая от сердца, сын мой, – ответил ребе, – поэтому в раю поселяются души праведников, покидающих по воле Б-жьей нашу грешную землю.

И тут Мошке впервые в жизни посмотрел на старика с недоверием и подозрением. У Мошке была светлая голова, и он запоминал наизусть то, что поражало его воображение. И то, что он вспомнил сейчас, было как раз из этой категории, а из этой категории было письмо Исроэла Бешта, которое тот написал чуть ли не двести лет назад своему шурину Гершону. В первый день Рош а-Шона, сообщил Бешт, я, вернее – моя душа при помощи знакомых тебе заклинаний поднялась в небо и увидела там такие чудеса, которые еще никто и нигде не описал. Когда душа моя очутилась у врат рая, то она узнала много знакомых и незнакомых лиц, облетевших мир от края до края на луче... Я долго бродил по небесам, пока не очутился в Храме мессии...

Мошке подумал, что и он сам мог бы сейчас написать точно такое же письмо или в крайнем случае рассказать обо всем реб Ицхоку устно. Но ему не хотелось обижать старика, и уже больше для приличия, чем для интереса задал он ему один из своих вечных вопросов:

– Реб Ицхок, – спросил Мошке, – что такое любовь? Это все равно, что душа? Или душа – это только то место, где живет любовь?

Пятнадцатилетний влюбленный мальчик вдруг почувствовал свое превосходство над седым, в длинных пейзах мудрецом. Тот уловил в голосе Мошке эти странные нотки и от удивления зажмурил свои абрикосовые глаза. Но отвечать он должен был, хотя понимал, что его гость уже заранее знает ответы. Реб Ицхок остался верен себе.

– Если говорить о душе, Мошкеле, – слукавил старик, – то твои древние предки считали, что она обитает в крови и потому нам нельзя есть мясо до того, пока из него не будет удалена вся кровь, и тебе, как еврею, это должно быть известно. – Реб Ицхок посмотрел мальчику в глаза и увидел в них плохо скрытую улыбку, но отступить не стал. – Теперь, сын мой, я скажу тебе еще одну истину, тоже известную каждому еврею: любовь не что иное, как суета сует, ибо сказано: все браки совершаются на небесах, и наш Г-сподь за сорок дней до рождения ребенка назначает ему жену или мужа в его предстоящей жизни. Ты задал мне трудные вопросы, сын мой, – улыбнулся ребе с облегчением и добавил – краснеть так краснеть: – Тебе, Мошкеле, следовало бы еще раз повторить про себя Б-жественные заповеди, в них ты найдешь все, что нужно знать человеку на все случаи жизни, и это тоже известно каждому еврею.

Реб Ицхок мог этого не говорить. Мошке знал все наизусть. И то, что Всевышний на горе Синай открыл пророку Моисею, как учитель ученику открывает алфавит, десять заповедей морали, и то, что Моисей построил скинию-святилище и ковчег из дерева ситтим и обложил его чистым золотом снаружи и изнутри, а затем возложил в него скрижали с десятью заповедями. Мошке мысленно повторил их:

почитай отца и мать свою; не желай жены ближнего своего, ни раба его, ни вола его, ни осла; не укради; не убий... Мошке повторял заповеди и вдруг поразила своей кошунственной мысли: в заповедях нет слова о Любви. Сам Всевышний не решился заточить Любовь в золотые одежды заповедей.

Всевышний смешал языки для всех, кроме влюбленных.

Мошке посмотрел на реб Ицхока, как на памятник, – с уважением и сожалением.

...Конармейцы лежали на опушке леса, среди травы с густыми побегими подорожника. Мошке потрогал руками серебристо-серые листья, между которыми трубочками поднимались вверх желтые цветочки, напоминая вставших на хвост змей. Семена посыпались на лицо, попали в рот, катились за ворот. Мошке лежал, словно перевязанный этими длинными желтыми веревками цветов.

По небу плыли облака, и одно из них как две капли воды было похоже на голову мамонта. Мошке стоило только приделать к голове туловище и четыре ноги – благо хватало для этого облаков. И вот поплыл по небу огромный мамонт. Подгоняемый ветром, он помчался, полетел в сторону Бобруйска, где его, мамонта, ждет не дождется Песя.

«Все началось с мамонта», – любил повторять Мошке. И сейчас он мысленно произнес эти слова, и они, словно ангелы, подхватили его и унесли высоко-высоко в небо и по нему – далеко-далеко назад, на целых три года назад, и опустили в тот день, когда он впервые увидел Песю. Тогда ему было пятнадцать лет. Что такое пятнадцать лет для бедного еврейского мальчика в те годы? Это голод, холод, заштопанные штаны, залатанная рубашка, прыщавое лицо и глаза, наполненные слезами и тоской, как колодец водой и дохлыми котятками. Пятнадцать лет – это распухшая голова от желаний и невозможности их осуществить. И смутная, как весенняя прохлада, надежда на любовь. С большой буквы и маленькой тоже.

... Однажды на каком-то пепелище – их хватает на земле, когда по ней идет война, – Мошке нашел в золе серебряное кольцо. Скорее это было бывшее кольцо, потому что края оплавилась, и надеть его на палец нельзя было, не поранившись. Серебро почернело, и на его поверхности, словно на коже лица престарелого человека, появились темные, как маковые зерна, пятна-точечки. Мошке долго разглядывал свою находку, озирался по сторонам, будто искал хозяина этого кольца. Но кругом лежала лишь выгоревшая земля, спаленные хаты, и черный пепел присыпал стежки между бывшими домами. Вдали на окраине конармейцы расседывали лошадей. Они устали, и лошади, и люди: это работа не из легких – рубить врага пополам. И теперь они, смиря возбуждение, пытались отойти от недавнего боя. Конское ржание, людской говор, смех доносились до пепелища, и Мошке никак не мог понять, что реально, а что нереально в окружающем его мире: обуглившееся серебряное кольцо или то, что ветер приносил с окраины только что взятой польской деревушки. Мошке стал пристальнее разглядывать кольцо, словно стараясь убедить себя в том, что происходящее не сон, а реальность, и тут он обнаружил на внутренней стороне кольца какие-то буквы. Мошке приблизил находку к глазам, вгляделся и вскрикнул от неожиданности: две буквы еврейского алфавита, витиевато переплетаясь, четко выделялись между оплывшими гранями – М.П. Ошеломленный Мошке выронил кольцо в пепелище и отступил на несколько шагов – так бывает, когда человек неожиданно видит перед собой смерть. Когда Мошке опомнился, он захотел еще раз взглянуть на кольцо, на две буквы, эти

таинственные и манящие знаки, и бросился к тому месту, где уронил его. Мошке стал лихорадочно разгребать золу руками. Пот прошиб Мошке, он размазал его по лицу вместе с черной золой, но кольцо не находилось... И Мошке подумал, что все это ему показалось, что не было никакого кольца с двумя буквами еврейского алфавита, что это – всего лишь наваждение, а жизнь с конским ржанием и людским смехом билась там, на окраине сгоревшей польской деревушки, и Мошке побежал туда, к людям.

Мошке бежал, задыхаясь от нетерпения, и вместе с ним по небу бежали облака, густые бело-синие над головой, постепенно, по мере приближения к горизонту, чернеющие. Между облаками в редких просветах синело небо. Казалось, оно заглядывало в щели, как любопытный ребенок, чтобы посмотреть, что там творится на вздыбленной войной земле.

Что могло увидеть небо на этой земле? Ничего такого оно не могло увидеть, кроме бегущего по пепелищу польской деревушки красноармейца-буденовца, приземистого, как такса, человечка, только что потерявшего в пепелище чужое серебряное кольцо с двумя буквами еврейского алфавита. Небо не могло знать, а может, знало – ведь оно все должно знать, – что человек этот успел прочитать две хитросплетенные воедино буквы, и теперь всюду, куда бы он ни глянул, видел их тонкую таинственную вязь. «М» и «П», «М» и «П», «М» и «П» – Мошке и Песя, Мошке и Песя, Мошке и Песя – каждый шаг в такт отбивал эти имена, и бежавший Мошке боялся остановиться, чтобы не прервалась эта чудная музыка, бившаяся в нем, как сердце. Облака не отставали от него, они знали, что нужны этому бегущему человечку, и они разрывались на части, опережая Мошке, и снова сливались в одну большую тучу, как бы подчиняясь Мошкиной фантазии, готовые по его первому взгляду превратиться в огромных мамонтов. Но Мошке было сейчас не до них – перед его глазами чернело кольцо, и он чувствовал на пальцах следы ожога. Неведомый доселе страх вошел в его сердце, страх липкий, жирный, от которого можно было задохнуться. Страх был такой, какой Мошке почувствовал под Молодечно, когда кавалеристы ринулись на белополяков, и один из них рубанул саблей по подпруге Мошкиного седла, и он вместе с седлом перелетел через голову коня. И когда он летел через голову, то успел подумать, что шея коня с земли кажется длиннее, чем сверху, когда летишь через нее. Ой как хотелось Мошке, чтобы эта шея никогда не кончалась, потому что с кем же останется Песя, если эта шея быстро кончится.

Огромные бело-синие мамонты улетали за его спину, и Мошке сбавил бег и унял сердце, которое билось как барабан. Он увидел расседланных лошадей, своих боевых товарищей, но тревога не уходила из него, будто ей очень захотелось попариться в горячем Мошкином сердце. Наконец он остановился, передохнул и с разбега упал в траву. Солнце, выплывшее из-под облаков, ударило Мошке по лицу теплой, даже горячей рукой, он невольно запрокинул голову и увидел перед собой синее небо, точно такое, как Песины глаза, которые неожиданно посмотрели на него в то прохладное весеннее утро, когда он шел по главной, Муравьевской улице города Бобруйска...

Через плечо у Мошке была переброшена веревка от лотка, на котором источали свои ароматы баранки, булочки, печенье, испеченные бабушкой Дыней. Редкий прохожий бросал грош или копейку и, на ходу съедая горячую сдобу, спешил по своим делам. Торговать Мошке так и не научился. Может быть, потому, что стеснялся людей. Он стеснялся показываться людям, потому что постоянно видел себя как бы со стороны. И что он мог увидеть при этом? Коротконового мальчика с носом картошкой, с круглым, как блин, лицом, с лукавыми глазами, смотревшими на мир с

вечным немым укором, неизвестно только почему. Эти глаза, казалось, так и норовили выкатиться из орбит, словно им было мало того, что они видели, им обязательно хотелось увидеть мир своей, другой, скрытой стороной. Не все выдерживали затяжной жалящий взгляд Мошкиных глаз.

Только Песя, увидев его впервые, выдержала и улыбнулась. А потом подошла к нему и сказала:

– Какой ты смешной, мальчик! – и рассмеялась так, что в глазах Мошке стало танцевать солнце, а за ним и он сам, и Песя, и весь-весь мир. Он вдруг растворился в солнечном танце, растворилось небо с пушистыми белыми облаками, улицы и голые, еще зябнувшие по утрам деревья – все завертелось, запрыгало и увлекло его за собой. А когда он открыл глаза, то увидел новый мир – перламутровый с примесью аквамарина. В одно мгновение оделись в зелень деревья, раздуло веселые щеки небо, заблестела умытая весенним дождем улица, и витрины магазинов улыбались ему, как человеческие глаза.

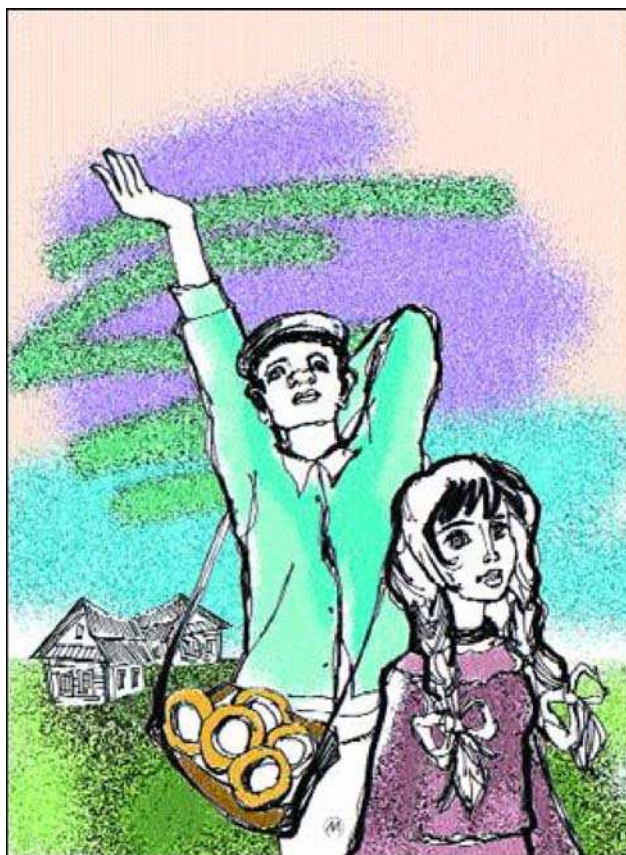
Постепенно из нового мира выплыло лицо девочки с серыми глазами и белой, как парное молоко, кожей.

– Ты кто? – спросил Мошке.

– Песя. Мой папа Самуил Шендерович работал банщиком. Он всем делал красную спину и умер. А ты кто?

– Я Мошке.

– Здравствуй, Мошке, – сказала Песя. – Посмотри, какие красивые облака.

И что, вы думаете, тут произошло? Ничего особенного, если не считать, что именно в этот момент Мошке увидел первого мамонта. Он увидел сначала его голову, огромную – наверное, на четверть неба. Но стоило Мошке захотеть – а он вдруг очень захотел, – как соседнее облако подплыло к мамонтовой голове, пристроилось к ней и обратилось в туловище. Теперь Мошке осталось дорисовать хвост и ноги. Это был суший пустяк. Уже через две секунды за Песиной спиной летел подгоняемый ветром живой древний мамонт.

– Песя, – сказал Мошке, не сводя глаз с неба, – хочешь, я подарю тебе мамонта, хочешь? Подожди, только наброшу на его шею веревочку, и ты поведешь его по улице, как собачку. Хочешь?

– Хочу, Мошке, – сказала Песя.

– Ну так бери его, вот он за твоей спиной.

Она спокойно повернула голову, и посмотрела на небо, и увидела мамонта, которого нарисовал Мошке, и взяла в руки конец веревочки, и повела мамонта за собой.

Представьте себе, что случилось с Муравьевской улицей Бобруйска, когда по ней шла Песя с мамонтом на веревочке, а рядом с ней шел Мошке, словно царский паж, но с лотком на шее, и его круглые лупастые глаза сияли, будто золотые червонцы. Мамонт не отставал от них ни на шаг – он плыл по небу тихо и покорно, как огромный бумажный кораблик. Свободной рукой Песя взяла руку Мошке, и он почувствовал теплоту ее кожи, мягкой и нежной, как воздух...

РАНЕНЫЙ

Ėāī ēā Āī āōōā

Перед моими глазами часто встает один печальный и тревожный образ.

Это было в Петрограде, на лестнице громадного нового дома, где в одной из квартир устроен частный лазарет; когда я вошел в швейцарскую, чтобы пройти к знакомому, она была полна только что прибывшими ранеными, и у зеркальной двери толпились любопытные. Дом этот новый, богатый, и лифт, на котором поднимали раненых, заботливо обтянули какой-то холстиной: иначе испачкают бархат и напустят насекомых в щели.

Наверху раненых ласково встречал у лифта какой-то священник и человек в белом балахоне; и раненые, поцеловав руку у священника, видимо, смущаясь слишком яркого света и роскоши, неловко и молча входили в открытую дверь лазарета. Тяжелых, на носилках, не было, все шли на своих ногах; смотреть на них было очень тяжело.

Daí áí úé 13-èàòí èé áíáòíáíéáö Èíñèò Áóòí áí.

1915 áá

В одной из последних партий, поднятых лифтом, один раненый солдат как-то особенно стал всем заметен. Это был молодой, худенький, небольшого роста, страшно бледный еврей, простолюдин; и все раненые были бледны, но у этого бледность носила тот несколько зловещий оттенок, какой бывает у людей истощенных, малокровных или безнадежно больных. Он шел сам, слабо перебирая ногами, и, как и все, поцеловал, наклонившись, руку у священника; но едва ли он понимал, что делает, и в этом поцелуе не было ни хорошего, ни плохого. Ранен он был, по-видимому, в руку, которую нес оттопырив: часть пальцев была обмотана, а другие, живые, были покрыты корою грязи и крови. Но на шинели, на спине, темнело большое коричневое пятно крови – очень большое, в полспины; и среди мягкой по сторонам материи оно стояло как накрахмаленное, не сгибаясь. И в этом страшном пятне скрывалась вся простая история боя и раны.

Βαί αι ύά μῆääò ú-äääè á èçàðìò á

1915 ää

Но заметным делало солдата не это пятно, которое было и у других, а его бледность, худоба и мелкота и, при бледности, выражение совсем особенной пугливости и как бы незнания: так ли он поступает и туда ли пришел. У других раненых, неевреев, такого выражения не было: они смущались, но не робели и в дверь шли прямо.

И тогда мне вспомнился рассказ одного военного санитаря, ходящего с поездом, что раненые евреи стараются не стонать. Этому трудно было поверить, и я сразу не поверил: как возможно, чтобы раненый, только что подобранный, лежащий среди других раненых, старался не стонать, когда все стонут? Но санитар подтвердил свой рассказ и добавил: они боятся привлекать на себя внимание.

Βαί αι ύά μῆääò ú-äääè çà í àññäèüí íé òðàí çíé á Ĩ àò ðíääää

1915 ää

Еврей-солдат ушел за другими в лазарет, и дверь закрылась; но образ его, печальный и тревожный, остался перед моими глазами. Конечно, и он старался не обращать на себя внимание – в этом разгадка его пугливости; и когда его перевяжут и уложат, он также будет стараться не стонать. Ибо где его право: стонать громко? Очень

возможно, что в Петрограде он не имеет даже права жительства и допущен только как обладатель раны: право непрочное; и то, что для других родной дом, для него нечто вроде почетного плена: подержат, подержат, а потом и выпустят, скажут – ступай, ты здесь быть не должен.

А если к нему захочет приехать мать, или сестра, или отец, которые также не имеют права жительства, но которым хочется и надо поцеловать эту кроваво-грязную руку, защищавшую какую-то Россию, руку сына, – тогда как?

Но эти размышления и вопросы пришли потом; а в ту минуту, как я моими мирными глазами видел это кровавое заскорузлое пятно, и эту страшную бледность войны, и этот ненужный страх перед родными, – мне было только тяжело и печально, как никогда.

Δαι αί υπε μῆααὸ-ααδῆε ἄ εἶααδῆὸ ἄ

1915 ἄἄ

Ἐὲὸ ααὸὸδὶ υπε μῆαδὶεε «Ἰεὸ», Ἰ ἱηῆἄ, 1916

*Ἐμ ἱεῦῖαἄἰ ὑ οἶὸ ἱααὸεε ες αὸδὶ αἶῖἄ “Ἰ ἱαῖε Ἀἱπῖἄ” ε “Ἀαδῆεαῦ ἱ αἶἄεῦ” 1915
ἄἄ*

ХАНУКА В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

Ḥanukkah

Отец, а был он раввином в Варшаве, весь год не разрешал нам, детям, ни во что играть. Даже когда мы с моим младшим братишкой Мойше садились поиграть в «веревочку», отец говорил нам:

– Что вы тратите время на такую ерунду? Почитайте лучше псалмы.

Даст мне, бывало, отец пару грошей, и только соберусь я купить шоколадку, мороженое или цветные карандаши, а он и говорит:

– Лучше отдай эти гроши какому-нибудь бедному человеку, ведь благотворительность – это доброе дело.

Но на Хануку, когда зажигали ханукальные свечи, отец разрешал нам с полчасика поиграть в волчок. Один такой случай мне особенно запомнился. Был восьмой вечер Хануки, и в нашем ханукальном светильнике горело восемь свечей. В тот день выпало много снега. Печка раскалилась докрасна, и окошко все было в ледяных узорах. Мой брат Иешуа, а он был совсем взрослый, на одиннадцать лет меня старше, объяснял моей сестре Гиндл:

– Вот посмотри: любая снежинка имеет форму шестиугольника. У каждой по шесть резных лучей, каждая сверкает как алмаз, а узоры на всех разные.

Мой брат Иешуа читал научные книжки. А еще писал пейзажи: деревенские домики, леса, поля, иногда – закаты. Он был высокий и светловолосый. Отец хотел, чтобы он был раввином, но Иешуа мечтал стать художником. Сестра моя Гиндл, еще старше Иешуа, была уже помолвлена. Волосы у нее были черные, а глаза голубые. Мысль о том,

что Гиндл станет женой какого-то чужого человека и даже фамилию сменит, казалась мне такой дикой, что мне и думать об этом не хотелось.

Отец услышал, что говорил Иешуа о снеге, и тотчас добавил:

– Все это сотворил Г-сподь всемогущий, который дарует красоту каждому своему созданию.

– Зачем снежинки такие красивые, когда стоит на них наступить – и они тают?
– спросила Гиндл.

– В природе все совершенно, – ответил Иешуа. – Снежинки – это кристаллы, и все они созданы по единому образцу. Возьми, к примеру, ледяные узоры на окнах – каждую зиму рисунок у них все тот же. И похожи они на смоковницы и финиковые пальмы.

– Эти деревья в Польше не растут, – добавил отец, – а растут на Святой Земле. Мессия придет, и все Б-гобоязненные люди вернутся на землю Израиля. Воскреснут мертвые. Вновь будет воздвигнут Храм. Мир полон будет мудростью, словно море водой.

Открылась дверь, и в комнату из кухни вошла мама. Она пекла – как всегда на Хануку – картофельные оладьи. Ее худое лицо покраснелось. Несколько минут она молча стояла и слушала. Мама, хотя и сама была дочерью раввина, всегда просила отца быть с нами помягче и не проповедовать с утра до ночи. Я услышал, как она сказала:

– Пусть детишки немного позабавятся. Кто выигрывает?

– Сегодня везет маленькому Мойше, – ответила Гиндл. – Он, умничка, всех разбил подчистую.

– Не забудь подарить несколько грошей бедным, – сказал ему отец. – В старые времена надо было отдавать десятину священникам, а нынче десятину следует отдавать нуждающимся.

Мама, улыбнувшись, кивнула и вернулась в кухню, а мы продолжили игру. На жестяном волчке, который я купил перед Ханукой, были вырезаны четыре ивритские буквы: нун, гимл, хей и шин. Отец объяснил, что с этих букв начинаются слова, которые означают «великое чудо свершилось здесь» – в память о войне маккавеев с греками в 170 году до нашей эры и о победе маккавеев. В честь этой победы и очищения Иерусалимского Храма от идолов и празднуется Ханука. Но у нас, детворы, гимл значила победу, нун – проигрыш, хей – ничью, а шин давала право еще на одну попытку. Мы с Мойше отдавались игре со всей серьезностью, а Иешуа и Гиндл играли, только чтобы поддержать компанию. Они всегда отдавали победу нам, младшим.

Меня же занимали как игра, так и разговоры взрослых. Иешуа, словно прочитав мои мысли, спросил:

– Почему Б-г в древности творил чудеса, а в наше время больше этого не делает?

Отец дернул себя за рыжую бороду. Глаза его пылали гневом.

– Что ты такое говоришь, сын мой? Б-г творит чудеса во все времена, просто мы это не всегда понимаем. А уж Ханука – особый праздник, праздник чудес. Моя бабушка Гиндл – ты, дочь, была названа в ее честь – рассказывала мне вот что. Жил в деревеньке под названием Тишевиц мальчик, и звали его Цадок. Он был необыкновенно одаренным ребенком. В три года уже читал Тору. В пять начал изучать Талмуд. Он был удивительно добр и к людям, и ко всяким зверюшкам. В их доме жила мышка, и каждый день маленький Цадок клал перед ее норкой кусочек сыра. А вечером ставил там блюдечко с молоком. Однажды – случилось это на третий день Хануки – маленький Цадок услышал, как сосед рассказывает про деревенского портного: тот лежит больной и денег у него совсем нету, даже дров купить не на что. Маленький Цадок знал, что в лесу за деревней нападало много веток, которые можно брать бесплатно, и он решил набрать столько хворосту, сколько сможет дотащить, и принести его больному. Мальчик так хотел помочь несчастному, что тут же, не сказавшись ни отцу, ни матери, отправился в лес. Когда он выходил, уже смеркалось, а до леса добрался – и вовсе стемнело. Малыш Цадок заблудился, и он бы замерз и умер, но тут увидел во тьме три ханукальные свечи. Они возникли прямо перед ним и медленно поплыли по воздуху. Цадок пошел за ними следом, и они вывели его к деревне, прямо к домику, где жил со своей семьей бедный портной. У самой двери свечи опустились на порог и вдруг превратились в три золотые монеты. Больной портной смог купить и хлеба своей семье, и дров, и масла для ханукальных светильников. Вскоре он совсем поправился и снова мог зарабатывать на жизнь.

– Папочка, а что стало с Цадоком, когда он вырос? – спросил я.

– Он сделался знаменитым раввином, – сказал отец. – Его называли праведным рабби Цадоком.

Стало так тихо, что я слышал, как потрескивают фитили ханукальных свечей, как поет свою песенку сверчок. Мама принесла с кухни две миски картофельных оладий. Пахли они восхитительно.

– Что это у вас так тихо? – спросила она. – Уже доиграли?

Мой братик Мойше, который, пока отец рассказывал, дремал, открыл вдруг глаза и сказал:

– Папочка, я хочу отдать деньги, что я выиграл, больному портному.

– Опять ты им проповедовал? – не без укора спросила мама.

– Я не проповедовал, я рассказал им одну историю, – ответил отец. – Хочу, чтобы они поняли: то, что делал Б-г две тысячи лет назад, Он может делать и теперь.

Менаше и Рохл

В Люблинском приюте жило много детей—сирот, больных и калек. Менаше и Рохл тоже там выросли. Оба они были сиротами, да к тому же слепыми. Рохл так и родилась слепая, а Менаше ослеп в три года после оспы. Каждый день к детям приходил преподаватель: они учили молитвы и читали по главе из Торы. Старшие еще читали отрывки из Талмуда. Менаше едва исполнилось девять, но всем уже было известно про его исключительные способности. Он знал наизусть двадцать глав Торы. Рохл, которой

было восемь, утром читала «Благодарю Тебя», перед сном – «Шма», к тому же она умела благословлять пищу, а еще помнила несколько молитв на идише.

На Хануку учитель благословил ханукальные свечи, и каждый ребенок получил в подарок от директора приюта немного денег и волчок. Женщины из зажиточных семей принесли им оладьи с сахаром и корицей.

Некоторые дамы из благотворительного комитета считали, что не следует двум слепцам проводить столько времени вместе. Начать с того, что Менаше уже почти взрослый мальчик, да такой умный – незачем ему возиться с малышкой. К тому же лучше слепым детям дружить со зрячими: те хоть помогут им отыскать путь в вечной тьме, что их окружает. Да только Менаше и Рохл так были привязаны друг к другу, что ничто не могло их разлучить.

Менаше был способный не только к изучению Торы, он и руками многое умел делать. Всем ребятам на Хануку подарили жестяные волчки, а Менаше себе и Рохл вырезал деревянные. Когда Менаше принимался рассказывать истории, даже взрослые приходили его послушать. Не только Рохл, но и все приютские дети обожали его истории. Некоторые ему рассказывала матушка еще когда была жива, другие он придумывал сам. А еще он был на удивление ловкий. Летом, когда отправлялись на реку, он и на руках ходил, и кувурки в воде делал. Зимой Менаше с друзьями лепил снеговиков с угольками вместо глаз.

Волосы у Менаше были черные. Глаза тоже раньше были черными, но теперь их затянуло мутной беловатой пленкой. Рохл считалась красавицей. Волосы у нее были белокурые, а глаза синие, как васильки. Даже те, кто хорошо ее знал, не могли поверить, что эти ясные глазки ничего не видят.

О любви Менаше и Рохл шла молва не только в приюте, но и по городу. Оба они так прямо и сказали, что поженятся, когда подрастут. Приятели по приюту дразнили их женихом и невестой. Находились доброхоты, считавшие, что детей надо разлучить силой, но Рохл сказала: если ее увезут от Менаше – бросится в колодец. Менаше говорил, что покусает руку любого, кто захочет отнять у него Рохл. Директор приюта даже обращался за советом к люблинскому раввину, и тот сказал, что лучше оставить детей в покое.

В один из вечеров Хануки дети получили ханукальные деньги, наелись вкусных оладий, а потом сели играть в волчок. Был шестой вечер Хануки. В медном светильнике у окна горело шесть огней. До нынешнего вечера Менаше и Рохл играли вместе с другими детьми. Но на этот раз Менаше сказал Рохл:

– Мне не хочется играть.

– И мне тоже, – ответила Рохл. – А что мы будем делать?

– Давай просто посидим рядышком у ханукального светильника.

Менаше подвел Рохл к светильнику. Нашли они его по чудесному запаху масла, в котором горели фитили. Они сели на скамеечку. Некоторое время они молча наслаждались теплом, которое шло от лампадок. И тут Рохл попросила:

– Менаше, расскажи мне историю!

– Опять? Да я тебе уже все свои истории рассказал.

– Придумай новую, – сказала Рохл.

– Если я тебе все сейчас расскажу, что же мы будем делать, когда станем мужем и женой? Надо же что-то и про запас оставить.

– Да к тому времени у тебя будет полно новых.

– Знаешь что? На этот раз давай ты мне расскажешь историю, – предложил Менаше.

– Я их не знаю, – сказала Рохл.

– С чего ты это взяла? Ты рассказывай все, что на ум придет. Я всегда так делаю. Когда меня просят что-то рассказать, я просто начинаю говорить и не знаю, что из этого выйдет. История как-то сама собой получается.

– У меня само не получится.

– А ты попробуй!

– Ты будешь надо мной смеяться.

– Нет, Рохл, я не буду смеяться.

Наступила тишина. Слышно было, как потрескивают дрова в печи. Рохл все никак не могла решиться. Наконец, облизнув губы, она начала:

– Жили-были мальчик и девочка...

– Ну вот!

– Его звали Менаше, а ее – Рохл.

– Так...

– Все думали, что Менаше и Рохл слепы, но они умели видеть. Я точно знаю, что видела Рохл.

– И что же? – изумился Менаше.

– Другие дети видят все снаружи, а Рохл видела изнутри. Поэтому люди и называли ее слепой. Но это было не так. Когда люди спят, глаза у них закрыты, но во снах они видят мальчиков и девочек, лошадей, деревья, коз, птиц. Так было и с Рохл. Она видела много прекрасного, но только у себя в голове.

– А цвета она различала? – спросил Менаше.

– Да – и зеленый, и синий, и желтый, и всякие другие, я просто не знаю, как они называются. Иногда все словно поплывет, и вдруг сами собой получаются маленькие фигурки, куклы и цветы. Однажды она увидела ангела с шестью крылами. Он улетел ввысь, и небеса открыли ему свои золотые врата.

– А ханукальные огни она видела? – спросил Менаше.

– Да, только не те, снаружи, а те, которые были у нее в голове. Менаше, а ты разве ничего не видишь?

– Я тоже вижу внутри себя, – сказал, помолчав, Менаше. – Я вижу папу и маму, вижу дедушек и бабушек. Я тебе этого никогда не рассказывал, но я помню многое с тех пор, когда я еще мог видеть.

– И что же ты помнишь? – спросила Рохл.

– Помню, как я лежал больной, и вся комната была залита солнечным светом. Пришел доктор – высокий человек в высокой шляпе. Он велел маме задернуть шторы: думал, что у меня корь, а когда корь, вредно, если много света.

– Почему ты мне раньше об этом не рассказывал? – спросила Рохл.

– Я думал, ты не поймешь.

– Менаше, я все понимаю. Иногда, я лежу ночью в кровати, не сплю и вижу детей, животных, они все кружатся перед глазами. Я вижу горы, поля, реки, сады и луну, которая их освещает.

– А луна – она какая?

– Как лицо, с глазами, носом, ртом.

– Правильно. Я помню луну, – сказал Менаше. – Порой я лежу ночью и вижу много всякого, только не могу понять, настоящее это или я просто все выдумываю. Однажды я видел великана: он был такой высоченный, голова прямо до облаков. У него были огромные рога и такой нос – как слоновий хобот. Он зашел в море, а вода ему была по колено. Я пробовал рассказать это нашему директору, но он сказал, что я вру. А я правду говорил.

Дети умолкли. Потом Менаше сказал:

– Рохл, пока мы еще маленькие, не стоит нам рассказывать никому наших секретов. Люди нам не поверят. Они решат, что мы все выдумали. Но когда мы вырастем, мы все расскажем. В Библии написано: «Г-сподь смотрит не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Г-сподь смотрит в сердце».

– Это кто сказал?

– Пророк Самуил.

– Ой, Менаше, как же мне хочется, чтобы мы поскорее выросли и стали мужем и женой, – сказала Рохл. – Наши дети будут видеть все и снаружи, и внутри. Ты будешь зажигать ханукальные свечи, а я печь оладьи. Ты будешь вырезать для наших детей волчки, а перед сном мы будем рассказывать им всякие истории. И ночью им будут сниться про это сны.

– Нам тоже будут сниться сны, – сказал Менаше. – Мне про тебя, а тебе – про меня.

– Ты мне все время снишься. Я во сне вижу и твой прямой нос, и черные кудри, и прекрасные глаза.

– А я вижу тебя – девочку с золотыми волосами.

Снова наступила тишина. И Рохл сказала:

– Я очень хочу попросить тебя об одной вещи, только стесняюсь.

– А что ты хочешь?

– Поцелуй меня!

– Да ты что! Это же запрещено. И вообще, если мальчик целует девочку, его потом дразнят «неженкой».

– Никто же не увидит!

– Б-г все видит, – сказал Менаше.

– Ты же сам говорил, что Б-г заглядывает в сердца. А в моем сердце мы с тобой уже взрослые, и я – твоя жена.

– Другие дети будут над нами смеяться.

– Они все своими волчками заняты. Ну поцелуй меня! Один разочек!

Менаше, взяв Рохл за руку, быстро ее поцеловал. В сердце его застучали молоточки. Рохл поцеловала его в ответ, лица у них покраснелись. Менаше, помолчав, сказал:

– Не может быть, чтобы это был уж такой великий грех, ведь в книге Бытия написано, что Яков любил Рахель и когда они встретились, поцеловал. А тебя ведь тоже зовут как ее.

Подошел директор приюта.

– Дети, почему вы сидите одни?

– Менаше рассказывал мне историю, – ответила Рохл.

– Нет, неправда, это она мне рассказывала историю, – сказал Менаше.

– Хорошая была история? – спросил директор.

– Самая прекрасная в мире, – ответила Рохл.

– А о чем же она? – спросил директор, и Менаше ответил:

– Об острове далеко-далеко в океане, где жило множество львов, леопардов, обезьян, а еще орлов и фазанов с золотыми перьями и серебряными клювами. На острове росли самые разные деревья: и смоковницы, и финиковые пальмы, и гранатовые деревья, и ручей там был с прозрачной водой. Жили на острове мальчик и девочка: они попали в кораблекрушение и туда приплыли на бревне. Они были словно Адам и Ева в раю, только змея там не было и...

– Мальчишки из-за волчка дерутся. Пойду разберусь, – сказал директор. – А свою историю ты мне доскажешь завтра. – И он поспешно отошел к столу.

– Ты придумал новую историю! – воскликнула Рохл. – А дальше что было?

– Они любили друг друга и поженились, – сказал Менаше.

– Они так и жили на острове совсем одни? – спросила Рохл.

– Почему одни? – сказал Менаше. – У них было много детей, шесть мальчиков и шесть девочек. А в один прекрасный день к острову причалил корабль, всю семью спасли и отвезли на Землю обетованную.

Господин

В трискерском доме учения стоял на окошке светильник, в котором горело пять лампадок, а рядом еще и большая свеча, которую называют «бидл». В печи пеклась картошка, ее ароматный запах щекотал ноздри. Старый реб Бериш чихнул, и мальчики хором сказали «Будьте здоровы».

Он вытер огромным платком нос и изрек:

– Некоторые считают, будто в старину чудеса случались куда чаще, чем нынче. Но это неправда. На самом деле чудеса были редкостью во все времена. Будь их больше, люди бы слишком уж на них полагались. Забыли бы о свободе выбора. Небесные силы

ждут от человека поступков, хотят, чтобы он прикладывал усилия да не ленился. Но бывает, только чудо может спасти человека.

Нечто подобное произошло здесь, в Билгорае, когда я был еще мальчишкой, – лет восемьдесят назад, а то и поболее. Городок наш был в ту пору совсем крохотный. На месте нынешней Замоиской улицы шумел лес. Люблинская была простым проулком. Вот здесь, где мы с вами сидим, паслись коровы. Жил тогда в Билгорае один богатый молодой человек по имени Фалик, большой знаток Талмуда. Он держал галантерейную лавку, вел еще кое-какие дела. Жена его Сара была из Люблина, из приличной семьи. Но в один прекрасный день удача им изменила. Что это было – наказание за прегрешения или же воля небес – мне неизвестно. Началось с того, что лавка сгорела. В те годы о страховках никто и не слыхивал. Потом заболела Сара. В Билгорае не было ни доктора, ни аптекаря. Лечились все тремя способами – ставили пиявки или банки, либо пускали кровь. А если это не помогало, то уж ничего не поделаешь. Умерла Сара, оставив троих сироток – мальчика по имени Манес и двух девочек-малолеток, Песеле и Этеле.

Вскоре после смерти Сары захворал и сам Фалик. Исхудал, пожелтел, а потом и вовсе слег – думали, уже не встанет. Липе, местный знахарь, посоветовал больному перейти на куриный бульон, ячменный суп и козье молоко. Да что толку? Аппетит у Фалика совсем пропал, да и денег в доме не осталось. Нынче люди только о себе думают, на других им наплевать, а в былые времена всегда помогали тем, кто в нужде. Слали Фалику и мясо, и масло, и сыр, да он от всех подаваний отказывался. Пришел к нему глава общины и предложил помогать ему украдкой, никто, мол, и знать не будет, а Фалик в ответ: «Да я-то знать буду».

Произошло это в первый вечер Хануки. Как всегда снегу навалило, мороз стоял лютый, а тут еще и пурга. У Фалика в доме уже ни куска хлеба не осталось. В лучшие времена было у Фалика серебро – подсвечники, шкатулка, пасхальное блюдо – да только Манес, старший из детей, все это продал. Осталась в доме одна редкая вещица – ханукальный светильник старинной работы. Был там один ростовщик, скупавший у людей за гроши всякие ценности. Манес хотел продать ему и светильник, однако Фалик сказал сыну: «Погоди, пока Ханука пройдет». На последние деньги Манес не хлеба купил, а масла и фитилей для ханукального светильника. Сестренки ныли, что хочется кушать, а Манес им сказал: «Вы представьте, что сейчас Йом-Кипур». Я эту историю знаю, потому что Манес годы спустя сам мне ее рассказал.

Фалик уже не вставал с постели, и Манес в первый вечер Хануки принес светильник отцу. Фалик произнес благословение и зажег первую лампадку. Затем, пропев «Твердыню времен», поцеловал детей. Тогда Манес отнес ханукальный светильник в комнату и поставил, как положено, на подоконник. Дети сидели за столом голодные – ужинать-то было нечем. В доме холод. Всего год назад на Хануку Фалик раздал детям деньги, чтобы они поиграли в волчок, а Сара нажарила для всей семьи картофельных оладий. Теперь же все словно мраком заволочло. Дети переглядывались, и в глазах у них был немой вопрос: «Откуда же придет к нам помощь?»

Внезапно раздался стук в дверь. «Кто бы это мог быть?» Манес удивился: «Видать, подарки принесли». Отец ему наказывал ни от кого никаких подношений не принимать. И Манес решил, что дверь открывать не станет, чтобы не отказывать лишний раз добрым людям. Но стук не прекращался. Манес все же пошел к двери, собираясь сказать пришедшему, что отец велел ни от кого ничего не принимать. На пороге стоял знатный господин, высокий, широкоплечий, в длинной – до земли – шубе и меховом картузе, весь в снегу. Манес так напугался, что словно язык проглотил. Знатные господа редко заглядывали в еврейские дома, тем более по вечерам. В дни моей юности помещик если уж и приезжал в деревню, то в карете, запряженной восьмеркой лошадей, а впереди скакали верхом слуги, расчищая ему дорогу. Зачастую они трубили в трубы, возвещая о прибытии господина. Билгорай принадлежал тогда графу Замойскому, который богатством и могуществом мог поспорить с царем. Господин Манесу говорит: «Я проезжал тут на санях и увидел огонек в светильнике, равного которому еще не встречал: с кубками и цветами, львом, оленем, леопардом, орлом – изумительной работы. Почему вы зажгли всего одну свечу, ведь подставок-то восемь? Что, нынче праздник какой еврейский? А родители ваши где?» Манес знал польский и знал, как следует разговаривать со столь важной особой:

– Прошу вас, ваше сиятельство, входите. Для нас это большая честь.

Господин вошел в дом и долго любовался ханукальным светильником. Он принялся расспрашивать Манеса, и тот рассказал ему о Хануке, о том, как в далекой древности евреи сражались с греками на Земле Израиля. Рассказал он ему и о чуде, случившемся в храме с маслом для меноры: когда война закончилась, масла оставалось всего на один день, но случилось чудо, и хватило его на восемь дней. Тут господин увидел на столе волчок и спросил:

– А это что?

У детей хоть и не было денег на игру, но волчок они достали – в память о былых временах. Манес объяснил господину, что Ханука – единственный праздник, в который детям разрешаются азартные игры. И рассказал правила игры в волчок. Господин спросил:

– А можно я с вами поиграю? Кучер меня в санях подождет. На улице стужа, но у моих лошадей толстые попоны, а у кучера тулуп.

– Ваше сиятельство, – сказал Манес, – наш отец болен. Мать умерла, и за душой у нас ни гроша.

Господин сказал:

– Я хочу предложить вам за этот чудесный светильник тысячу гульденов, да только всей суммы у меня при себе нет. Я вам дам пятьсот гульденов задатка, вот вы на эти деньги и сыграете.

Сказав так, он достал из шубы кошель, набитый золотыми монетами, и положил на стол. Изумление детей было так велико, что они и про голод забыли. Началась игра, и даже неверующий признал бы, что все это было чудом, посланным небесами. Дети все время выигрывали, а господин проигрывал. За час он проиграл все монеты до единой. И тогда господин воскликнул:

– Что ж, проиграл – так проиграл! Кучер и лошади, небось, совсем промерзли. Доброй вам ночи и счастливой Хануки! А за отца не беспокойтесь. Даст Б-г, он скоро поправится.

И лишь когда господин ушел, дети наконец поняли, что приключилось. Они и пятьсот золотых гульденов получили в задаток за светильник, и те деньги, что господин проиграл. Чуть не весь стол был завален монетами. Девчушки, Песеле и Этеле, расплакались. Манес бросился на улицу, но там не было не только господина, саней, лошадей и кучера, даже следов на снегу не осталось. Обычно к оглоблям саней привязывают колокольчики, и звон их разносится далеко, но ночь была тиха. Короче, дальше было вот что. Едва господин уехал, как Фалик открыл глаза. Засыпал он смертельно больным человеком, а проснулся – здоровее не бывает. Спасти его могло лишь чудо, чудо и свершилось.

– А что же это был за господин? Пророк Илья? – спросили мальчики.

– Кто знает... Уж точно, не польский граф.

– А за светильником он пришел?

– Наверняка могу сказать, пока я был в Билгорае – нет, – ответил старик.

– Был бы он пророком Илья, то уж сдержал бы свое обещание, – сказал один из мальчиков.

Старый реб Бериш ответил не сразу. Долго он в задумчивости теребил бороду и наконец сказал:

– У них на небесах времени вдоволь. Может, он пришел к их детям или к детям их детей. Я женился и уехал в другую деревню. Насколько мне известно, ханукальный светильник оставался у Фалика и его детей всю жизнь. Один раввин говорил, что когда Г-сподь совершает чудо, зачастую делает так, чтобы выглядело оно естественным. Были в Билгоре и такие, кто в чудо не поверил: они утверждали, что это был настоящий помещик, мот и транжира, и ему пришла охота пошвыряться деньгами. Те, кто отрицает Б-га, всегда пытаются объяснить чудеса и видят в них то самый обычный случай, то совпадение... Картошка, похоже, давно испеклась, – заметил вдруг он.

Старый реб Бериш открыл дверцу печки и стал рукой выгребать из золы обуглившиеся картофелины.

Сила света

Во время второй мировой войны, когда фашисты уничтожили варшавское гетто, в развалинах одного из домов скрывались мальчик и девочка – четырнадцатилетний Довид и тринадцатилетняя Ривка.

Была зима, мороз стоял лютый. Ривка уже несколько недель не покидала темного подвала, служившего им убежищем, Довид же раз в несколько дней выходил искать пропитание. Все магазины разбомбили, но иногда Довиду удавалось найти под завалами буханку черствого хлеба или пару банок консервов. Ходить там было опасно. То стена рухнет, то кусок штукатурки обвалится, да и заблудиться легко. Но ему приходилось рисковать – иначе они с Ривкой погибли бы от голода.

Тот день выдался особенно морозным. Ривка сидела на земле, укутавшись во все свои одежды, но все равно никак не могла согреться. Довид ушел уже несколько часов назад, и Ривка, сидя во мраке, прислушивалась – не возвращается ли он; она знала – если он не вернется, ей останется только умереть.

Вдруг она услышала чье-то тяжелое дыхание, глухой стук – вроде как узелок упал наземь. Это Довид добрался наконец до дому. Ривка, не удержавшись, воскликнула:

– Довид!

– Ривка!

В темноте они обнялись и поцеловались. И Довид сказал:

– Ривка, я нашел клад!

– Что за клад?

– Сыр, картофель, сушеные грибы и пакетик карамелек. И еще у меня есть для тебя один сюрприз.

– Какой сюрприз?

– Погоди, узнаешь.

Оба так проголодались, что им было не до разговоров. Они с жадностью накинулись на картошку, грибы, сыр. Потом съели по карамельке. И тогда Ривка спросила:

– Сейчас день или ночь?

– Думаю, уже ночь, – ответил Довид. У него были наручные часы, и он следил за временем, считал дни и месяцы. Помолчав, Ривка снова спросила:

– А что у тебя за сюрприз?

– Сегодня, Ривка, первый день Хануки, и я нашел свечи и немного спичек.

– Так нынче вечером Ханука?

– Да.

– Б-же ты мой!

– Я сейчас скажу благословение и зажгу свечу, – сказал Довид.

Он чиркнул спичкой. Ривка с Довидом оглядели свое убежище – кирпичные стены, трубы, бугристый земляной пол. Он зажег свечу. Ривка с непривычки зажмурилась. Впервые за много недель она видела Довида. Волосы у него спутались, лицо было чумазое, но глаза светились счастьем. Несмотря на голод и невзгоды Довид заметно вырос, он теперь казался старше своих лет и мужественнее. Оба были почти совсем детьми, но твердо решили, что если им удастся выбраться из оккупированной Варшавы, они обязательно поженятся. В знак их помолвки Довид дал Ривке блестящую монетку, грош, который нашел у себя в кармане в тот самый день, когда дом, где они жили, разбомбили.

Довид произнес благословение над ханукальной свечой, и Ривка сказала «омейн». Оба они потеряли всех своих родных, и у них были причины роптать на Б-га: сколько несчастий Он им послал, но свет свечи принес в их души мир. Этот мерцающий огонек меж огромных теней словно говорил им: «Зло еще не заполонило мир. Осталась искорка надежды».

Довид с Ривкой хотели бежать из Варшавы. Но как? Развалины гетто фашисты охраняли денно и ночью. Каждый шаг был опасен. Ривка все уговаривала отложить побег. Летом будет полегче, говорила она, но Довид понимал – до лета они вряд ли продержатся. Где-то в лесах скрывались партизаны, которые боролись с оккупантами. Довид считал, что надо пробираться к ним. И вот теперь, сидя у ханукальной свечи, Ривка вдруг набралась смелости.

– Довид, давай отсюда выбираться, – сказала она.

– Давай. Когда?

– А ты как думаешь?

– Лучше уж прямо сейчас, – сказал Довид. – Я кое-что придумал.

И Довид подробно рассказал Ривке свой план. Он был очень рискованным. Фашисты обнесли территорию гетто колючей проволокой, а на крышах всех домов вокруг поставили пулеметчиков. Ночью все возможные выходы из гетто освещались прожекторами. Но Довид, бродя по развалинам, обнаружил канализационный колодец, который, возможно, вел за пределы гетто. Довид сказал Ривке, что шансов выбраться живыми у них немного. Они могут утонуть в сточных водах или замерзнуть. А еще в канализации полно оголодавших крыс. Но Ривка согласна была рискнуть; зимовать в подвале означало обречь себя на верную смерть.

Когда ханукальная свеча, вспыхнув напоследок, зашипела и погасла, Довид с Ривкой быстро собрались. Она увязала остатки еды в узелок, а Довид сунул в карман спички и прихватил кусок трубы – больше ему нечем было защищаться.

В минуты опасности у людей откуда-то берется необычайная храбрость. И скоро Довид с Ривкой уже пробирались через развалины. Порой лазы были настолько узкими, что им приходилось ползти на четвереньках. Но и сытный ужин, и радость, которую пробудил в них огонек ханукальной свечи, придавали им сил. Довид довел наконец Ривку до люка. Им повезло: канализация замерзла, а крысы, похоже, сбежали, испугавшись мороза. Довид с Ривкой то и дело останавливались – передохнуть и послушать, что происходит наверху. А потом снова ползли дальше, медленно и осторожно. И вдруг оба замерли. Прямо над головой они услышали дребезжание трамвая. Значит, они уже за границей гетто. Теперь надо было найти выход наружу и поскорее выбираться из города.

В ту ханукальную ночь случилось немало чудес. Фашисты, опасаясь вражеских самолетов, выключили все прожекторы. Из-за мороза охранников-гестаповцев было меньше обычного. Довиду с Ривкой удалось незаметно вылезти из канализации и бежать из города. К рассвету они вышли к лесу, где отдохнули и перекусили.

Хотя партизаны скрывались поблизости от Варшавы, добрались до них Довид и Ривка только через неделю. Шли они ночами, а днем прятались по сараям и амбарам. Некоторые крестьяне тайно помогали партизанам и тем, кому удалось бежать от фашистов. Довиду и Ривке перепадали то краюха хлеба, то пара картофелин, то редька – чем еще могли поделиться крестьяне. В одной из деревень они повстречали партизана-еврея, который пришел раздобыть провизии для своих. Он оказался членом «Хаганы», – организации, посылавшей с Земли Израиля людей в помощь еврейским беженцам. Этот парень и привел Довида с Ривкой к партизанам, скрывавшимся в лесу. Был последний день Хануки, и в тот вечер партизаны зажгли восемь свечей. Несколько человек запускали на пеньке волчок, а остальные наблюдали за игрой.

Довид и Ривка с того дня, как добрались до партизан, зажили словно в сказке. Они познакомились с другими беженцами, которые мечтали лишь об одном – оказаться на Земле Израиля. Изредка им удавалось проехать хоть немного на поезде или на попутном грузовике. По большей части шли пешком. Спали в конюшнях, в брошенных домах – там, где могли укрыться от врагов. Их путь шел через Чехословакию и Венгрию в Югославию. На побережье Югославии их ждал крохотный корабль, экипаж которого состоял из членов «Хаганы», и глубокой ночью беженцы со своими скудными пожитками погрузились на него. Все это происходило тайно – ведь Югославия тоже была оккупирована фашистами.

Однако на этом их испытания не кончились. Уже пришла весна, но море было беспокойное, да и суденышко оказалось слишком мало для такого долгого путешествия. Его засекали фашистские самолеты, бомбили, но безрезультатно. Надо было опасаться и немецких подлодок, притаившихся в морских глубинах. Беженцам оставалось лишь одно – молиться Б-гу, и на сей раз Б-г, похоже, внял их молитвам, поскольку им удалось достичь берега целыми и невредимыми.

Израильские евреи встретили беженцев с такой любовью, что они забыли обо всех своих страданиях. Они были первыми беженцами, которые добрались до Святой земли: им помогали, окружили заботой и вниманием. Ривка и Довид нашли в Израиле родственников, те приняли их с распростертыми объятиями, и дети, хоть и были до крайности истощены, вскоре окрепли и набрались сил. Когда они немного отдохнули, их послали в школу, учиться современному ивриту. И Довид, и Ривка оказались прилежными учениками. Довид сумел поступить в инженерную академию в Хайфе, а Ривка, у которой оказались способности к языку и литературе, училась в Тель-Авиве, но каждый выходной они встречались. Как только Ривке исполнилось восемнадцать, они поженились и поселились в маленьком домике с садом в Рамат-Гане, пригороде Тель-Авива.

Все это мне известно, потому что лет восемь спустя я провел один из вечеров Хануки в Рамат-Гане, в доме Довида и Ривки, и они поведали мне свою историю. Горели ханукальные свечи, Ривка напекла нам картофельных оладий с яблочным повидлом. Довид и я играли в волчок с его маленьким сыном, Менахемом-Элиезером, названным так в честь обоих дедушек. Довид рассказал, что этот деревянный волчок – тот самый, которым в польском лесу играли партизаны. А Ривка сказала: «Не будь той свечки, которую принес тогда Довид в подвал, мы бы здесь не сидели. Ее свет пробудил в нас надежду, дал силу, о которой мы и не подозревали. Когда Менахем-Элиезер подрастет и сможет понять, через что мы прошли и каким чудом спаслись, мы отдадим волчок ему».

Ханука в богадельне

На улице было снежно и морозно, но в богадельне – тепло. Смертельно больные и парализованные лежали в кроватях. Остальные сидели вокруг ханукального светильника, в котором горело восемь свечей. Добросердечные горожане прислали обитателям богадельни оладий, посыпанных сахаром и корицей. Разговор шел о былых временах, о суровых стужах, о стаях волков, нападавших морозными ночами на деревни, а еще – о встречах с демонами, чертями и духами. Сидел среди нищих один никому не известный старик, что появился здесь всего пару дней назад. Был он высокий и прямой, с белой как снег бородой. Выглядел он не старше семидесяти, но когда смотритель богадельни осведомился о его возрасте, он задумался, посчитал на пальцах и сказал:

- На Пейсах мне исполнится девяносто два.
- Чтоб не сглазить, – нестройным хором откликнулись присутствующие.
- С годами моложе не становишься – только старше, – сказал старик.

По выговору его было слышно, что сам он не из Польши, а из России. С час или около того он слушал истории, которые рассказывали другие, и все глядел пристально на ханукальные огни. Беседа коснулась суровых указов, ограничивавших права евреев, и тут старик сказал:

- Да разве у вас в Польше законы суровые? Здесь по сравнению с Россией рай.
- Так вы из России? – спросил один.
- Да, из Витебска.
- А здесь как оказались? – спросил другой.
- Когда бродишь по свету, куда тебя только ни занесет, – ответил старик.
- Вы все загадками говорите, – сказала одна старая женщина.
- Вся моя жизнь – одна большая загадка.

Смотритель богадельни, стоявший поблизости, сказал:

- Похоже, этому человеку есть что рассказать.
- Да хватит ли у вас терпения слушать? – спросил старик.
- Нам здесь без терпения никак нельзя, – ответил смотритель.

– История эта про Хануку, – сказал старик. – Да садитесь поближе, я рассказывать люблю, а не кричать.

Они все подвинули свои табуретки поближе, и старик начал:

– Сперва позвольте мне представиться. Нарекли меня Яковом, но родители называли просто Янкеле. Русские же из Янкеле сделали Яшу. Про русских я упомянул потому, что я из тех, кого называли «пойманными». Я был ребенком, когда царь Николай I, враг всех евреев, издал указ, по которому разрешалось еврейских мальчиков забирать от родителей, а как подрастут – отдавать в солдаты. Указ этот касался российских евреев, а не польских. Что творилось – и не описать! Врывались в дома, в хедеры, где учились мальчики: схватят ребенка и увозят прочь, подальше от дома, иной раз аж в Сибирь. В армию сразу не призывали. Поначалу отдавали в крестьянскую семью, где мальчонка и рос, а как подходил возраст, тут уж и забирали в солдаты. Заставляли учить русский язык, а про то, что еврей, и вспоминать запрещали. Часто даже принуждали принять православие. Крестьяне заставляли ребенка работать по субботам и есть свинину. Многие мальчики умирали – не выдерживали такого жестокого обращения, да и по родительскому дому уж больно тосковали.

Поскольку по закону от военной службы освобождались женатые, евреи часто женили детей совсем маленькими. Малолетний муж продолжал ходить в хедер. Его юная жена надевала, как положено замужней женщине, шляпку, но взрослее от этого не становилась. Как прежде, бегала на улицу в камушки играть да куличики из песка печь. А иной раз снимет с себя шляпку да сложит в нее свои игрушки.

Со мной все получилось иначе. Девочка, на которой я должен был жениться, была дочерью нашего соседа. Звали ее Рейзл. Когда нам было года по четыре, мы часто играли вместе. Я был будто бы муж, а она будто бы жена. Я делал вид, что иду в синагогу, а она готовила мне ужин – подавала в черепках песок или глину. Я любил Рейзл, и мы поклялись друг другу, что когда вырастем, поженимся по-настоящему. Она была писаная красавица, рыжеволосая, с голубыми глазами. Прошло несколько лет, и когда родители сообщили мне, что Рейзл отдадут за меня, я чуть не обезумел от радости. Мы бы тотчас поженились, однако мать Рейзл настаивала на том, чтобы приготовить дочери приданое, хотя ей было всего восемь и она все равно бы из него через год-другой выросла.

За три дня до нашей свадьбы к нам в дом посреди ночи ворвались два казака, схватили меня и потащили за собой. Мать моя упала в обморок. Отец пытался меня отстоять, да казак такую ему оплеуху закатил, два зуба выбил. Было это во второй вечер Хануки. На следующий день всех пойманных мальчиков отвели в синагогу: они должны были дать клятву, что будут верно служить царю. Полгорода собралось перед синагогой. Взрослые мужчины и женщины плакали в голос, увидел я в толпе и Рейзл. Только и хватило у меня сил крикнуть: «Рейзл, я вернусь к тебе!» А она мне в ответ: «Я буду тебя ждать, Янкеле!»

Если вспоминать все, через что мне пришлось пройти, получилась бы книга в тыщу страниц. Увезли меня в самую настоящую российскую глушь. Много недель везли. Добрались наконец до какой-то деревеньки, где меня отдали под присмотр одного крестьянина, Иваном его звали. У него была жена и шестеро ребятишек, и все они пытались сделать из меня русского. Спали они все на одной огромной кровати. Зимой свиней держали прямо в избе. Там все кишмя кишело тараканами. По-русски я знал всего несколько слов. Талес у меня отобрали, пейсы состригли. Мне приходилось есть некошерную пищу – выбора не было. Поначалу я все выплевывал свинину, но долго ли может мальчонка поститься? На сотни миль кругом не было ни единого еврея. Они могли принудить к чему-то мое тело, но им было не заставить мою душу отречься от веры отцов. Я помнил наизусть несколько молитв да благословений и твердил их все время. Когда никого поблизости не было, я частенько разговаривал сам с собой, чтобы не позабыть идиш. Летом Иван посылал меня пасти коз. Я садился на лугу и беседовал со своими

родителями, с сестрой Леей, с братом Хаимом – оба они были моложе меня, а еще с Рейзл. Хотя я и был от них далеко, мне казалось, будто они слышат меня и мне отвечают.

Раз забрали меня на Хануку, то я и решил отмечать этот праздник, хотя бы это и стоило мне жизни. Еврейского календаря у меня не было, однако я помнил, что Ханука бывает где-то в Рождество – пораньше или попозже. Посреди ночи я просыпался и выходил во двор. Поблизости от амбара рос старый дуб. В ствол его когда-то попала молния, и получилось огромное дупло. Я забирался туда, зажигал лучину и произносил благословение. Если бы крестьянин поймал меня за этим, то жестоко избил бы, но он дрых как медведь.

Прошли годы, и я стал солдатом. Рядом с казармами никакого старого дуба не было, а того, кто без спросу вышел бы ночью из казармы, обязательно бы выпороли. Но порой зимой меня посылали охранять склад боеприпасов, и тут уж я всегда изыскивал возможность зажечь свечу и произнести молитву. Однажды в нашей казарме появился солдат-еврей, и у него был с собой карманный молитвенник. Невозможно описать, какая радость меня охватила, когда увидел я знакомые с детства ивритские буквы. При первой же возможности я прятался где-нибудь и читал все молитвы – и для будней, и для субботы, и праздничные. Тот солдат отслужил свой срок и, отправляясь домой, подарил мне этот молитвенник. Это была самая дорогая мне вещь. И по сию пору ношу я его в своем мешке.

Прошло двадцать два года с тех пор, как меня увезли из дому. Солдатам разрешалось раз в месяц посылать письма родителям, но поскольку свои я писал на идише, их никогда не отправляли, и я не получал никаких ответов.

Как-то зимой, когда опять мне выпало стоять на посту у склада, зажег я две свечи и, поскольку ночь выдалась безветренная, поставил их в снег. По моим подсчетам было время Хануки. Солдату на посту запрещено садиться, а уж тем более спать, но стояла глухая ночь, кругом не было ни души, и я, присев на порог, долго смотрел на две горящие свечи. После долгого дня я устал, и глаза у меня стали слипаться. Вскорости я заснул. Тем самым я трижды преступил закон. Вдруг я понял, что кто-то трясет меня за плечо. Открыл я глаза: передо мной стоял мой злейший враг – капрал по фамилии Капустин, здоровенный плечистый мужик с густыми усами и сизым

Èàè íà òàðíèíà òýàò èèòíà èííý,

Àíñò ààðààà óáíò, íà óéàòò íò ì àíý!

Я хотел продолжить, но не мог – у меня как ком в горле застрял. Тут моя мать сказала:

– Вот и Оман пришел. А что ж ты злодейку Зереш с собой не привел?

Снова попробовал я запеть, но голос у меня охрип, и отец заметил:

– Голосом он похвастать не может, но пару грошей все ж заработал.

– Знаешь что, Оман, – сказала мама, – давай-ка снимай свою маску, садись за стол, отведай нашего праздничного угощения.

Я взглянул на стол. В двух серебряных подсвечниках горели толстые свечи – все, как я помнил из детства. Каждая вещь казалась знакомой – и вышитая скатерть, и графин с вином. В холодной России я и позабыл про то, что на свете существуют апельсины. Но на столе лежали и апельсины, и миндальное печенье, блюдо с рыбой в кисло-сладком соусе, плетеная хала, на подносе – пирожки с маком. После недолгого колебания я снял маску и сел. Мама посмотрела на меня и сказала:

– Ты ведь нездешний, да? Откуда будешь?

Я назвал далекий город.

– Что тебя привело в Витебск? – спросил отец.

– Брожу по свету, – был мой ответ.

– С виду ты еще молод. Почему же решил заделаться странником? – спросил отец.

– Не мучай его расспросами, – сказала мама. – Дай человеку спокойно поесть. Иди, помой руки.

Я вымыл руки, поливая себе из старого медного кувшина, а мама подала мне полотенце и нож, чтобы я разрезал халу. На его перламутровой ручке была вырезана надпись: «Святая Суббота». Мама принесла мне тарелку креплах¹¹ с мясом. Я спросил своих родителей, есть ли у них дети, и мама принялась рассказывать про моего брата Хаима и мою сестру Лею. Они жили со своими семьями в других городах. Моего имени они не упоминали, но я заметил, что верхняя губа у мамы дрожит. Она таки не сдержалась и разрыдалась, а отец сказал ей с упреком:

– Ну что ты снова плачешь? Сегодня же праздник.

– Больше не буду, – извинилась мама.

Отец протянул ей носовой платок, а мне сказал:

– Был у нас еще один сын, да пропал – как в воду канул.

В хедере я читал книгу Бытия и знал про Иосифа и его братьев. Как мне хотелось крикнуть: «Я и есть ваш сын». Но страшно было за маму – так она слаба, вдруг от неожиданности в обморок упадет? Отец тоже выглядел неважно. Слово за слово, и он все же рассказал мне, как однажды в вечер Хануки ворвались в дом казаки и забрали его сынишку Янкеле.

– А что случилось с его нареченной невестой? – спросил я.

И отец ответил:

– Много лет она отказывалась идти замуж, все надеялась, что Янкеле вернется. Наконец родителям удалось уговорить ее обручиться. Да перед самой свадьбой она заболела тифом и умерла.

– Умерла она потому, что тосковала по нашему Янкеле, – вмешалась в разговор мама. – С того самого дня, как эти негодяи казаки его схватили, она и стала чахнуть. И умерла с именем Янкеле на устах.

Мама опять расплакалась, а отец сказал:

– Прекрати. По закону положено благодарить Б-га не только за удачу, но и за все испытания, нам посланные.

В тот вечер я хоть и не сразу, но рассказал родителям, кто я есть на самом деле. Сначала признался отцу, а он уж подготовил маму. Власть наплакавшись, нацеловавшись да наобнимавшись, стали мы думать, как мне дальше быть. Я не мог оставаться дома под своим настоящим именем. Дошли бы слухи до полиции, и меня бы тотчас арестовали. Решили мы, что дома я могу жить только под видом родственника, приехавшего издалека. Родители хотели представить меня как своего племянника, бездетного вдовца, переехавшего после смерти жены к ним. В каком-то смысле это было правдой. Я всегда думал о Рейзл как о своей жене. И твердо знал, что ни на какой другой женщине не женюсь. А зваться я стал не Янкеле, а Лейбеле.

Так мы и зажили. Свахи как прослышали, что жены у меня нет, стали подыскивать мне партию. Я же всем отвечал, что слишком любил свою жену и никакая женщина ее не заменит. Родители мои были стары и немощны, нужно было о них заботиться. Почти шесть лет прожил я дома. Через четыре года умер отец. Мама прожила еще два года, а как умерла, ее похоронили с ним рядом. Несколько раз приезжали погостить мои брат и сестра. Им, конечно же, сказали, кто я такой на самом деле, но они эту тайну хранили. То были самые счастливые годы моей взрослой жизни. Каждую ночь я засыпал дома, в своей постели, а не на нарах в казарме, и каждый день ходя в синагогу молиться я благодарил Б-га за то, что был избавлен от мытарств.

После смерти родителей мне незачем было оставаться в Витебске. Думал я обучиться ремеслу и осесть где-нибудь, но какой мне был смысл жить бобылем на одном месте. И побрел я по миру. Куда бы ни приходил, отправлялся в богадельню, помогал бедным да больным. Все мое имущество в этом вот мешке. Как я вам уже говорил, молитвенник, который дал мне шестьдесят с лишком лет назад тот солдат, все еще со мной, и родительский ханукальный светильник тоже. Порой иду я и как накатит тоска – сворачиваю в лес и зажигаю ханукальные свечи, хоть до Хануки и далеко.

Ночью стоит мне закрыть глаза – вижу я Рейзл. Юную, в белом свадебном платье, том самом, которое приготовили ей в приданое родители.

Она наливает в ханукальный светильник масло, а я лучиной поджигаю фитили. Иной раз все небо – как ханукальная лампа, а звезды, как лампадки. Рассказал я свой сон раввину, а он сказал: «Любовь идет из души, а души источают свет». Я знаю, когда настанет мой час, на небесах меня будет ждать душа Рейзл. Ну что же, пора и спать. Доброй вам ночи и счастливой Хануки.

יְאֵיִן אִי עֵ (עֵעֵעֵ)

א. יְדִיעֵי אֵ

^[1] *יְאֵיִן אִי עֵ (עֵעֵעֵ).*

Коротышки в литературных кругах

Àðüà-Èááá

Или на местном наречии – коротышкес. Как распевала смолоду наша жена:

Тучкес, ямкес и собачкес

Были все у нас на дачкес.

– Это по какому языку? – спрашивала хозяйка Авдотья Ивановна.

И жена отвечала:

– На гусях.

1.Èááññèèè

Чехов пенял молодому Бунину, что тот слишком кратко и плотно пишет, – не рассказы, а сгущённый бульон.

– Ну вот! – огорчился Бунин. – А сами говорите: краткость – сестра таланта!

– Сестра-то она сестра... – вздохнул Чехов. – Только доход – ей не брат.

Èíðæ, ìðíàáé! Óøëà è Áíéíáá!

Èëþ÷ è ìáñíðò ìà èíì ìáá

2. Óēīđà è óáóí à

Редкая птица долетит до середины Днепра и редкий литературовед признается, подобно Лидии Гинзбург: «Писатель – он совершеннейший читатель своего времени... и говорит о литературе нужные вещи».

Куда чаще ученые-филологи поступают, как Роман Якобсон, не допуская Набокова к преподаванию.

– Что, крупный автор?.. Слон – тоже крупное животное. Однако же не заведует зоопарком.

3. Ýēçî ò ééà

Поэт Нарбут осведомился:

– Вас разводят под Москвой?

Эмма Герштейн в изумлении заморгала.

– Вчера передавали по радио, – снизошел Нарбут, – что в Подмосковье открылся филиал зоопарка... опытный питомник страусов Эму.

4. Как вас теперь называть

Дон-Аминадо – то ли Арнольд (то ли Аминодав), то ли Пейсахович (то ли Петрович), Аминад Шполянский – знаменитый местный сатирик. Родился в «черте оседлости» (правда, не в Шполе, а в Елизаветграде). Умирал во Франции, под Парижем, в городе Иер. Ну и произвел себя... в иеромонахи.

5. Èè-ííà

Жорж, прощай! Ушла к Володе!

Ключ и паспорт на комод.

На эти стихи Дон-Аминадо отозвалась (через много лет) Ирина Одоевцева:

Целый эмигрантский роман в двух строчках.

Еще бы! Попробуй тут не запомни, коли сама – Жоржева жена. В смысле – супруга Георгия Иванова.

6. Ííóóèèè...

Коммунист с незапамятных времен, академик Давид Рязанов создал ИМЭЛ – Институт Маркса-Энгельса-Ленина, натурально украсивши кабинет тремя портретами.

– А где же я? – добродушно спросил Сталин.

– Маркс и Энгельс, – ответил Рязанов, – мои учителя. Ленин – мой друг... А ты, Коба, кто?

Дальше не смешно.

7.В царстве мертвых

Тема Смерти-парикмахера имеет древние мифологические корни: первое, что делают с нами в Аиде, – срезают волосы. И знаменитый шутник-брадобрей в клубе писателей – он не из той ли серии?..

Когда Гроссман и Эренбург, дожидаясь в очереди, спорят между собой, что важнее – артиллерия или танки, веселый Мастер цокает ножницами и языком.

– Це-це-це... главное теперь – выжить.

8.Вечные ценности

На время войны ввели неукоснительную санобработку с принудительной прожаркой белья и верхнего платья...

– Оставь одежды всяк сюда входящий! – изрек Михаил Лозинский, переводчик «Б-жественной комедии».

ἄνθρωποι ἴσθι

Двусмысленность глагола писать ловко использовал Валентин Гафт – актер и поэт:

ἔατε τὸ ἴμαθός ὑμῶν

ἴμαθός,

ὄχι τὸ ἴμαθός ὑμῶν

ἔατε τὸ ἴμαθός ὑμῶν.

Критики тоже не остались в долгу. И оценивши хороший рост Гафта, медальный профиль, греческий нос, прозвали его втихомолку Наше Столбоносие.

10. ἴσθι τὸ ἴμαθός ὑμῶν

Юрия Осиповича Домбровского забирали трижды, всякий раз указывая другую национальность: русский, поляк, еврей.

– А кто ж ты на самом деле? – спросил близкий знакомый.

– Цыган, – ответил Домбровский.

11. *Yæiŕá èi i'èæñ*

– Все она, родимая! – сокрушался Юрий Осипович. – Ведь как было дело? Фиванский царь припелся к оракулу: почему детей не имею? А тот кланяется, лебезит: благодарите богов, батюшка, собственное же чадо Вас и ужокает...

Царь с перепугу слег. К супруге – ни-ни, не приласкается. А та, бедная, заскучала. С горя устроила пир, подпоила муженька и в свой срок понесла...

Вот! Разливай!.. Все через нее, родимую!

12. *Épáèi úé áí æáñò Çèí æèü Í è èí èæáñ ú Æèi'èáñ*

Заседание Совнаркома. Вдруг Каменев объявляет, что срочно должен уйти. Куда? В синагогу. Совершить молитву по умершему отцу (для чего требуется миньян – минимум 10 взрослых евреев).

– Зачем уходить? – прищурился Ленин. – Мы со Сталиным вас покинем – вот и миньян. Прямо здесь, на месте. Молитесь себе на здоровье.

13. *Í á è ñ'áó*

Прозаик Андрей Михайлович Соболев зафиксирован в местных и зарубежных справочниках.

«Родился в бедной еврейской семье, вел революционную пропаганду, бежал с каторги... роман “Пыль” (1916) вызвал широкий общественный резонанс...»

Нигде, однако, не сказано, что после революции арестован вновь и некие доброты вступились за него перед Каменевым.

– Какой это Соболев? – спросил тот. – Который «Пыль»?.. Знаю,

читал. Плохой писатель. Пускай посидит...

14. Отповедь, или Сам дурак!

Второй человек в государстве – Лев Давыдович Троцкий поносил Чуковского, который ставит между собой и революцией старого национального таракана. Стыд и срам! Срам и стыд!

Корней Иванович, не иначе,

провинился в двух пунктах: а) сочинил «Тараканище»; б) написал «Мойдодыра»:

Í ááñ, í ááñ ói úááñòúñ

Í í óòðáñ è áá:áðáñ.

À í á:èñòúñ

– В нашей стране, – острил перед гибелью, – важно одно: чтобы не расстреляли. Все остальное проходит.

21. Ī à ááóó ŷçî éáõ

Местный Букеровский лауреат, прозаик и переводчик Андрей Яковлевич Сергеев говорил о свободе печати. Что в Англии-де издается газета «Independent» (Независимая). Только редактирует ее старый еврей Депендзон, зависимый по фамилии.

Мы засмеялись и посоветовали записать эту байку.

– Неловко, – померк Сергеев. – Скажут еще – юдофоб... Разве что сделать редактора украинцем – Депенд-Депендовским? – И сник окончательно. – Тогда хохлы обидятся... а пуще того – поляки...

22. Ááíéúé î ðaçáí éé, èèè Ī îñéîáñéá ñáò óðí áèèè

Пьеса Эдварда Радзинского «104 страницы про любовь» особенно раздражала начальство. Почему именно 104 страницы? – с пристрастием допытывались редакторы. – Что за магическое число?

Радзинский объяснял и так и этак... Наконец, сдался.

– Послушайте, – говорит, – я завершил эту вещь первого апреля, 1.04, в День дураков. Понимаете?

Вроде отстали.

23. Ī àî ŷòú

Поэт Константин Яковлевич Ваншенкин рассказывал о Михаиле Гале. Чемпион мира по шахматам, он давал сеанс одновременной игры. Какая-то девушка сделала с ним ничью и внезапно расплакалась.

– Что такое? – обеспокоился Таль.

– Никто... никто, – обрыдалась девушка, – не поверит.

– Почему же?

– Да я,.. – шмыгала, – я... не записывала...

Таль вручил девушке свой платок и заложил руки за спину.

– Командовать парадом буду я!

Ход за ходом, практически без запинки, продиктовал партию и завизировал посредством автографа.

24. Ī î í áóéá

Конечно же, это сам Познер. За невесту. 15-летним мальчиком, перед отъездом за рубежи, он написал:

Ленин – лишь идеалист,

Вовсе не Мессия.

Право, Ленин – утопист:

Утопил Россию.

29. Женское счастье

Академик Лина Соломоновна Штерн – прибалтийская еврейка с немецким родным языком. И очень некрасивая.

Прочитавши роман Фейхтвангера «Безобразная герцогиня», в радостном изумлении кинулась к Мариэтте Сергеевне Шагинян. Какая, дескать, отвратная особа – та самая герцогиня... а от вздыхателей нет отбоя!

– Уймись, милочка! – Шагинян надела слуховой аппарат и для пущей важности перешла на немецкий. – Для успеха, любовь моя, уродства недостаточно.

30. I ёёёё

Аркадий Исаакович Райкин гастролировал за рубежом... Гуляет по городу с переводчиком и видит такую афишу:

ГРАНДИОЗНЫЙ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ!

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР

НА ВАШИХ ГЛАЗАХ

ОПУСКАЕТСЯ НА СЦЕНУ

БОЕВОЙ САМОЛЕТ-

БОМБАРДИРОВЩИК

В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ!

А кто играет? – спросил Райкин.

– Кто что? – не разобрал переводчик.

– Ну, кто исполняет роль бомбовоза? – Райкин усмехнулся. – В натуральную величину...

31. Νέα γύη πιαῦ ἀϊάδ-εἰπὸν ἰ

Зарубежный исследователь пишет:

«Героиня самой популярной русской комедии – “Горе от ума” – каждую ночь проводит с молодым человеком, не занимаясь ничем, кроме музыки».

И вот уже скоро два века никто в России в этом не сомневается.

Νῆϊτᾶϋῖ ἄϊᾶῖῖ, ἄᾶδᾶῖ!

ЭПИГРАММЫ И БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ

Èàçàðü Øàðàøààîèé

1

×òí æ, îîîîîèèòà, î îæàò áúòü

â:âî -òí îðàà,

Î îë, æèàüî ðààèà èó:øá

ì áðò àîã èüà

Í î ðààèà,

ðààèà,

ðààèà, àðüü!

À îòí ðäü í á çì äü

è îòí ðäü í á ðèíüü!

2. *Î ðäü ü 56-ã*

Ýí îðà îòòàí æè èèèèàîî-

Î îðà èèèèèè è í ààæä..

Í î

í à àðàè àî ðàòòèèè

Î ààèü çà ã ðíá Áóàì áøò.

3

Ñèòòàì à Î àðèà èç ì áü îîîîîèèòà,

Í î è îò Òðàèà ðàá áú îèèàì àòüüü ý:

В ðòàð. Á î ì íáíàò íèèèèèèè èèèèè.

À àü æ ò àîðð...

Î òèèèèè ðàèèèè àèèè?

4

xòí ááðáéñéäy ñóúí îñòü èóéááá,

βῆί ἄῆῖ ἐç èñòíðèè ἄῆé:

Îáéäííøèè Èàéíá Èῆῖῖ,

Óaðáíí à íááóè Î íéῆé.

Çáýáèè, ÷òí îíéääò îíí íéèòüῆy,

xòíá èῆííéí èòüíðáá íááíí íááò,

Îááüáè íá òðè áíy óááèèòüῆy

È óóáè íá òðè òüῆy÷è éáò.

5

Èñòéíá èí ááò îñῖῖῖí èí ù,

Íí íá èáæáüé ἄááí îñῖῖῖí èí .

È íá ἄῆyèèé áèòúé è ἄí èí úé

Çà ῆῖóæáí üí èñòéíá ἄí èí .

6

Í à Ñéíáá òó÷è óíäyò òí óóí

Øèè áðááü ῆñῖῖῖῖῖ è ῆῖῖῖ,

Íí îñòáííáèèè èó íáááá

Ùðè ááðáy, òðè ááῖῖéúó áðáá:

Áῆῖῖéíá, Áéááèí èð è Îéáá

7

Í à íðááðáòí îñòè æèçíé áçæyíá

Îçááá÷áí áá èóòáðüü íé:

Ùí ñü à íðááðáòèòüῆy à í íóíó

Ùí í íóíá íááðíáòüῆy ñü íé.

8

Áí áðáá çáèèá

Ὁδὸς αἰὶν ἰσχυρῶς,

Ἰὶ ὀψυαῖα

Νύκτα ὀδύς.

9

Ἰὰ ἀνὰ ἰσχυρῶς εἰμὶ ἰσχυρῶς

Ἰὰ ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς

Ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς

Ἰὶ ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς

10

Ὁδὸς αἰὶν ἰσχυρῶς, ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς:

Ἰὶ ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς:

Ὁδὸς αἰὶν ἰσχυρῶς - ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς,

ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς - ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς

11

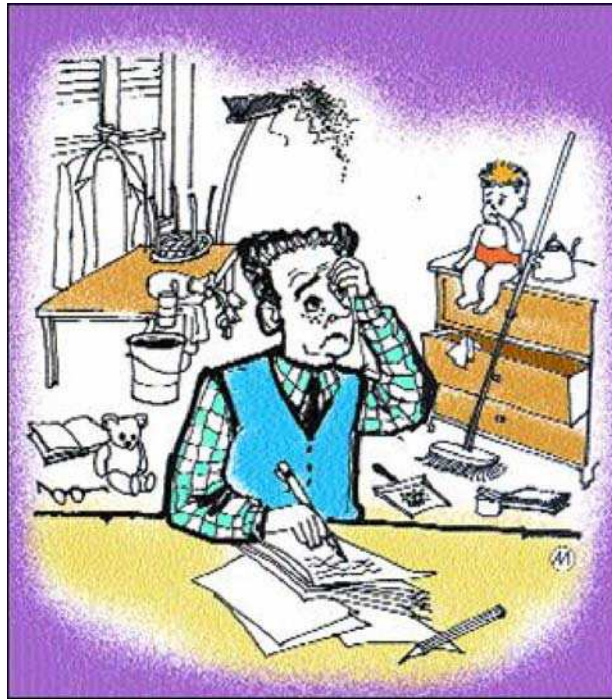
Ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς

Ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς

ἰσχυρῶς ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς,

Ὁδὸς

ἰσχυρῶς εἰσπύεε ἰσχυρῶς.

*Í á è ä ö ó ì á ÿ ä ä ä,
 Í î ò í í ö ä á ÿ ü è è ä ä ò è ð ä ..*

12

*È è ä ø è è á Í ð ü ñ è ÿ ð í ó ä ü ð Ä ä ä ü ü
 Ä ü ä ä è ò è ÿ ü è è í à ø ä è ü ü
 Ì ä ð è ñ ä ñ ä ÿ ò á ø ä è ä è ä ÿ è ò ä è -
 È ñ ñ ò ä ä è è ä è ü é è ÿ è è ò ä è.*

13

*Í ó ÷ ò í ò ú ÿ ÿ í á ñ è ä ø ä ø ü ñ ä ð ä ò -
 ÿ ÿ ò ú è ä è ?*

*Ñ ä í ä ÿ ò ÿ ä ø è ò ú, ÿ ÿ ð ä ÿ è ñ ð ä ä í ÿ.
 Ø ú ÷ ø ä ø ü ÷ ò ÿ ø è ç í è è ÿ í ä ö í ä ä ä è ä è,
 Ø ÿ ò ü ä ü è ÿ í ä ÷ ä è ÿ ä ä ò ä è í ä ä ä ä í ÿ.*

14

*Ä ä ä ä ä è ø ä í ä è ò ä è ñ ò ä ü í ÿ ÿ í ä ÷ ä è ä,
 Ä ç ä ÿ í ä ä ä í é ñ è ä ç ÷ í é ñ ò ð ä í ä*

Á Áéáéèè ì óæ÷éí íáíçíà÷àèè
Èàè ñòíáñòá ì í÷àùèòíŷ é ñòáí á
Í ó à í ú í÷á ñòàðè÷íé çíáéí ù é
Ææíáæíŷ: «Áíðá, ãðá ì í á!
Èç-çà ì ðíñò àò è ò à ñ àááí ñ ì í é
Β í á ñò àè ì í÷àùè ì ñŷ é ñò áí á!»

15. Ó÷áñò í è è à ì Èííáðáñá
ðóíñéíŷçí÷í í í ã ááðáéñò áá
Àà áóáüŷ è ñááðí é í ðáééí í í ú ð

ãáíá

È ò í,

áñá ñ ì í áí üŷ ðáççáŷá

Β ðóíñé è é áú áí ó÷èè

ò í èüéí çà ò í,

× ò í ñ í áñ ð ù β ç í é

áñò ááðáá!

16

Ñíçáàð ÷ ò í í è ááí ü ð áááááðú, -

Í áí á÷à ò à ò ú áú è ð ñéí ðáí!

Æáóŷ áí è é ááðí á, æáóŷ ááðí...

À ì ðè ò í äŷ ò

í áí è ááðáé!

17

Í á è áá ò ò í áíŷ ááèá,

Í ñ ò í í ó è á í ú è è áá ð ò è ð á...

Áñ è á é áí ü

æāīī mīōōà áúēā,

B áú nōàē

÷āī iēīīīī ī ēðā

18

Êīāā áú āāðā- nēó:ēñū ò àēīá

÷āī! -

Āāðā ī ðāāēīæē òūī īá āāēē áú ī ðāāā,

Êīīý á èçīáðāçèē ý èēū āāðāēþāā,

À īá īðēā, īá āīēēā è īá ēūā!

19

Ýéīø ò áéí! Î ò īīñē ò æūū īñòūþ ò āīæ

Āīā āūøē ò - īò êīñ īñā è āī

éó ò óçé.

È ò īò, è ò ī á ðīñē è áúē

ðūñē è áāðāé

Ā Èçðāèēá ñò āī áò

āāðāēñē è ðūñē è.

20

Î óçúēāēūū īé mī āī īþ èāðò èī

Èè è ī øæ:ēī ū ò ī īò èðūò,

ò ī ñēðū ò áí:

× āñī āçāā īī áúē èæ Āī ðīæéí,

Èāçāèāī āçī àōī óē -

è ñò àē èæ Āðē ò ò áí.

21

Ā ýò īī āāéá ðīñē èñē è ī áðīā

Í à í ä é í ñ ä ö è è í í ä ö ð ò :

Í à : ä è ñ è í ç í ä ä

«Ä ä ä ÿ, ä i ä ä ä!»,

Ê í í : è è í ð ä ä è è í í -

ä ä í ü è ä i ä ä ä !

22

B í ó æ ä ä è ñ ÿ ä ñ ð í : í í ñ è ä : ä í è è,

Í à è ä : ä í è ä ä ä è è è í è è ó è ä ä

È í í : ó ä ñ ò ä i ä ä è í ä è ä ä : ä í è ä :

Í ä è ä ä : è è è í í é è í ó ä è ä é

Í í : í í é ä ä ò ä ð

Ð ú ü ä ò ä ä ò ä ð ä Ñ è í ä è ñ è í é í ó ñ ò ú í ä

Í í ð ä è ð ä ñ í ä

í ä ä ä ñ è í ä é ...

Ä í í í ä ç ä ç ä í í é í í : í í é í í è ó ñ ò ú í è

Ð ä þ ò ò ä í è è í : ó þ ù è ö ä í ä é.

Ä í è Ö ä í í ñ ä è ä í è Ö ä i ó ä i è,

Ä è ä ñ í ö í ö í è ä è ò ö ä ú ñ ä ä,

È ä è í ä ñ è, ÷ ò í í í é í ö í ú í í - ð ä ä ü è,

Ä í í è ò ä ä ò ä ð ò ö ä ä è í þ ä ä

Ä í í è í ò è ä ö è è ñ ÿ ä ñ ä ä

ä ä ò ö í è í è æ í ü é,

Ä í í ä ä , è ä è ä ä ä ä ä í í ñ è , í ö ä ð

è æ ä ñ ò í é

Ý ò í ò ò ä è í ä ç ü ä ä ä ü è Ä è è æ í è è,

Ä ò ü ö ä ä ä ä ä í ä í ö ä è ä í í ü è Ä í ñ ò í é.

Óāāīōū, ðāçāīōū, óéīōū

Çāāīū ēāē çī āèè ñāūāū è āīōūāū,

Āāā āāðāēþæūē āīōāū -

ñēīāīī āīōū,

Āōðāāòū - ēāē āāðāēþæūē āīōāū...

Āāēīōyīā, āāðāē è āīāēè,

Īōōūāðāāā ē Īāāēīā è Īāēēā

Īōīēīī āāāī āēāēēīōāēè,

Īēā-, ñōāīīþ ñēðāīēāīīūé

īāāēè, -

Ōāī è āīāé, āēīñāīāðāāā..

Āēēò Ñōēīēñ, íāñ ūēāþūéé

āīēè,

Āāā íāðīāā āī -ðāāā ðāāēēè,

Āēōēāī ñēè íāā-èé çāēóò,

Āāēūé ēðāāò íā áóēāòííé íāñēā

Āāōīþ òāīēā, òāēāæéó ēāēāēè,

Īēðīāāēāīīūé óēāāñ ēīñēóò...

È òāēóò āāāēēīīñēā ðāēè,

Ñēāīçūīīðīāē ñōīēāòéé òāēóò...

Āāðāāī

Āīēūū ūā āāðēāòéè

íā āēāēāēñēèē ñþæāò

Āīōōūçāāāòíūé āāēīōēññ ñīī

Ōāðū,

Ōīōū āñā ūūēè íðīòēā, ā íāçā

Nãððà

ì óæó

ñííà ìíãàðèèà, -

Áúè ðíæááí çàèíííúé Èíãàé.

Èçì àèè ñÁãðíþ á èðàé ááçáíáí úé

Èçãáí ú...

Ýó, çí àòüáú íáí'áðáá,

×òí ìíñòóííé ñíé íáæéããðíáí úé

È áíéíáí è òáððíðóíðèáááò!

Ááðàáí æááçíð áíçáé ñáíñòíðãí

È í ááíáí, ñáðèààèì,

èàé ñí àðááí,

È, íáðáçáá ááòíðíáí úé íðãí,

Ñí Áíãáíøíèì çàéþ÷èè

éíí òðàèò.

Í í íáíàæáú áíí í'áðáí áí èéíñí -

Èòí ííéì àò ìíèèòèéó áéáíò áé? -

Í ááíáí í çáíéóæ è áàòü èõ ì èéíñòü

,

Í á æàéáý ñí áíò ááí í úó ááò áé...

È ìðèèí ñí áááí ðáíí íðýæáí úá -

Ñúíà (Ááðàáí à èðíáí è íéíòí)

Ñáæàòü ááí óáí æáðòáííðèííøáííý -

Ñæá:ü

À í'áðáá ýòèì

çàéíéíòü

Ááðààì ìì ì í áí üýì è í á ì ó:èè

Áóóá

Í í áæáí üá í í èó:èè

È äðí

æèøèè í à í ñèà í àáíþ:èè,

Í í æ èç èðáí èíé áðí í çú í à ò í:èè

È çáí áñí ñú í ýø áíý í è:ò í æ á

(Èí ñàè áúé ñáýçáí, í áí è ãè),

Í í á ì ñ ì áí ò ì ñèááí èé

Áí ãè Á-æèé

Ðéó Ááðààì í áó

í ò áæ...

Á ñéó:èñí í á ò àé, áñí ñò àéí á í ðí ñò í:

Í á áúéí á á èðí æ, á áúì ó á çí è á

Í è í í áðí í á è í è Òí èí èí ñò á,

Í á áúéí á ááðáá í à çáí è á

Í á áúéí áú ááó ì í í æ á ø è ò òðáí í á

È èí èþ:æ í ðí áí èí èè çí í,

Í á áúéí á ò áí èèè Ááðáí í á

Ááðáí í æ: èèè Ááðáí çí í,

Í á áúéí á ñò ááí áááéí áú ò çáæ è ù...

È èí á áú Èþ ò áð èþ ò í èéýè,

È èí á èé áéí èè áú Í óðè ø é áæ: ,

Áú: èñéýè èí á áú Ø à ò áð áæ: ,

È èí á áú Ýé òí áí èñ ò ð á áéýè?

Í í óæ èí èü áí á ø áéíý á ááéí Áí ãè,

Òí ìíòèí, ìíààèí. Íé, ááé!

Àáààì à áí óé Èàéíá -

Βί éáëü

Âúðáñò èé áááí àáòàòü ññííááé.

È ñí ðèσááσèì ñí ááá èè, èç ðàÿ èü

Ñ éáì -òí òàì áí ðíèñÿ áí óò ðà,

× òí áí áéèñÿ çááí èÿ Èçðáéèü

Í í óáí íþ

áú áéòà áááòà.

È á áá íí òíí éáò áááí ðéé áí ó

Ááæ á è í à ááéüü èó áááááó

Í áááááá à íñ ð áéñÿ ÿ òí ò áú áéó,

Áæ áéè í á á áááòàò,

òí á í íçááó..

...Β óçí ð ñéáéà èáðé áú é áú σüþ

Í à éáí áá, á éí òí ðóþ áú áí èé

Èáæ áú é, ì ðí :- è ò ááσ èé Í ÿ ò è éí éæüá

È ñò íé áóü áðáéó

áé áé áé ñéó éí èá

Ááá ááá ÿ ò σí óáòü, éáé óáí óáòü,

× òí èñ òí é ì ðí ðí éáì è óáðÿí

Ááé ñ é ðáí í úé áí óé σóí áðà

Óáðòü -

Àáààì ìí íáçáí í úé Ááááì.

Прогулки по Новодевичьему

Ñíëî ïí Èëííëñ

Ï ðíáíëæáíëá Ï à:æí â ' 113 - 118, 123, 126

И после смерти – «на поруках»!

Ландау Лев Давыдович (1908 – 1968), один из самых выдающихся физиков современности, прославивший своим талантом XX век. Академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, трех Сталинских премий, Нобелевской премии, член многих зарубежных академий. В историю науки его имя вписано золотыми буквами.

А могло случиться страшное...

В 1938 году Ландау, к тому времени уже доктора физико-математических наук, профессора, арестовывают. Его обвиняют во «вредительстве» в науке, в причастности к составлению антисталинской листовки, приуроченной к празднованию 1 Мая.

Прочитав хотя бы несколько фрагментов из этого удивительного по своей смелости воззвания, нетрудно догадаться, что ждало Ландау.

«Товарищи!.. Страна затоплена потоками крови и грязи. Миллионы невинных людей брошены в тюрьмы, и никто не может знать, когда придет его очередь... В своей

бешеной ненависти к настоящему социализму Сталин сравнил с Гитлером и Муссолини...

Товарищи, организуйтесь! Не бойтесь палачей из НКВД... Сталинский фашизм держится только на нашей неорганизованности.

Пролетариат нашей страны, сбросивший власть царя и капиталистов, сумеет сбросить фашистского диктатора и его клику...»

Спаси Ландау от смерти, сохранить его для науки удалось лишь благодаря гражданской смелости, настойчивому заступничеству такого авторитетнейшего ученого, каким был академик Петр Леонидович Капица.

Неоднократные обращения к Сталину, Молотову, Берии закончились тем, что Капица добился разрешения взять Ландау «на поруки».

Ландау продолжает блестяще работать в Институте физических проблем, у Капицы. В 1962 году Ландау попал в автомобильную катастрофу. Жизнь великого физика удалось спасти, но к активной творческой работе он уже не вернулся.

И после смерти Ландау более 20 лет все еще числился «на поруках»! Только в 1990 году его дело было прекращено «за отсутствием в деянии состава преступления».

...Шесть лет не давали поставить на могиле Ландау памятник, который сделал Эрнст Неизвестный. Но благодаря и на сей раз усилиям Капицы все завершилось благополучно.

(5-38-10)

«Мальчик! Здравствуй»

Людям старшего поколения, а уж любителям поэзии и подавно, хорошо знакомо имя поэта, драматурга Светлова Михаила Аркадьевича (1903 – 1964).

Наибольшую известность получило его стихотворение «Гренада», которое обрело долгую жизнь в популярной песне. А поэтические экспромты, каламбуры, афористические шутки Светлова, не забытые и поныне, принесли ему славу остроумнейшего человека.

Вот один из его экспромтов.

В Союзе писателей за злоупотребление спиртным «прорабатывают» молодого поэта. Он оправдывается:

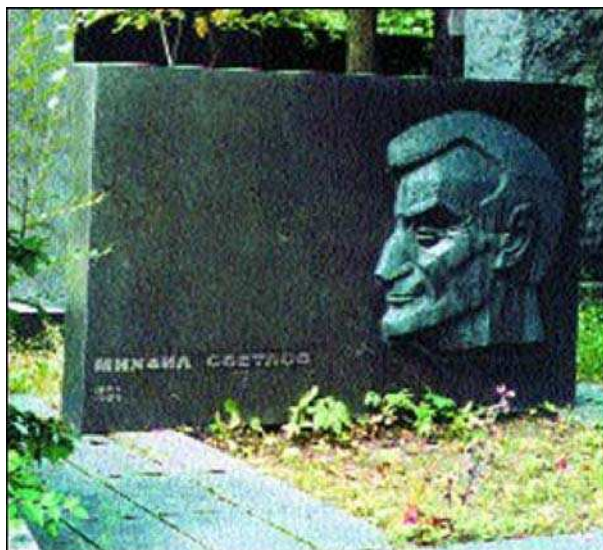
– Толстой пил, Достоевский и Некрасов пили по-черному, Бетховен пил, Моцарт тоже...

Кто-то интересуется: А что пил Моцарт?

В разговор вступает Светлов:

– А что ему Сальери наливал, то он и пил!

Светлов не уставал потешаться над разницей в оплате похорон и памятников в зависимости от места, которое занимает писатель в чиновничьей табели о рангах, и периодически посылал в Литфонд телеграммы такого содержания: «Прошу не хоронить меня согласно иерархическим признакам. Причитающуюся сумму прошу вернуть наличными. Запомните: лучше при жизни дать в теплые руки, чем после смерти в холодные».

Чувство юмора не покинуло этого мужественного человека даже на больничной койке, хотя и понимал, что обречен.

В стихотворении «В больнице» есть такие строки:

*Êâæáòîŷ ì áíŷ óæá îî÷áòîî ,
Êâé ñæääéó ööéîî , îéðæàðò.
Â ñòèõîòáîðáéè «Î ðàì îð» íáéñŷ:
×áðæ ääñòè èáò èéü
îîèòîðáñòà
В èðè÷ó îòŷââ:
«Î äéü÷èé! Çäðáñòáé».*

Может, именно эти строки и попытался «увидеть» скульптор Эрнст Неизвестный, создавая памятник Светлову?

(6-11-12)

Выигрывающий ход

Вряд ли какой-нибудь дачный кооператив может сравниться с подмосковной Николиной Горой по количеству знаменитостей. Жили здесь и такие выдающиеся люди, чьи имена известны во всем мире. Например, физик Капица, авиаконструктор Туполев, композитор Прокофьев, пианист Рихтер и, конечно же, шахматист Ботвинник Михаил Моисеевич (1911 – 1995).

Популярность Ботвинника понятна – он был не только семикратным чемпионом СССР, но и первым советским шахматистом, завоевавшим звание чемпиона мира.

Мне посчастливилось знать Михаила Моисеевича и встречаться с ним не только для обсуждения вопросов, связанных с публикациями его статей по кибернетике и по шахматам в журнале «Наука и жизнь», где я был редактором отдела техники и шахматного отдела. Общались мы и в домашней обстановке, чаще всего у него на даче на Николиной Горе. И в одно из таких посещений Ботвинник рассказал мне про придуманный им выигрывающий ход, правда, не в шахматной партии.

...Когда в семидесятые годы в США была арестована чернокожая коммунистка Анджела Дэвис по обвинению в соучастии в убийстве человека, в Советском Союзе развернулась кампания в ее защиту. И начали собирать подписи под призывом выпустить из тюрьмы ни в чем не повинную Дэвис.

Понятно, особенно ценными были именитые «подписанты». Стали готовить письмо от шахматистов-гроссмейстеров. Обратились с предложением поставить свою подпись к Ботвиннику. Он прочел бумагу и сказал, что, конечно, сделает это, но только после того как убедится, что она действительно невиновна. А для этого просит дать ему возможность... ознакомиться с делом.

Нетрудно догадаться, что дела ему не дали, но и подписи его не получили.

Этой ситуацией оригинально воспользовался гроссмейстер Борис Спасский. И когда его попросили поставить подпись под письмом, он сказал: «Конечно, но только после Ботвинника. Я не могу подписывать раньше “патриарха”».

Много лет спустя я узнал, что такой же выигрывающий ход повторил, а может быть и сам придумал, академик Борис Сергеевич Соколов, когда к нему пришли с письмом академиков в газету «Правда», осуждавшим Сахарова как «поджигателя войны».

Соколов рассказал:

– Пришли ко мне с этим письмом. Говорят – подпишите. Вы – академик, секретарь отделения наук о Земле. Нельзя подводить отделение, а тем более Землю. Я прочитал текст. В нем клеймились труды Сахарова. Знаете, говорю, я обязательно подпишу. Но сперва прочту труды. Я их не читал. А как же подписывать, не читая? Так и ушло письмо в газету без моей подписи.

(№10423)

ДЕКАБРЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2 ДЕКАБРЯ

15 עֵאָרׁ ןִי אִיִּי ןִי אֲדֹעֶ физика-теоретика, трижды Героя Социалистического Труда, академика АН СССР, члена Лондонского королевского общества, АН США и Американской академии наук и искусств, АН Венгрии и др., профессора МИФИ, МГУ, руководителя научного совета по горению АН СССР, одного из основателей современной теории горения, детонации и ударных волн, впервые осуществившего (совм. с Ю. Харитоном) расчет цепной реакции деления урана, автора фундаментальных трудов по ядерной физике, физике элементарных частиц, астрофизике, современной релятивистской космологии, лауреата пяти Государственных премий СССР **Якова Борисовича Зельдовича** (1914, Минск – 1987, Москва).

5 עֵאָרׁ ןִי אִיִּי ןִי אֲדֹעֶ ученого в области автоматического управления, академика РАН, автора трудов по теории импульсных, релейных, адаптивных и др. систем управления, лауреата Государственной премии СССР **Якова Залмановича Цыпкина** (1919, Екатеринослав – 1997, Москва).

4 ДЕКАБРЯ

60 éàò ì ì äü ðæääéÿ биохимика, члена-корреспондента РАН, исследователя в области химического строения, функции и путей биосинтеза ряда биологически активных соединений, образующихся в морских механизмах, **Валентина Ароновича Стоника** (р. 1942, Владивосток).

150 éàò ì ì äü ðæääéÿ физика, члена-корреспондента Петербургской АН, почетного члена РАН и АН СССР, профессора Петербургского университета, Высших женских (Бестужевских) курсов, автора трудов по электричеству, магнетизму, актинометрии, учебника «Курс физики» и др. **Ореста Даниловича Хвольсона** (1852, Петербург – 1934, Ленинград).

5 ÄÄÊÄÄÐ

70 éàò ì ì äü ðæääéÿ физика-теоретика, члена АН США и Американской академии наук и искусств, автора трудов по физике элементарных частиц, предсказавшего заряженный и нейтральный тяжелые лептоны, очарованные D и F-мезоны, одного из создателей объединенной теории электромагнитного и слабого взаимодействий, лауреата Нобелевской премии по физике (совм. с С. Вайнбергом и А. Саламом) 1979 года **Шелдона Глэшоу** (р. 1932, Нью-Йорк).

6 ÄÄÊÄÄÐ

75 ёаò ñ ай даааёу кинорежиссера, народного артиста СССР, поставившего (совм. с А.А. Аловым) фильмы «Тревожная молодость», «Павел Корчагин», «Мир входящему», «Бег», «Легенда о Тиле», «Тегеран-43», «Берег» и др., лауреата Государственной премии СССР **Владимира Наумовича Наумова** (р. 1927, Ленинград).

8 ААЕААДБ

85 ёаò ñ ай ñ адоё писателя, драматурга, автора повестей «Маленький человечек», «Путешествие Вениамина Третьего», «Фишка Хромой» и др. **Менделе Мойхер-Сфорима** (наст. имя и фамилия Шолом-Яков Абрамович; 1836, Копыль Минской губ. – 1917, Одесса).

11 ААЕААДБ

120 ёаò ñ ай даааёу политического деятеля, первого еврея на посту мэра Нью-Йорка, чьим именем назван аэропорт в Нью-Йорке, **Фьорелло Ла Гуардия** (1882–1947, Нью-Йорк).

18 ААЕААДБ

55 ёаò ì ã äíŸ ðġæääġèŸ кинорежиссера, сценариста, продюсера, поставившего фильмы «Челюсти», «Инопланетянин», трилогию об Индиане Джонсе, «Парк Юрского периода», «Список Шиндлера» (премии Оскар за лучший фильм и лучшую режиссерскую работу 1994 года), «Спасая рядового Райяна» (премия Оскар за лучшую режиссерскую работу 1999 года) и др., **Стивена Спилберга** (р.1947, Цинциннати, США).

19 ÄÄÊÄÄDB

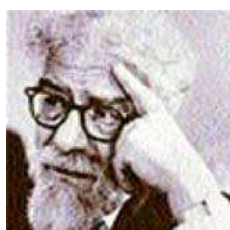
120 лет со дня рождения скрипача, основателя Израильского филармонического оркестра **Бронислава Губермана** (1882, Ченстохов Петроковской губ. – 1947, Корсье-сюр-Вева, Швейцария).

22 ÄÄÊÄÄDB

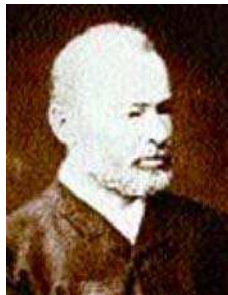
60 ёаò ì ã äíŸ ì äðèè языковед, этнограф и антрополога, профессора антропологии Колумбийского университета, одного из основоположников дескриптивной лингвистики, исследователя культуры и языков американских индейцев **Франца Боаса** (1858, Минден, Вестфалия – 1942, Нью-Йорк).

23 ÄÄÊÄÄDB

30 עֵאָו מִן אִיּוֹ מִן אֲדוֹעַ философа, исследователя в области иудаики, основателя Института иудаики в Лондоне, профессора Еврейского теологического колледжа в Нью-Йорке, автора трудов «Пророчество», «Небесная Тора в зеркале поколения», «Человек не одинок», «Б-г в поисках человека» и др. **Авраама-Иешуа Гешеля** (1907, Варшава – 1972, Нью-Йорк).

24 אֲאֵעֵאָאָב

165 лет со дня рождения предпринимателя, общественного деятеля, основателя и концессионера Курско-Харьковской, Харьковско-Азовской, Орловско-Грязской, Фастовской и Бендеро-Галицкой железных дорог, владельца основанных им (совм. с братьями Лазарем и Яковом) Московского земельного, Донского земельного, Азовско-Донского коммерческих банков и ряда других кредитных учреждений, на средства которого было организовано первое в России железнодорожное училище, частное горное училище при Корсунских каменноугольных коях и женская горная гимназия, **Самуила Соломоновича Полякова** (1837, Дубровна Оршанского уезда Могилевской губ. – 1888, Петербург).

40 עֵאָו מִן אִיּוֹ מִן אֲדוֹעַ государственного деятеля, министра строительства предприятий металлургической и химической промышленности СССР **Давида Яковлевича Райзера** (1904, Каховка Днепропетровского уезда Таврической губ. – 1962, Москва).

25 אֲאֵעֵאָאָב

55 *éàò ìí áíÿ ãááèè* бегуна, обладателя олимпийских золотой и серебряной медалей 1924 года **Элиаса Каца**

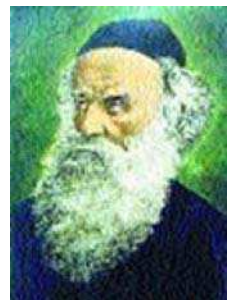
(1901, Або, Финляндия – 1947, убит в секторе Газа, похоронен в Рамат-Гане).

27 *ÁÁÈÀÁÐ*

65 *éàò ìí áíÿ ðíæááéÿ* экономиста, члена-корреспондента РАН, профессора МГУ, Российской экономической школы, автора трудов по макроэкономической теории и математической экономике **Виктора Мееровича Полтеровича** (р. 1937, Москва).

29 *ÁÁÈÀÁÐ*

190 *éàò ìí áíÿ ìí áðòè* (24 тевеса) общественного деятеля, основателя хасидского движения Хабад, родоначальника династии цадиков Шнеерсонов, автора трудов «Тания» (основа философского учения

Хабад), «Тойра Ойр», «Ликутей Тойра», «Шулхан Орух а-Рав» и др. **рабби Шнеура-Залмана из Ляд** (1747, Лиозна, Речь Посполита – 1812, Пены Слободско-Украинской губ., похоронен в Гадяче Полтавской губ.).

31 ÄÄÊÄÄDG

110 ääò ì äü ðæääíëý, авиаконструктора, Героя Социалистического Труда, главного конструктора КБ А.И. Микояна, создателя (совм. с А.И. Микояном) истребителей МиГ-1, МиГ-3, ряда скоростных реактивных самолетов, лауреата семи Государственных премий СССР **Михаила Иосифовича Гуревича** (1893, д. Рубанщина Курской губ. – 1976, Ленинград).

ÄÄÍ ÄÐÄËÛÍ ÄB ÐÄÍ ÄÒÈÖÈB

Ïyòüüüüò ääò í àçää áúë èäçí äí Ðääíëüò Ñëäí ñëëé

Ääí í ääëé Èñòüð-äí èí

Развернув 21 ноября 1952 года «Правду», советские граждане узнали, что накануне в Праге начался судебный процесс над «руководящим ядром антигосударственного заговорщицкого центра во главе с Рудольфом Сланским». Из опубликованного обвинительного заключения следовало: уже бывшие генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии Р. Сланский, начальник международного отдела секретариата ЦК Б. Геминдер, министр иностранных дел В. Клементис, редактор газеты «Руде право» А. Симон, секретарь Брненского обкома О. Шлинг и другие (всего 14 человек, из них 11 – евреи) совершили тяжкие преступления, направленные против чехословацкого государства.

Дословно было сказано: они, «будучи троцкистско-титовскими, сионистскими буржуазно-националистическими предателями и врагами чехословацкого народа, народно-демократического строя и социализма, состоя на службе у американских империалистов, под руководством вражеских западных разведок создали антигосударственный заговорщицкий центр, подрывали народно-демократический строй, срывали строительство социализма, вредили народному хозяйству, занимались шпионажем, подрывали единство чехословацкого народа и обороноспособность республики, чтобы оторвать ее от прочного союза и дружбы с Советским Союзом, чтобы ликвидировать в Чехословакии народно-демократический строй, реставрировать

капитализм, снова вовлечь Чехословацкую республику в лагерь империализма и лишить ее самостоятельности».

В. Неаі івее і ііаі іііе.

Чтобы понять, почему вдруг в цивилизованной стране стало возможным такое действие, напоминающее средневековые судилища над ведьмами, следует обратиться к его истокам. А для этого мысленно перенестись во времени и пространстве в Москву 1949 года. Именно там и тогда Сталин – всевластный правитель коммунистической империи, простиравшейся от Берлина до Владивостока, запустил зловещий таймер будущей кровавой чистки в Чехословакии. Проведя только что шумную пропагандистскую кампанию против так называемых космополитов, он стал серьезно опасаться происков «американо-сионистских заговорщиков» в подвластных ему странах Восточной Европы. Быть может, поэтому в октябре 1949 года диктатор направил в Прагу в качестве первых советников от МГБ СССР М.Т. Лихачева и В.Е. Макарова, уже имевших «опыт нейтрализации» «еврейских буржуазных националистов» в лице С.А. Лозовского, Б.А. Шимелиовича и других арестованных ранее создателей и руководителей Еврейского антифашистского комитета. С этого времени у представителей советских спецслужб в Восточной Европе меняются приоритеты: охота за агентами Тито отходит на второй план, а борьба с сионизмом приобретает первостепенное значение.

В марте 1950 года заместитель председателя Комитета информации (советское разведывательное и контрразведывательное ведомство) В.А. Зорин, который в 1945 – 1947 гг. был послом в Праге, обратил внимание М.А. Сулова на то, что органы госбезопасности Чехословакии «не вели серьезной борьбы с сионистским подпольем и не организовали своевременно агентурной разработки израильской миссии», что способствовало беспрепятственному выезду из страны всех желающих евреев^[1].

Следствием этого стало решение Политбюро ЦК ВКП(б): в Прагу была 14 июня командирована для работы на постоянной основе новая группа контрразведчиков во главе с полковником В.А. Боярским. Вскоре он добился от президента К. Готвальда согласия на создание в структуре местной госбезопасности специального антиссионистского отдела. А 21 декабря «по просьбе» Сланского из Москвы были дополнительно направлены еще четыре советника МГБ СССР для «оказания помощи министерству общественной безопасности Чехословакии».

В результате уже на рубеже 1950 – 1951 годов прошла первая крупная серия арестов высокопоставленных чехословацких функционеров. Среди них было немало и евреев – упомянутый О. Шлинг, заместитель министра национальной обороны Б. Райцин

и другие. К весне из взятых под стражу был выжат компромат на пока что действовавших во власти Сланского и Геминдера: их предполагалось представить в качестве предводителей антигосударственного заговора.

Сталин, однако, не спешил с решением их судьбы. Видимо, он прагматично рассудил: прежде чем принести Сланского в жертву Молоху антисионистской кампании в Восточной Европе, его можно какое-то время с выгодой использовать. Ведь как могли убедиться в Кремле, «полезный» пропагандистский ресурс Сланского был далеко не исчерпан: в феврале 1951 года он опубликовал в «Большевике» статью, призывавшую «разоблачать и обезвреживать вражескую агентуру, очищать партию от подрывных, вредных и чуждых элементов, воспитывать членов партии в духе революционной бдительности..., повышать идеологический уровень коммунистов до такой высоты, чтобы они могли вскрывать любой буржуазно-националистический уклон, чтобы они были беспощадными ко всем отклонениям от марксистско-ленинской линии...»

К тому же этот фанатичный, но, как оказалось, не очень дальновидный политик старался выказать отнюдь не только идейную преданность родине социализма. Другая сторона его сотрудничества с Кремлем отображена в одной из записок министра иностранных дел А.Я. Вышинского секретарю ЦК Г.М. Маленкову. В ней сообщалось: на дипломатическом приеме 14 мая 1951 года генеральный консул СССР в Братиславе П.П. Разыграев, будучи в нетрезвом виде, заявил министру иностранных дел Чехословакии В. Широкому: «Вилем, какой ты министр, ты доверенный Сталина». Потом шло описание того, как подвыпивший и пережегавший свою речь нецензурными выражениями советский дипломат, разоткровенничавшись на тему о том, кто из чехословацкого руководства информирует советское посольство, назвал Сланского, Геминдера и других. Сразу же после инцидента Разыграев был отозван в Москву^[2].

Отсрочка с решением дальнейшей судьбы Сланского была обусловлена еще и тем, что глава МГБ В.С. Абакумов и его креатура в этом ведомстве попали вскоре под подозрение Сталина. Не случайно поэтому именно в июле, когда Абакумов был смещен с поста министра и арестован, диктатор оценил компромат на Сланского, добытый Боярским (ставленником Абакумова), как «недостаточный» и не дающий «оснований для обвинения». Самого же Боярского Сталин посчитал необходимым отстранить от расследования «преступной деятельности» «чехословацких заговорщиков» «ввиду недостаточно серьезного отношения к этому делу». И вот 2 ноября решением ЦК Боярский был отозван в Москву, где сразу был понижен в звании до подполковника^[3].

В тот же день новым руководителем группы советников МГБ в Чехословакии был назначен полковник А.Д. Бесчастнов, ранее возглавлявший Сталинградское управление госбезопасности. Ему и было вскоре доверено поставить точку на политической карьере Сланского. Последний по предписанию Сталина, доставленному Готвальду специально прибывшим в Прагу 23 ноября А.И. Микояном, был арестован и обвинен в руководстве «антигосударственным заговорщицким центром».

...Настало 27 ноября 1952 года. В тот день на судебном процессе в Праге был оглашен приговор. Сланский, Геминдер и 9 их «сообщников» получили высшую меру наказания, а остальные трое – пожизненное заключение. Казнь через повешение состоялась 3 декабря, после чего тела были сожжены, а пепел развеян по ветру.

Подвел итоги этого новоявленного аутодафе Готвальд на общегосударственной конференции:

«В ходе следствия и во время процесса антигосударственного заговорщического центра был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию. Это – сионизм»^[4].

То, что «пражский опыт» Сталин намеревался так или иначе использовать при подготовке сценария аналогичной расправы над арестованными по активно фабриковавшемуся тогда «делу кремлевских врачей-вредителей», не вызывает сомнения. Ведь не случайно же в приговоре, помимо прочего, Сланскому было приписано и такое «преступление»: «предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда», подобрав «для этого лечащих врачей из враждебной среды, с темным прошлым, установив с ними тесную связь и рассчитывая использовать их в своих вражеских планах»^[5]. К тому же сразу после опубликования сообщения ТАСС «Об аресте врачей-вредителей» оперативные службы МГБ зафиксировали в среде западных дипломатов толки о том, что это сообщение продолжает линию антисемитизма, начатую на процессе Сланскогоб.

Впрочем, устрашающая акция в Чехословакии стала последним торжеством злого гения Сталина. Ибо, как известно, смерть не позволила ему довести «дело врачей» до кровавой развязки. Поэтому остается только предполагать, в какой мере могла повториться история, проживи диктатор еще какое-то время.

Ï ÐÈÌ Á×ÁÍÈß

1 ÐÁÁÑÌÈ. Õ. 81. Æ. 3. Á. 86. È. 51.

2 Áíëùóääé 1950. ¹ 4. Ñ. 39-40; ÐÁÁÑÌÈ. Õ. 17. Æ. 119. Á. 582. È. 184

3 ÐÁÁÑÌÈ. Õ. 17. Æ. 119. Á. 717. È. 151-154; Æ. 162. Á. 45. È. 16; Ì óðàóéí Á.Ï. Ááéí Ñéáííéíá // Áííðííù èíðíðéé. 1997. ¹ 3. Ñ. 6-7, 19; Ðíííééíéáÿ áçàòà 1993 10 óááð; Èçáííðéÿ. 1990. 14 ááé.

4 Ááéääéíá Á.Ï. Èíí èí óíðí è ïííéääéíáíáÿ Ááðííà Ï.: Ðíííéÿ ï íéíááÿ, 1994. Ñ. 16

5 Ï óáááá. 1952. 28 ííÿáðÿ.

6 ÐÁÁÍÈ. Õ. 5. Æ. 25. Á. 504. È. 128

ÈÇ Í À Ø Å È Ä Å Ê À Á Ð Û Ñ Ê Î É Ï Î × Ò Û

Ì Á Í Î Ï Ò Ò Ð Ì Ä È È À

Наверное, я с Луны свалился. В телепередаче «Антидеза», на канале «Московия» 28 июля, да еще гораздо раньше много раз говорилось: среди евреев нет шахтеров, рабочих, землепашцев, рыбаков. Подчеркивалось, что евреи предпочитают профессии, где не нужно пачкать рук: врачей, ученых, адвокатов, музыкантов...

Эта мысль стала расхожей. Ее повторяют не только записные антисемиты, но и вполне порядочные граждане, в том числе сами евреи. Я же никогда не слышал, чтобы противопоказанием для какой-нибудь профессии была... национальность. Ну, бывает, человеку отказывают в работе из-за возраста, роста, пола, веса. Скажем, в космонавты берут людей ростом поменьше, весом полегче. Однако утверждать, что есть профессии, где не работают люди определенной национальности?! Такое говорят только про евреев. Вот свежий пример.

В «Лехаиме» в сентябре этого года опубликованы пространные воспоминания известного публициста Бенедикта Сарнова «Извините, вы случайно не еврей?» С какой-то девичьей непосредственностью, ему абсолютно не свойственной, Сарнов пишет: «Евреев-кровельщиков я до этого не встречал. На моем – тогда еще не таком уж долгом – жизненном пути попадались совсем другие евреи. Врачи, учителя, музыканты, бухгалтеры, адвокаты, фармацевты. Знал я, конечно, что немало евреев занято в торговой сети. Встречал евреев парикмахеров и часовщиков. Знал я, что изредка еще попадаются и евреи-пролетарии»...

Судя по статье-исповеди, ее события относятся к началу 50-х годов прошлого века. Это и мое время: в те годы и я прошел еще недолгий жизненный путь. И вот мне «попадались» не те евреи, что ему. Во всяком случае, мне бы и в голову не пришло удивиться встрече с евреем-кровельщиком.

Я родился в Москве в рабочем районе, здесь были заводы: им. Сталина (впоследствии им. Лихачева), первый шарикоподшипниковый, первый часовой, шинный, велосипедный, им. Ленинского комсомола (АЗЛК) и другие. Этот наш гигантский густонаселенный муравейник административно охватил два района – Пролетарский и Ждановский и вошел в историю столицы тем, что считается первым советским. Там стоят кажущиеся теперь старинными многоэтажные «сталинские» дома. В одном из них жила и моя семья.

Родители познакомились до войны, когда оба были рабочими на первом часовом. С этим предприятием их связывали годы жизни: они поженились, состояли в рабочей коммуне, от завода получили комнату в рабочем общежитии, где прожили до войны. Потом с рождением первого ребенка им дали квартиру в настоящем жилом доме. Как и они, все в том доме были рабочими, служащими заводов – часового и им. Сталина. Среди жителей микрорайона с его корпусами для рабочих было немало евреев. Не опускаюсь до подсчетов, сколько. Скажу лишь, что в 1953 году наша мужская школа была поражена антисемитизмом, как и вся жизнь. Так вот, у нас было три первых класса: в двух были еврейские и татарские дети, и только в одном – одни русские. Такое патологическое

деление сохранялось до окончания мною школы, когда она уже давно была «смешанной», а на дворе – хрущевские времена. И все мы были дети рабочих.

Мой отец, будучи рабочим, поступил по направлению комсомола в вуз на вечернее отделение Московского высшего технического училища им. Баумана (МВТУ) и после войны продолжал там учиться: помню, ночами чертил, а утром, шатаясь от бессонной ночи, шел на завод. Он добился своего и стал-таки инженером. Мать была рабочей всю жизнь: разрывалась между домом и заводом, тяжело болела и умерла молодой. В конце жизни собирать часы она уже не могла, ей пришлось выучиться на машинистку. Вокруг меня рабочими были все: сестра отца – ткачиха, братья матери, вернувшись с войны, поступили на номерной завод и там проработали на станках десятилетия, они «институтов не кончали».

Так что с детства я не видел никакой разницы между рабочими, инженерами, людьми интеллектуального труда. Не вижу и до сих пор. Если человек работает добросовестно, то все выходит по Марксу: независимо от вида труда затрачивает то же количество энергии, одинаково устает.

Я вырос в среде, где взрослые независимо от специальности поднимались затемно – инженеры, рабочие. На шестом этаже у нас в подъезде жила семья заводских юристов – она и он, так они ехали на завод вместе со всем домом, в полседьмого уже выходили во двор – в любую погоду во всякое время года.

Ну, а уж человек с высшим образованием в то время считался большой редкостью. Встреть я в те годы кровельщика-еврея – ни за что бы не удивился. Не удивился бы и сейчас: думаю, это вообще не повод для удивления. Но в те годы – как никогда! – если уж еврей кем и были, то рабочими. Чтобы быть кем-то другим, следовало учиться, получить специальность, а на это хватало сил единицам, особенно после войны. Признаюсь, совершенно не понял это место в статье Сарнова. А он далее рассказывает как забавный анекдот про еврея-рабочего. Причем так, словно тот рабочий был единственным в своем роде.

...Из наших знакомых в то время не рабочими были мой отец и семья с шестого этажа. Да еще педиатр в детской поликлинике. Она каждый день ходила по дворам и подъездам, забиралась на верхние этажи со своим чеховским портфельчиком, навещала больных детей – ее хлеб был несладок. Ей платили 35 рублей, как позже и матери. На всю жизнь запомнил ее смешную фамилию. «Догадько идет!» – кричали мы при ее появлении в арке дома. Все остальные знакомые евреи задержались у станков на всю жизнь: образования не хватало.

Это не я, а Сарнов с Луны свалился! В нашем районе жили сотни тысяч, потом – не меньше миллиона москвичей, целый город, и кем только ни работали евреи! На заводах – само собой, но и в сапожных мастерских, и в домоуправлениях, и в школах, и на почте... Это уже гораздо позже, с развитием кампании антисемитизма евреи стали работать там, где им разрешали: в торговле, театре, оркестре. Но куда та кампания не началась, работали где угодно и кем угодно.

Я начал трудовую деятельность плотником на Братской ГЭС – эта запись открывает мою трудовую книжку. Мне никто не чинил препятствий. Это при приеме в институт и после института пятый пункт стал играть в моей жизни огромную роль. А рабочим я мог устроиться в любое время, сколько угодно и где угодно! В кровельщики меня возьмут и сейчас. На заводах, фабриках, стройках на национальность никогда не

смотрели: рабочих рук всегда не хватало. Уже после института я несколько раз работал грузчиком, – это когда не мог устроиться по специальности.

Возвращаясь в эпоху Сталина и сразу после нее, скажу еще: главной гордостью всех взрослых моего времени были дети. Они друг с другом детьми соревновались. Это отравило мое детство: постоянно мне ставили в пример Игоря, который не балуется, его брата Володю – тот не гоняется за девочками, Ирочку – она не бросается портфелем, Машеньку – та, переходя улицу, смотрит сначала налево, а потом направо... Рабочие считали: вершина их жизни – дети, получившие высшее образование. Поступление девушки или юноши в институт отмечалось как праздник. Вот к чему сводилось все воспитание. И опять не хочу опускаться до подсчетов: сколько рабочих-евреев, а сколько русских мечтали о такой перспективе для детей. Так мечтали все: нам вдолбили, что все должны получить высшее образование. И не потому, что с дипломом будто бы меньше трудятся, работа чище и руки белее: повторю, работали все совершенно одинаково, на износ. Просто тогда считалось, что при коммунизме физический труд отойдет в прошлое, возьмут в коммунизм только самых образованных и трудолюбивых, а остальных оставят на «полустанке прошлого». Словом, я в рабочем районе прожил бо́льшую часть жизни и с чистой совестью называю его еврейским. Поэтому меня всякий раз и поражает: с чего вдруг кто-то взял, что евреи не могут быть рабочими?! Бесит, что люди, получившие образование и воплотившие мечту родителей, попятились назад и рассуждают как дремучие с семью классами за плечами.

Вообще же статья выдающегося публициста Сарнова бесконечно устарела: он говорит о дне вчерашнем и при этом еще бесстыдно врет. Не имеет значения, какой национальности наши рабочие и служащие, потому что отменили саму национальность – смотрите статью 26 Конституции РФ и свой новый паспорт.

Но есть вещи, которые отменить невозможно. «У евреев есть общие черты характера, внешности, есть специфический юмор, специфическая тоска, специфический менталитет»... Думаете, пишет патологический антисемит? Эти слова принадлежат другому известному публицисту – Леониду Радзиховскому: в № 34 газеты «Еврейское слово» он разродился очередной монументальной статьей. У него есть что-то общее с борзописцем Александром Минкиным: тот строчит тем длиннее, чем меньше у него мыслей. Здесь же Радзиховский не дрогнувшей рукой пишет: «русские евреи... культурно ассимилировались на 100%», но есть еще «этнические полуевреи (а их дети обычно вообще евреи на 25%, т. е. даже по гитлеровским законам евреями не считались бы)». Протираю глаза: пишет эту галиматью человек с высшим образованием? Ведет все эти пошлые подсчеты, указывает какие-то проценты? Еврей возносит «гитлеровские законы» над всеми остальными с помощью простого словечка «даже»?!

Заметьте, он не путает характер со свойствами характера. Свойства характера действительно бывают сходными: подлость, черствость, цинизм, доброта, любвеобилие. Но сколько людей – столько и характеров. Какие же «общие черты характера» обнаружил наш образованный автор у евреев? Он не раскрывает своей мысли. Дело в том, что характер вместе с его свойствами – одна из неразгаданных научных загадок. Рождается ли человек преступником? Появляется ли на свет злодеем, ангелом? Или все поступки – производное среды его обитания? Вопрос сложный: именно он-то и стал краеугольным камнем двух философских школ. Одна считает, что «бытие определяет сознание», другая – что «сознание определяет бытие». Радзиховский же походя разрешил проблему, найдя у евреев «общие черты характера».

Ну, а какие «общие черты характера» у русских? А у башкир? Или у них «общих черт характера» нет – те только у евреев? Раз уж известный публицист показал себя большим специалистом по «общим чертам характера», довел бы речь до конца и поведал нам, темным, про «общие черты характера» всех, населяющих землю. Злость, хитрость, жадность, двуличие, продажность – эти черты объединяют людей какой национальности? А глупость?

У евреев «специфический юмор»? А скажите, г-н Радзиховский, американский юмор – неспецифический? О’Генри – это юмор специфический или единственно правильный? А юмор Марка Твена – он, с вашего позволения, какой? Мне кажется, юмор его – очень специфический, и юмор Антона Чехова не перепутаешь ни с каким, и юмор Гоголя узнаваем. Есть еще английский юмор – он какой? Неужели тоже специфический? Если всякий юмор – специфический, то есть вызывает смех, то почему обращать особое внимание на специфичность еврейского юмора? Получается, будто юмор остальных народов – «верный», а юмор еврейского народа – какой-то особенный, не всем понятный, словом – «специфический».

Как и «специфичность» тоски. Когда Радзиховскому писать не о чем, то уж так не о чем, что хоть бы он и вовсе не писал. Но он все-таки пишет, и в конце вопрошает: «Я написал эту статью и подумал: ну и какова же все-таки ее мораль?» Подсказываю ответ: статья скорее аморальна. Искусственно выделять евреев из общей массы, наделяя их Б-г весть какими уродливыми характеристиками, безусловно – аморально.

Радзиховский пишет о евреях не как о разных людях, а как о какой-то специальности: у людей одной профессии бывает много чего «специфического», что их, пожалуй, и объединяет. Но евреев, как и любых других людей, если что и объединяет, то вовсе уж не принадлежность к одной нации.

Лучше всего – не объединять народы по внешним признакам. Люди – не скот: нас не разделишь на виды, классы и подвиды. Меня, уверяю, ничто не объединяет с Радзиховским! И было бы очень странно, если бы мы с ним были похожи внешне. С какой стати? Моя мама не была знакома с его папой, а мой – с его мамой. Что он хотел сказать, когда писал, будто у евреев «общие черты внешности»? Все меня с ним разъединяет: когда его встречаю, от него шарахаюсь.

Глубоко омерзительно читать статьи про то, какие евреи (евреи вообще) гадкие, грязные, гнусные. Или, наоборот, восхитительные, умные, гениальные, прозорливые или вот – особенные, «специфические». Это мне всё непонятно. Евреи – разные. Сколько евреев – столько и людей.

Думается, любая национальная пресса создана не для того, чтобы восхвалять свой народ в ущерб другим. А то можно заговориться наподобие Сарнова и Радзиховского. И откровения дойдут до того, что иных граждан не мама с папой сделали, а при появлении на свет им предоставили возможность выбрать лучшую национальность из всех, какие есть на земле. Иначе говоря, что они на нас с Луны свалились.

Ì. Øáéäää, Ì ïñää

Νέοσ ἀὲ ἰὸ ἐδῶναι ἐϋ ὀδῶναι

О том, как велось «следствие» по злодейски надуманным антисемитским делам, мне довелось узнать из первых рук – от одного из главных кровавых деятелей того времени – министра государственной безопасности СССР С.Д. Игнатьева.

В годы войны Семен Денисович короткое время возглавлял обком КПСС Башкирии. Вскоре пошел на повышение. Своим внушительным видом приглянулся Сталину и в 1951 году сменил министра ГБ Абакумова, не проявившего должной сноровки в раскручивании кампании против видных еврейских деятелей.

Из опубликованных в журнале «Лехаим» документов видно, что новый глава МГБ вполне оправдал доверие Сталина. Скоро было завершено «следствие» по Еврейскому антифашистскому комитету. Направляя дело в Военную коллегия Верховного суда, Игнатьев требовал смертного приговора ни в чем не повинным людям – цвету еврейского народа.

С таким же усердием взялся он довести до суда позорное «дело врачей». Только благодаря (истинно благодаря!) смерти Сталина дело получило иной оборот.

Как ни странно, Игнатьеву удалось уйти от ответственности за кошмарное преступление, он вышел сухим, нет, не из воды, а из невинно пролитой крови. Его быстро спровадили, с глаз долой, назад в Башкирию на прежнюю должность. Можно, однако, понять, почему новое (вернее, старое) руководство страны мирно обошлось с коллегой! Ведь многие сами были ответственны за творившееся в стране.

Вскоре после возвращения С.Д. Игнатьева в Уфу был созван республиканский партийный актив. Мне, журналисту, довелось присутствовать на этом собрании. С докладом о задачах парторганизаций выступил Игнатьев. Коснулся он и нашумевшего «дела врачей». Совершенно неожиданно сделал ошеломляющее признание. Мне запали в память его слова:

– Расследованием руководил сам Сталин. Каждый день я обязан был докладывать ему о ходе допросов. Он требовал любым путем добиваться признательных показаний. А как добьешься? Били, били, били!

При этих словах Игнатьев трижды развел руками... Вроде, деваться некуда было.

Мне запомнился еще такой эпизод, характеризующий Семена Денисовича. В промышленном городе Башкирии – Черниковке, открывалась отчетно-выборная партконференция. К подъезду Дома культуры подъехала машина, из нее вышел Игнатьев в сопровождении телохранителя. У входа у гостей спросили билеты. Вальяжного гостя никто не встречал. Он повысил голос на дежуривших у входа. Вскоре примчался растерянный секретарь горкома: оказалось, не было предупреждения о приезде высокого начальства. А высокий гость не унимался: «Кого вы поставили в дверях, это же неграмотные люди!»

О дальнейшей судьбе С.Д. Игнатьева мне известно следующее. На «заслуженном отдыхе», у него появилось неожиданное хобби: собирал афоризмы, даже выпустил сборник в одном областном издательстве. Видимо, совесть не замучила его. Умер он в преклонном возрасте, не дожив нескольких месяцев до 80-летия.

È. Óàí èí, Óóà